ческий год. Непрерывное комплектование дает возможность каждому товарищу решить вопрос о своей учебе как заочника в любое наиболее для него удобное время года, не связывая его определенным сроком.

6. Товарищ, допущенный к заочной проработке ЭИКП, может проработать программу всех трех курсов данного отделения.

В отмену прежнего положения о непереводе заочника в число действительных слушателей ЭИКП, каждый заочник, проявивший себя с партийной и академической стороны достаточно ценным, может быть переведен в число действительных слушателей по ходатайству дирекции ЭИКП перед Мандатной комиссией ЦК ВКП(б).

7. Учитывая особенности заочного отделения (совместительство с работой), ЭИКП допускает продление прохождения каждого курса до 2 лет (за исключением 3-го).

8. Заочники, допущенные на 3-й курс, освобождаются от практической работы и зачисляются в число действительных слушателей ЭИКП по постановлению Мандатной комиссии ЦК ВКП(б).

9. Заочники пользуются в обязательном порядке дополнительными днями отдыха (2—3 дня в месяц) для выполнения теоретических работ и дополнительным отпуском в размере 1—1½ мес. для участия на курсах конференции, созываемых ЗКО, и для научных командировок.

10. В число заочников зачисляются товарищи, которые отвечают обычным условиям приема в ЭИКП, но по условиям своей работы не могут быть направлены в ЭИКП (см. условия приема в ЭИКП, опубликованные в «Правде» от 28/IX-30 г.).

11. Товарищи, желающие работать по программе одного из отделений ЭИКП в качестве заочников, должны представить рекомендацию Секретариата ЦК ВКП(б), ЦК нацреспублики или обкомов (облбюро), партхарактеристику, утвержденную парткомом не ниже райкома, автобиографию и заявление.

Никакой разверстки для командировки заочников не устанавливается.

12. Все командировки, с приложением автобиографии и партхарактеристики поступающих будут представлены на решение Мандатной комиссии ЭИКП.

13. Товарищи, допущенные Мандатной комиссией ЭИКП, должны не позднее чем через 6 мес. со дня решения Мандатной комиссии выполнить следующие работы: 2 работы тезисного характера (страниц 12—15) по политэкономии и философии или ленинизму, 2 устных выступления по актуальным проблемам политэкономии на семинар установочной конференции и в порядке консультации. Окончательное зачисление в число заочников ЭИКП происходит после представления письменных работ и работы на установочной конференции. В течение года он должен выполнить по программе ЭИКП один доклад и 3 письменных работы тезисного характера и тезисы по одной теме дополнительного семинара.

14. Темы тезисов указываются ЗКО.

15. Все командировки, заявления и остальная корреспонденция, связанная с вопросами о заочном обучении, направляются по адресу: Москва, Волхонка, Б. Знаменский пер., д. № 2, Заочно-консультационное отделение ЭИКП.

Зам. директора **БОРИЛИН.**

ПОПРАВКА

В № 19—20 „БОЛЬШЕВИКА“ на стр. 123 (10-я строка снизу), в цитате из Ленина.

напечатано:	должно быть:
„создавшееся в результате этого безусловно тяжелое впечатление отнюдь не является для нас голым проигрышем“.	„создавшееся в результате этого безусловно тяжелое *положение, однако*, отнюдь не является для нас голым проигрышем“.

Главлит № 78634. Тираж 175.000.

Типография газ. „Правда“, Москва, Тверская, 48.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

БОЛЬШЕВИК

№ 22 30 НОЯБРЯ № 22

1930

МОСКВА

Издательство ЦК ВКП(б) „ПРАВДА“

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

Год издания VII

Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"

Адрес редакции: Москва, 9, Тверская, 48. Тел 1-21-16, Кремль 1-98.

№ 22 — 30 НОЯБРЯ — 1930 г.

СОДЕРЖАНИЕ.

Процесс русской и международной контрреволюции.

Ни раскрытие меньшевистской организации Громана — Суханова, кулацко-помещичьей группы Кондратьева, октябристско-кадетской «Промышленной партии» Рамзина и К°, об'единившихся в общей цели для свержения диктатуры пролетариата и реставрации капитализма путем интервенции, ни программы действия, для проведения которых они возникали, не представляют для ВКП(б) никакой неожиданности. На пороге нэпа, на X с'езде партии, продумывая необходимость нэпа для создания условий социалистического строительства, продумывая все возможные последствия нэпа, Ленин говорил: «Кооперация, выделяя элементы более хозяйственные, более высокие в экономическом отношении, тем самым в политике выделяла меньшевиков и эсеров. Это химический закон, тут ничего не поделаешь... Меньшевики и эсеры—это люди, которые сознательно или бессознательно восстанавливают капитализм и помогают Юденичам. Это тоже закон. Мы должны с ними воевать». (Речь о «натуральном налоге», 15 марта 1921 г., т. XVIII, ч. I, стр. 142, 1-е изд.). В заключительном слове Ленин расширил еще эти свои замечания. «Если она (кооперация.—*Ред.*) политически, как я уже указывал, служит местом организации, централизации, об'единения элементов, политически враждебных нам, проводящих по сути дела колчаковскую и деникинскую политику, — то, конечно, кооперация, по сравнению с мелкими хозяйствами, с мелкой торговлей изменяет только форму дела. Разумеется, что всякое выделение кулачества и развитие мелкобуржуазных

отношений порождает соответствующие политические партии, которые в России слагались десятилетиями и которые нам хорошо известны. Здесь надо выбирать не между тем,—давать ли ход этим партиям,—они неизбежно порождаются мелкобуржуазными экономическими отношениями,—а нам надо выбирать, и то лишь в известной степени, только лишь между формами концентрации, об'единения и действий этих партий. Никак нельзя доказать, чтобы кооперация в этом отношении была хуже». (Т. XVIII, ч. 1-я, стр. 148).

Эта ленинская характеристика кооперации относится лишь к самой начальной стадии нэпа. Мы знаем, что уже в статье «О кооперации» Лениным дается совершенно иная характеристика кооперации. Однако эти высказывания Ленина имеют значение для установления правильной перспективы по отношению к вопросу о политическом значении вскрытых контрреволюционных организаций. Указывая на «химический закон», в силу которого всякое развитие мелкобуржуазных отношений и тем более выделение кулачества порождает партии, стремящиеся к восстановлению капитализма, Ленин вперед предостерег от всяких преувеличений в оценке возникновения таких организаций. Его точка зрения является ответом на вопли, вроде «как можно было допустить» и т. д. Нэп на первой своей стадии был отступлением для подготовки социалистического наступления. Но уже на XI с'езде партии Ленин дал лозунг «Отступление кончено», дал лозунг о подготовке сил для социалистического наступления. И партия постепенно развернула социалистическое наступление, на рельсах нэпа, как политики, «рассчитанной на борьбу элементов капиталистических и социалистических, рассчитанной на возрастание роли социалистических элементов в ущерб элементам капиталистическим, рассчитанной на победу социалистических элементов над капиталистическими элементами, рассчитанной на уничтожение классов, на постройку фундамента социалистической экономики» (Сталин).

ВКП(б) давала себе, понятно, с самого начала полный отчет в политических возможностях, таящихся в новой экономической политике. Допуская свободу торговли, хотя и под контролем государства, пролетариат должен был временно допустить выделение кулачества, создание в городе новой буржуазии, которые, со своей стороны, не могли не являться питательным бульоном для восстановления в той или другой форме мелкобуржуазных и буржуазных партий, стремящихся к тому, чтобы стратегический маневр советской власти «расширить и углубить» своим нажимом Никакие вредительства, с другой стороны, не могут обесценить утверждения Ленина, что нельзя строить социализм только руками коммунистов. Так же, как мы учились военному делу у военспецов, мы не могли не использовать буржуазных спецов при проведении денежной реформы, не могли не учиться агрономии у агрономов, технике — у техников. Вредители представляют собою только меньшинство специалистов, кроме того, до известного пункта развития наших хозяйственных отношений эти контрреволюционные элементы, по крайней мере большинство из них, не становились на путь вредительства. На том участке исторического развития, на котором советская власть должна была для накопления сил для нового прыжка допустить развитие зажиточных слоев деревни, довольствуясь ограничением их эксплоататорских тенденций, господа Юровские, Кондратьевы, Громаны оказывали нам некоторую помощь. При этом, конечно, они лелеяли надежду, что служат делу возрождения капитализма, ибо по их мнению, советская власть, сказав «а», должна будет сказать и «б». В этом они жестоко ошиблись.

Но, указывая на неизбежность выделения контрреволюционных партий при развитии мелкобуржуазных отношений, Ленин, хотя и говорил о «химических законах», не становился ни на один момент на позицию наблюдателя «естественных процессов» и тем самым на позицию подчинения этим «законам природы». Он, наоборот, заявлял, что именно с этим законом мы должны воевать, и добавил: «Коли воевать, так по-военному». Эта точка зрения Ленина дает критерий для оценки факта, что известные круги коммунистов, смыкающиеся на работе с буржуазными элементами, забыли о «химическом законе», по которому эти элементы должны были рождать контрреволюционные тенденции, и о политическом долге—быть начеку.

Развитие мелкобуржуазных отношений, допущенное сознательно партией на известном этапе, начало выделять не только среди буржуазной интеллигенции элементы контрреволюционных организаций, но и в ваших рядах—троцкистские и правооппортунистические элементы, ставшие проводником контрреволюционных вредительских программ. ВКП(б) — боевая партия советского пролетариата, учитель молодых компартий в капиталистических странах, не из такого сделана историей материала, чтобы могла подвергнуться перерождению. Партия, борясь на два фронта за ленинскую линию, разгромила как контрреволюционный троцкизм, так и кулацкую агентуру — правый уклон, главную опасность в условиях реконструктивного периода.

С момента начала реконструктивного периода, с начала нашего социалистического наступления наиболее сознательные буржуазные и мелкобуржуазные элементы в нашем государственном и хозяйственном аппарате должны были прийти к убеждению в крахе их надежд на капиталистическое перерождение советской власти и перешли к прямому вредительству и подготовке интервенции. Все попытки громанцев и кондратьевцев доказать нам «научно» необходимость затухающей кривой нашего хозяйственного развития, невозможность скорых темпов индустриализации были партией теоретически разбиты, практически отброшены.

Труднее обстояло дело в области техники; ибо, если рабочий класс в области политической экономии, опираясь на учение Маркса и Ленина, с легкостью выводит из строя заржавевшие пушки буржуазной экономики и поэтому легко мог отличить, где кончается «ученость» Громанов, Базаровых и Кондратьевых,—то в области технических вопросов рабочий класс не завоевал себе еще перевеса над буржуазными учеными, и поэтому они могли нанести ему несколько ударов на ряде участков фронта. Но так же, как в войне не решают частичные прорывы, если общий стратегический план правилен, так же точно правильность генеральной линии партии предопределила невозможность достижения контрреволюционерами целей, которые они себе ставили. Основная стратегическая цель основной контрреволюционной организации—«Промышленной партии»—состояла в том, чтобы вызвать экономический кризис, как условие для интервенции. Экономический кризис должен был быть вызван сознательным увеличением всех диспропорций нашего хозяйства. Такая цель не могла быть достигнута только чисто техническим саботажем. Она могла быть

достигнута навязыванием нам на разных участках чересчур малых темпов развития или чересчур быстрых, для которых нехватило бы нам сил. Партия отбросила минималистические установки и во-время раскусила вредительство безбрежных планов и головокружения, представлявших большой соблазн для «левых» оппортунистов. Вредительские планы разбивались активностью рабочего класса, перевыполнением программы пятилетки. Вредителям не удалось провести ставку на «омертвление основного капитала», на искусственную затяжку строительства. Эта ставка разбивалась и разбивается большевистскими темпами.

Победа, состоящая в том, что партия Ленина, верная его учению, сумела разузнать классового врага независимо от его маскировок,— дала возможность органам советской власти вскрыть конкретную организацию врага и ее разветвления. Как ни смешно это будет звучать в ушах Шерлоков Холмсов мировой контрреволюции, блестящая ликвидация контрреволюционных организаций, при помощи органов ОГПУ, стала возможной благодаря правильной марксистско-ленинской оценке опасностей ВКП(б), благодаря именно знакомству с ленинским «химическим законом» контрреволюции. Сообщая это, мы не боимся выдать «тайну» ОГПУ нашим классовым врагам, ибо, к счастью для пролетариата, они не умеют пользоваться этим нашим орудием.

В самой оценке опасности выделения контрреволюционных элементов на почве нэпа Ленин характеризовал эти элементы, как продолжение старых, хорошо нам знакомых, буржуазных партий. Политику этих партий он охарактеризовал, как «по сути дела колчаковскую и деникинскую». Господа Громаны, Базаровы, Сухановы, а также Кондратьевы наверно с негодованием отклоняют такую характеристику. Во всяком случае, меньшевик Абрамович проявил по поводу такой характеристики его политических друзей, попавших за решетку, высшее негодование, на которое способен этот раньше «единственный» «представитель» еврейского, а теперь (каковы судьбы истории!!) всего советского пролетариата.

Но возмущение мелких буржуа доказывает только их законное желание казаться лучше, чем они есть на деле. Громаны и Сухановы считали «только» невозможным проведение пятилетки, т.-е. невозможным такое усиление социалистической индустрии, чтобы она могла взяться за социалистическую перестройку сельского хозяйства. Но если «только» это невозможно, то последствием такой невозможности явилось бы «только», что сельское хозяйство пошло бы по пути капиталистического развития, что усилило бы буржуазные слои деревни, подчинило бы им экономически и политически остальную деревню, противопоставило бы капиталистическую деревню социалистическому городу. При невозможности такого усиления социалистической промышленности, которое позволило бы ей социалистически переделать деревню, неизбежна была бы реставрация капитализма. Господа Громаны это великолепно понимали и ставили ставку на кулака.

Ставка на кулака есть сердцевина всякой реставрации капитализма в СССР. А раз господа меньшевики, приютившиеся в наших хозяйственных аппаратах, ставили ставку на кулака, то нет ничего более понятного, что на этой почве у них немедленно восстановился старый блок с эсерами. Кондратьевы же без всякого стеснения поставили программную точку на «i» и назвали вещи по имени, а именно, что дело идет о восстановлении капитализма, что надо присмотреться, какие «живые силы» стремятся к той же «высокой

цели». Эти «живые силы» сколачивались вокруг Пальчинского,—старого знакомого эсеров и меньшевиков с 1917 года, когда этот герой старого русского капитализма пытался снять голову с плеч революции, «освобождая» Петроград от петроградского пролетариата. Вокруг Пальчинских, Рабиновичей, Рамзиных и Калинниковых собирались главные приказчики Рябушинских, Коноваловых, Денисовых, Манташевых, Нобелей, которые в восстановительный период занимались скромной задачей—хранением господского добра, повышением его стоимости при помощи направления советского золотого дождя на национализирование фабрики своих хозяев, но которые теперь поняли, что надо поставить задачу пошире.

Наступление социализма, успех индустриализации подсказали Пальчинским, что пришел решительный бой. Если пятилетка возьмет, то рамзинским хозяевам не увидеть больше своих фабрик. Господа приказчики капитализма — деловые люди. Продумав обстановку, они сказали себе: меньшевизм не может теперь представлять никакой *с е р ь е з н о й* силы. Кулацкая партия—вещь хорошая, *е с л и б ы* ей удалось поднять кулака. На всякий случай Кондратьевы нужны уже *т е п е р ь*, ибо кое-что они могут сделать для усиления сопротивления кулачества, а во всяком случае будут нужны для прикрытия господства крупного капитала. Даже без кулацкого восстания Пальчинские и Рамзины готовы были допустить Чаяновых при раздаче министерских портфелей на пост министра земледелия. Уничтожение национализации земли, т.-е. свобода торговли землей, предоставление выкупа помещикам,—это ведь ключ к восстановлению помещиков. Но зная решительность большевиков, зная, какие великие пласты крестьянства советская власть подняла к новой жизни, Пальчинские видели в кулацких восстаниях только элемент ослабления советской власти, а не решающий фактор победы: победу могут принести только империалисты на штыках чужестранных войск. Насчет допустимости прибегнуть к иностранным штыкам господа приказчики Разуваевых не могли иметь ни малейших сомнений. Они—люди деловые, а расчет тут простой. Рабочие и крестьяне отняли у помещиков и капиталистов 100% всего их награбленного достояния, если уплатить иностранным правительствам за интервенцию 30—40% его и получить за это обратно свою собственность, то это—цена не чересчур высокая, тем более, что, имея в руках власть, можно переложить все тяжести на народные массы.

Пальчинские и Рамзины повели переговоры с французскими военными кругами об интервенции. Как отнеслись к этому меньшевистско-эсеровские «вожди»? Понятно, интервенция, как нить к власти, вещь разорительная, но и восстание—вещь разорительная; а, во-вторых, нас же ведь не спрашивают, хотим ли мы интервенцию, проведут ее иностранные капиталисты и в собственных интересах. А как же такие реальные политики, как Кондратьевы и Макаровы, могут игнорировать факты! Поэтому, в конце концов, какие бы ни были отклики среди них насчет интервенции, они ее приняли, — сообщает скромно господин Макаров. И, таким образом, Сухановы и Кондратьевы оказались в «контактной комиссии» с господами Рамзиными, которые интервенцию не только принимали, но и подготовляли по точным заданиям, работая в ближайшем контакте с агентами французского шпионажа. Картина этих самоизбранных русских премьеров, министров с разными портфелями, бегающих вечерком на почту для передачи французским шпионам необходимых сообщений, как она ни позорна,

она точно отражает то положение, в котором находилась бы русская контрреволюция в случае своей победы. Она была бы на побегушках у французского империализма, став простым орудием интервенции.

Факт невозможности победы русской контрреволюции без помощи иностранного империализма имеет громаднейшее значение. Видя крах своих надежд на «перерождение» пролетарской диктатуры, видя рост побеждающего социализма, все более растущий авторитет советской власти, которая получила в лице миллионов колхозников новую прочную опору, — вредители с особым остервенением стали готовить кровавый пожар интервенции. С другой стороны нажимали на вредителей их «хозяева», в первую очередь, застрельщик интервенции—французский империализм.

Подсудимые на процессе разоблачили в своих показаниях, что если в первый период представителям «Торгпрома» и «Промпартии» приходилось обивать пороги империалистических воротил, то по мере роста экономической мощи Советского союза положение резко изменилось. Инициатива перешла в руки империалистов, последние сами стали принимать депутации, устраивать специальные свидания и т. д. Разрушить все более крепнущую базу мировой пролетарской революции — СССР, такова была основная цель интервентов. Одновременно французский империалистический паук, разбухший от немецкой репарационной крови, мечтал устроить себе новое переливание живительных соков, создать вторую репарационную проблему за счет уплаты старых царских долгов.

Тяжелая рука пролетарской диктатуры опустилась на плечи контрреволюционных организаций, подготовляющих удар в спину пролетарской революции в момент, когда должны были двинуться против нее штыки империалистических врагов. В этом предупреждении удара выражается факт боевой готовности ВКП(б). Мировой капитализм долго надеялся, что перерождение советской власти облегчит ему победу. Когда эти надежды развеялись под влиянием исторического развития — принятия советским правительством пятилетки и начала ее осуществления, империалисты надеялись, что по меньшей мере удастся усыпить бдительность ВКП(б) и подготовить соответствующие условия для интервенции, вредительской и диверсионной деятельности. Но и эти надежды оказались разбитыми. Приняв программу великих классовых боев, партия выдвинула лозунг самокритики, чистки аппарата, обратилась к классовой бдительности пролетарских масс, ибо она помнила слова учителя, что революция, организуя свои силы, даст толчок и организации контрреволюции. Идя в бой за социализм, партия знала, что это вызовет растущий отпор сил контрреволюции. И органы советской власти бодрствовали. Еще раз приходится контрреволюции убедиться, что большевиков не берут голыми руками. Удар, обрушившийся на головы русской контрреволюции, ударил и по мировой контрреволюции и по французскому ее застрельщику. Публичные признания подсудимых, выдающих с головой своих хозяев, вызвали известное замешательство в лагере империализма. Та дымовая завеса, непревзойденная еще по наглости кампания самой чудовищной лжи и клеветы на Советский союз, которая предпринята буржуазной печатью — все же не сможет скрыть фактов, которые дойдут до сознания самых широких трудящихся масс за границей. Процесс главарей «Промышленной партии» даст еще возможность подробно разобрать механизм и движущие силы подготовки интервенции. Но надо прямо сказать: обвинительный

акт советской прокуратуры с содержащимися в нем признаниями подсудимых стоит выигранной битвы. Он является выигранной битвой в нашей борьбе за мир. Об этом говорит тот факт, что в то время, когда наша пресса перепечатала полностью подлинные статьи г. Пуанкаре, французская империалистическая пресса не посмела перепечатать показания Рамзина и К°. Она их только голословно отрицает, не смея войти ни в какие детали. Мы раскрыли карты врага.

Но это есть только начало борьбы за мир. Враг начнет иначе мешать колоду своих карт, и предстоит великая борьба за дальнейшее разоблачение его планов, за мобилизацию рабочих масс против опасности войн. Эта борьба должна получить от процесса главарей русской контрреволюции сильный импульс, зарядку ненависти к интервентам, еще большую зоркость взгляда и меткость удара по классовому врагу.

Основные задачи перевыборов советов.

Со времени последних перевыборов прошло два года. За этот период наша страна сделала гигантский шаг вперед по пути социалистического строительства. Под руководством партии и в союзе с бедняцко-середняцкими массами крестьянства рабочий класс одержал новые победы. Окончательно вытеснены частнокапиталистические элементы из основной отрасли народного хозяйства — промышленности. К концу второго года пятилетки доля частного капитала в этом секторе составляет уже 0,7%. Этим, как заявил т. Сталин на XVI с'езде, можно считать решенной проблему «кто кого» на этом участке народного хозяйства. Равное положение мы имеем и на участке оптовой торговли, где частнокапиталистический сектор уже занимает также меньше одного процента. Громадный сдвиг в деле коллективизации сельского хозяйства, превысивший все планы как пятилетки, так и контрольных цифр, давший 40% коллективизированных крестьянских хозяйств в основных зерновых районах и до 25% во всем Союзе, — обеспечил вместе с развитием совхозов командное положение коллективизированного и совхозного хозяйства в товарной продукции сельского хозяйства. Значимость этих успехов рабочего класса особенно должна быть подчеркнута, так как они были достигнуты на основе растущей продукции (также в основном давшей превышение планов пятилетки), нового распределения народного дохода, увеличения реальной заработной платы, ликвидации безработицы, повышения потребностей. Все эти успехи уже качественно изменили роль, значение и характеристику данного этапа переходного периода, в отличие от предыдущих. Они, как определил т. Сталин на XVI с'езде, уже указывают на то, что мы вступили

> «в период прямого и развернутого социалистического строительства по всему фронту»..., «что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Ясно, что такой переход к новому этапу переходного периода связан и с новой расстановкой классовых сил в стране. Ясно, что достигнутые успехи знаменуют решительный и коренной подрыв еще остающейся в условиях пролетарской диктатуры экономической базы для питания капиталистических элементов. Капиталистические элементы в условиях пролетарской диктатуры, лишенные основной своей экономической основы — собственности на средства производства в крупно-промышленных предприятиях, — главным образом питаются мелким, частным хозяйством, по словам Ленина, «ежечасно рождающим капитализм». Быстрым темпом развития коллективизации в сельском хозяйстве с этой стороны наносится удар по основным, питающим капиталистические элементы источникам; создается возможность «замены кулацкого производства хлеба производством совхозов и колхозов». Вместе с тем — и в этом основное значение коллективизации сельского

хозяйства — коллективизация, охватившая миллионы крестьянских хозяйств, создала «новое соотношение классовых сил в стране, превращая середняка, вступающего в колхоз, в опору советской власти» (из резолюции XVI с'езда). Именно это и позволило «партии от лозунга ограничения и вытеснения кулачества перейти к лозунгу ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации» (из резолюции XVI с'езда партии).

Поворот миллионных масс крестьянства от индивидуальных к коллективным формам хозяйства непосредственно связан и с усилением руководящей роли рабочего класса по отношению к бедняцкому и середняцкому крестьянству. Это усиление влияния рабочего класса выражается уже в новых формах производственной смычки между городом и деревней, в машинизации сельского хозяйства, в пополнении деревни новыми рабочими кадрами (рабочие совхозов, МТС, предприятий по обработке продуктов сельского хозяйства и т. д.).

Все это характеризует укрепление пролетарской диктатуры, укрепление ее классовых сил, укрепление рабочего класса в его классовой борьбе с капиталистическими и кулацкими элементам. И только правильное понимание этих изменений в соотношении классовых сил в стране, как вытекающих из успехов, достигнутых в социалистическом строительстве всего народного хозяйства, дает правильный ключ к пониманию особенностей классовой борьбы на данном этапе.

В чем основная особенность классовой борьбы на данном этапе? Особенность, по сравнению с прошлым этапом, — в обострении, усилении классовой борьбы. Это—факт, который не могут отрицать и правые. Но типичным для правых является то, что они признают лишь факт обострения классовой борьбы. Для данного этапа характерным является, однако, не только самый факт обострения классовой борьбы, а то, что обострение классовой борьбы об'ясняется усилением нашего наступления на капиталистические элементы по всему фронту на базе все растущего и укрепляющегося социалистического сектора нашего хозяйства.

Без этого одно лишь признание факта обострения классовой борьбы служит обоснованием типично оппортунистических теорий о том, что усиление классовой борьбы является показателем ослабления пролетарской диктатуры и неправильной политики партии. Известно, что такая установка неоднократно лежала в основе оппозиционных выступлений против партии. Она характерна для всех правых выступлений, доказывающих, что «проявление классовой борьбы в самой острой форме» встречается «обычно там, где еще советский местный аппарат является слабым» (Бухарин — «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз»), что усиление нашего наступления возможно только, «если против нас кулак будет поднимать восстания». (Бухарин. «Три речи»). Такая установка непосредственно вытекает из их (оппозиций) общей оппортунистической теории, в основе своей отрицающей классовую борьбу, проповедующей классовое примирение и «затухание» классовой борьбы. Все они давно уже разбиты опытом борьбы и разоблачены партийными решениями, равно как и троцкистская теория о «растущей кривой» классовой борьбы, вытекающая из отрицания возможности строительства социализма в одной стране и признания непримиримости противоречий между рабочим классом и крестьянством.

Обострение классовой борьбы на данном этапе еще раз всемерно подтвердило правильность ленинской постановки вопроса о классовой борьбе.

«Сопротивление эксплоататоров начинается *до* их свержения и *обостряется* после с 2-х сторон. Борьба до *конца* или «отболтаться» (как мелкая буржуазия, «социалисты») [1]).

«Борьба до конца» остается обязательной для всех этапов пролетарской диктатуры. Она остается обязательной, несмотря на успехи пролетарской диктатуры. Более того, развитие пролетарской диктатуры, ее укрепление, вызывает усиление наступления на капиталистические элементы, имея в виду основную задачу — их полное вытеснение, полную ликвидацию. Всякая иная постановка вопроса будет исходить из антиленинской, антибольшевистской установки — примирения классов, взятой из арсенала социал-демократических учений. Это тем более важно иметь в виду, что с усилением наступления на капиталистические элементы последние неизбежно усиливают свое сопротивление. Поэтому в этих условиях всякие теории о «затухании борьбы», об ослаблении диктатуры по отношению к эсплоататорским классам, являются не чем иным, как только уступками кулаку, уступками буржуазии, в конечном счете ослабляющими диктатуру пролетариата. Поэтому это — теории, поддерживающие реставрационные попытки всяких контрреволюционных течений (кондратьевщины, громанщины, «Промышленной партии».

Оживление правых теорий находится в связи с усилением сопротивления классово-враждебных элементов. Во-первых, как известно, основные установки экономической программы правых (в вопросах индустриализации, сельского хозяйства, коллективизации) не на много разнились от ближайшей программы действий в этих вопросах кондратьевцев. Во-вторых, общее и у тех и у других — в одинаковой оценке ослабления пролетарской диктатуры, непреодолимости возникающих трудностей, на основе генеральной линии партии, усиления позиций кулацко-капиталистических элементов. Это совпадение — не случайность. Это подтверждает наличие одних социально-классовых истоков влияния, — роль правых, как кулацкой агентуры, как рупора кондратьевцев в партии.

На той же основе выращивается и право-«левый» блок Сырцова—Ломинадзе. И, действительно, чем разнятся от пророчеств правых о гибели пролетарской диктатуры рассуждения Сырцова о том, что «казалось бы, складывая плюсы, мы должны получить плюсы. Складывая достижения, мы должны иметь достижения, а у нас получаются минусы»? [2]).

Поэтому начавшееся оживление как правых, так и «левых» и оппортунистического право-«левого» блока необходимо рассматривать как одну из форм, отражающих общее усиление сопротивления классово-враждебных элементов, ищущих (и, к сожалению, находящих) агентов своего влияния и в партийных рядах. Своими воплями об ослаблении диктатуры, об усилении классово-враждебных элементов — они только играют роль не плохих союзников контрреволюционеров всех мастей.

Но навряд ли надо особенно доказывать, что кулак усиливает свое сопротивление в связи с проведением лозунга ликвидации кулачества не потому, что он почувствовал себя сильнее и крепче, чем раньше, а наоборот, потому, что перед ним реально стала угроза ликвидации. Навряд ли также следует доказывать что организация промышленной партии, кондратьевщины вызвана не тем, что капиталистические элементы почувствовали под собой более крепкую почву, чем раньше. Навряд ли требует доказательств и то, что общее обострение классовой борьбы является следствием не ослабления пролетарской диктатуры и усиления классово-враждебных элементов. Несомненно обратное: укрепление пролетарской диктатуры и ослабление позиций клас-

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XXV, стр. 6.
[2]) Сырцов. «О наших успехах, недостатках и задачах».

сово-враждебных элементов, угроза ликвидации, — вот что их заставляет усиливать свое сопротивление. Этого не понимают или не хотят понять как правые, так и «левые», так и двурушнический право-«левый» блок. А в этом особенность классовой борьбы на данном этапе развернутого наступления на капиталистические элементы по всему фронту.

Но правые также не понимают и того, что исключительное значение в связи с обострением классовой борьбы приобретает государственная организация пролетарской диктатуры, ее госаппарат. Ведь этим характерна вся бухаринская теория государства. Именно исходя из такого понимания государства, Бухарин в 1928 году (в «Заметках экономиста») выдвинул тезис, что «мы *слишком* все перецентрализовали. Мы должны спросить себя, не должны ли мы сделать несколько шагов в сторону ленинского государства-коммуны»; тезис, в котором Бухарин исказил ленинское понимание государства-коммуны, противопоставив его советскому государству; тезис, в котором выявилась махрово-оппортунистическая мечта о «чистой демократии», отказ от функций подавления, насилия, принуждения к классово-враждебным элементам.

Вся эта концепция направлена против марксо-ленинского понимания государства, как орудия классовой борьбы. Основной политический смысл этого определения заключается в том, что на каждом этапе задачи государства определяются задачами классовой борьбы. И поэтому — развернутое наступление на капиталистические элементы по всему фронту, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации не только не умаляют значения государства пролетарской диктатуры, ее государственной организации, а наоборот, настойчиво выдвигают проблему *ее укрепления, усиления*. «Пролетарское государство, — говорил Ленин, — неизбежно должно быть государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)» [1]). С усилением регулирующей роли государства, проводящего социалистическую реконструкцию всего народного хозяйства, на ряду с методами вовлечения рабочих и трудящихся масс в управление («по-новому демократическим») — должна оставаться задача принуждения, насилия по отношению к буржуазии («по-новому диктаторским»). Эта задача должна оставаться, остаться до конца, до конца классовой борьбы, до полной ликвидации классов. Ленин, как известно, отмечает даже сохранение остатков этой функции при социализме, на первой фазе коммунистического общества.

И если кто-нибудь попытается рассматривать ленинскую теорию отмирания государства как перспективу ослабления пролетарского государства, то ему, безусловно, придется глубоко разочароваться. К отмиранию государства мы идем не через ослабление роли пролетарского государства, не путем ослабления борьбы с классовым врагом, а наоборот, путем усиления роли пролетарского государства, путем еще более решительной борьбы с классовым врагом.

Поэтому успехи нашей социалистической стройки, вызывающие обострение классовой борьбы, не только не умаляют, а наоборот, усиливают роль и значение государственной организации пролетарского государства и в первую очередь его основных органов — советов.

«*Советы*, — говорит т. Сталин, — *есть массовая организация всех трудящихся города и деревни*. Это есть организация не партийная. *Советы есть прямое выражение диктатуры пролетариата. Через советы приходят все и всякие мероприятия по укреплению диктатуры и строительству со-*

[1]) Ленин. Собр. соч., т. XXI, стр. 393.

циализма. Через советы осуществляется государственное руководство крестьянством со стороны пролетариата. Советы соединяют миллионные массы трудящихся с авангардом пролетариата» [1]).

Это определение с чрезвычайной четкостью определяет сущность, задачи и роль советов в эпоху диктатуры пролетариата. Советы — государственная организация господствующего пролетариата. И поэтому значимость их определяется значимостью государственной организации для господствующего пролетариата, строящего в ожесточенной классовой борьбе социалистическое общество.

Это не всегда все понимают. Достаточно указать на появившуюся в связи с развитием коллективизации теорию о необходимости ликвидации сельсоветов в районах сплошной коллективизации. Оппортунистическая сущность этой теории и заключалась в том, что она особенно ярко выявила непонимание значения для господствующего пролетариата его государственной организации, обязательной для него в период его диктатуры, обеспечивающей ему успехи в борьбе за строительство социализма.

Всем этим, в первую очередь, определяется значение перевыборов советов как органов, являющихся «прямым выражением диктатуры пролетариата», как органов руководства всем делом социалистического строительства и классовой борьбы.

Это значение перевыборов советов в настоящую перевыборную кампанию увеличивается только что законченной ликвидацией округов. Основной смысл ликвидации округов состоит в усилении и укреплении низовых органов советской власти: риков, как опорных пунктов, городских и сельских советов. С ликвидацией округов на эти низовые органы советской власти падает уже значительно большая ответственность за четкое проведение политики партии. Рики получают бóльшую самостоятельность в своей работе. Каждый из них в своем районе становится основным руководящим центром почти всей оперативной работы. Всемерно вырастает их значение, как органов руководства пролетариата в отношении крестьянства. И исключительную роль приобретают они, как органы об'единения миллионных масс трудящихся с авангардом пролетариата.

Настоящая перевыборная кампания — первая после ликвидации округов. Многие наши городские и сельские советы еще до ликвидации округов, в старых условиях работы, не оказались на высоте поставленных перед ними задач. Ряд сельских советов не сумел возглавить мощное колхозное движение. Ряд сельских советов недостаточно твердо проводил классовую линию в борьбе с кулаком. Ряд горсоветов не сумел переключить всю свою работу на новые задачи по выполнению промфинплана, по ликвидации прорывов на производстве, по организации массовой активности рабочего класса, по борьбе с бюрократизмом в госаппарате. В этом отставании ряда советов самым существенным являлось то, что они отставали в руководстве производственными задачами и в организации массовой активности, т. е. именно в том, что является основной задачей советов. Это тем более повышает значение перевыборной кампании, ставя перед ней, в первую очередь, задачу такого укрепления советов, при котором они могли бы стать действительными руководящими центрами всего социалистического строительства в своем районе.

Выполнение этой основной задачи, в первую очередь, требует мобилизации активности всего рабочего класса и всей массы трудящихся во время перевыборов. Несомненно, что во время перевыборов классовый враг будет пытаться использовать перевыборы для своих целей, играя на трудностях, будет пытаться подорвать доверие к советской власти, пробраться на выборы, протащить своих кандидатов в советы, влиять на ход выборов через подкулачников и т. п. Мобилизация активности всего рабочего класса и всей массы трудящихся является основным условием для успешного преодоления всех этих классово-враждебных попыток. Но для этого особенно важно учитывать новое соотношение классовых сил, особенно в деревне. Необходимо обеспечить дальнейшее усиление руководящей роли рабочего класса в деревне, а также усиление политического влияния колхозников, батрачества и бедноты. Особенно необходимо развернуть широкую работу по вовлечению в перевыборную кампанию рабочих совхозов, крестьян—членов колхозов, усиливая их влияние в советах, в избирательной кампании как в политическом, так и в хозяйственном отношении. С этой целью особенно важно провести ряд мероприятий по организации бедноты и батрачества (в частности широкие собрания и конференции с предварительной проработкой основных вопросов перевыборной кампании, обсуждения кандидатур). Вся перевыборная кампания должна быть поставлена таким образом, чтобы беднота и батрачество явились организованной опорой всей кампании на ряду с организованными колхозниками.

[1]) Сталин. Вопросы ленинизма, стр. 23. Разрядка моя. — **Я. Б.**

Но опора на бедноту, батрачество, колхозников, однако, ни в какой мере не должна служить основанием для отстранения середняка. Середняк должен быть всемерно втянут в избирательную кампанию. Забвение середняка будет и в эту перевыборную кампанию не меньшей ошибкой, чем в прошлую. Середняк должен явиться союзником бедняцко-батрацких колхозных масс при проведении правильной классовой политики в деревне.

В городе, мобилизуя вокруг советов всех рабочих и всех трудящихся, в первую очередь необходимо обеспечить активное участие в перевыборной кампании рабочего класса. Его участием должен быть обеспечен необходимый темп работы советов.

Перевыборная кампания — это широкая политическая, массовая кампания. Ее значение не ограничивается только одной конечной задачей — укреплением советов, выбором их нового состава. Перевыборная кампания — это, кроме того, широкая политическая кампания по проведению массового контроля над работой советов. Это — кампания смотра советов, их работы, их достижений и их недостатков. Только при успешном сочетании этих двух задач — действительного массового контроля и укрепления советов — можно считать правильной проведенную перевыборную кампанию.

Этапом перевыборной кампании, проводящим смотр работы советов, и является отчетная кампания советов, предшествующая перевыборам. Поэтому особое внимание должно быть уделено отчетной кампании. Необходимо, чтобы она, на основе широко развернутой самокритики, была проведена в форме массового контроля, массовой проверки всей работы советов. Надо иметь в виду, что ход отчетной кампании в значительной степени предопределяет успех всей перевыборной кампании. Отчетная кампания предопределяет активность широких масс в перевыборной кампании, отчасти предопределяет и содержание наказов советам и список кандидатур в члены советов.

В отчетной кампании широкие массы рабочих и трудящихся должны быть мобилизованы на выполнение основных политических и хозяйственных задач, стоящих перед партией. В этом смысле предстоящая перевыборная кампания имеет особенное значение. Она будет происходить в период окончания особого квартала и в начале третьего, решающего года пятилетки. Этот год — решающий для выполнения пятилетки в четыре года. **Этот год должен**

дать 50% коллективизированных хозяйств. Этот год должен дать усиленные, в сравнении с прошлым годом, темпы развития промышленности. Этот год должен обеспечить проведение всеобщего начального обучения. Этот год еще шире должен развернуть все формы активности рабочей массы. Истекший, второй год пятилетки показал, какое исключительное значение для выполнения и перевыполнения планов социалистического строительства имеет под'ем активности рабочего класса. Он показал, как рабочий класс, непосредственно, вплотную, в форме ударничества, соцсоревнования, встречного промфинплана участвующий в деле социалистического строительства, доказывает реальность исключительных, боевых темпов социалистической стройки. Эта мощная волна высокой политической активности рабочего класса должна быть подхвачена и в перевыборную кампанию, должна быть закреплена и усилена под основными лозунгами партии: выполнение пятилетки в четыре года, 50% коллективизированных хозяйств, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации, развертывание соцсоревнования, встречного промфинплана. Под углом зрения этих лозунгов, в первую очередь, должна быть проверена вся работа советов и намечены задачи для вновь избранных.

Укрепление пролетарской диктатуры, дальнейший успех социалистического строительства — непосредственно связаны с дальнейшим наступлением на капиталистические элементы по всему фронту, с дальнейшим усилением классовой борьбы вплоть до полного уничтожения классов. Советы, как система государственной организации господствующего пролетариата,—одно из орудий этой классовой борьбы и орудий важнейших. Поэтому и классовая четкость работы советов является одним из важнейших условий успеха социалистического строительства. Это особенно необходимо иметь в виду при предстоящих перевыборах. Оживление классово-враждебных элементов, попытки организации буржуазной реставрации (кондратьевщина, громанщина, «Промышленная партия»), вредительство, попытки подготовки интервенции со стороны промышленной партии и французского империализма, усиление сопротивления со стороны кулачества, антисоветская кампания в капиталистических странах, — все это факты, указывающие на то, что дальнейшее укрепление пролетарской диктатуры будет связано с самым решительным подавлением классово-враждебных вылазок и всемерным укреплением обороноспособности страны. Советы должны стоять во главе этой борьбы. А это значит, что советы должны состоять из классово-выдержанных, твердых, активных проводников линии партии и советского правительства, обеспечивающих пролетарское руководство во всей работе советов. Это значит, что при выборах в советы надо обеспечить выборы членов, уже проверенных на активной работе по проведению линии партии: активных рабочих, бедняков, батраков, колхозников, активистов-середняков, проверенных на активной работе служащих, — при всемерном обеспечении пролетарского и партийного руководства в советах.

Таковы основные задачи перевыборной кампании. Мобилизацией широких масс вокруг основных лозунгов партии, сплочением их в борьбе с классово-враждебными элементами, проведением действительного, на основе развернутой самокритики, массового контроля работы советов, их участия в социалистической стройке, избранием классово-выдержанных новых членов советов мы в результате перевыборов обеспечим выполнение поставленных перед советами задач. Но для работы советов, так же как и для всех организаций пролетарской диктатуры, равно обязательным является проведение указанного т. Сталиным на XVI с'езде условия дальнейшего укрепления пролетарской диктатуры:

«чтобы подавлять сопротивление классовых врагов и добиться преодоления трудностей, для этого существует лишь одно средство: организовать наступление на капиталистические элементы по всему фронту и изолировать оппортунистические элементы в наших собственных рядах, мешающие наступлению, мечущиеся в панике из стороны в сторону и вносящие в партию неуверенность в победе».

Перевыборы советов будут происходить в условиях, когда под влиянием трудностей, и не без связи с усилением сопротивления классово-враждебных элементов, в партии началось оживление оппортунистических элементов. Оживляются правые, пытаясь сыграть на трудностях и протащить свои гнилые оппортунистические установки. Оживляются «левые» отрыжки троцкизма. И на общей для них всех основе — борьбы против партии — оформилась беспринципная, антипартийная право-«левацкая» группировка Сырцова—Ломинадзе и др. Клевеща на партию, на ее руководство, радея за кулака и капиталистические элементы, все они мешают партии и по существу ведут подрывную работу.

Успех перевыборной кампании советов зависит от проведения надлежащего правильного руководства партийных организаций. Правильное же партийное руководство будет проведено только при условии самой решительной борьбы с правыми, как главной опасностью на данном этапе, «левыми» отрыжками троцкизма, двурушническим право-«левым» блоком и со всеми оттенками какого бы то ни было примиренчества ко всем этим отступлениям от генеральной линии партии. Вот почему задача решительной борьбы за генеральную линию партии стоит в непосредственной связи с задачей проведения перевыборов советов.

Я. Никулихин.

Колхозное движение на новом под'еме.

К XVI с'езду партии в колхозы вошло и закрепилось около четверти крестьянских хозяйств. Учитывая коренной поворот, который произошел в бедняцко-середняцких массах в сторону социализма, учитывая новые гигантские возможности для темпов индустриализации и социалистического строительства в нашей стране—XVI с'езд вынес решение о завершении сплошной коллективизации СССР в основном к концу пятилетки. Выполнение этого, громадной исторической важности решения должно составить одну из основных задач партии на ближайший период.

Какие перспективы на ближайший год возможны в деле осуществления этого решения? За какие рычаги надо ухватиться, какие препятствия надо преодолеть, чтобы обеспечить высокие темпы коллективизации, которые нам даны всей сложившейся обстановкой социалистического строительства в СССР, всей обстановкой международного положения СССР?

Новый прилив и условия дальнейшего роста коллективизации.

Колхозным институтом и Колхозцентром в октябре с. г. произведено обследование ряда важнейших с.-х. районов. Материалы этого обследования, также—Аграрного Института КА, Харьковского Института экономики по УССР и данные НКЗ СССР по коллективизации говорят, во-первых, о том, что с начала уборочной кампании в значительной части районов, а с сентября по большинству районов мы имеем новый прилив в колхозы. Только в очень небольшой части районов еще продолжается отлив, сведенный в октябре к незначительному размеру. Во-вторых, все факты говорят, что мы имеем нарастание темпов прилива. Это можно иллюстрировать данными по ряду областей и краев. Например, по Северному Кавказу — за последнюю декаду сентября принято 4 тыс. хозяйств, в первую декаду октября— 9,4 тыс., во вторую декаду октября—10,6 тыс. хозяйств. По Нижней Волге соответственно: 10 тыс., 14,5 тыс., 22 тыс. В ЦЧО вторая декада сентября—3 тыс. и дальше в последующие декады—7 тыс., 13 тыс., 14 тыс. Аналогичная картина в большинстве и других областей и краев.

В-третьих, выяснилось, что в ряде колхозов в районах сплошной коллективизации благодаря новому приливу число членов дошло до максимального уровня весны 1930 г., установившегося до весеннего отлива из колхозов. Максимальное количество в колхозе «Буденовец» на Нижней Волге было — 1.246 (в марте 1930 г.), на 5 октября с. г. — 1.259 хозяйств. Артель им. Демьяна Бедного—весной было 696, теперь — 694. Мы имеем ряд артелей, где число хозяйств уже перешагнуло предельный уровень, бывший весной 1930 г., так, артель им. Сталина в Калмыке (Борисоглебский район) удвоила число своих членов.

В-четвертых,—вступают в колхоз поселками, сотнями. На ряду с беднотой пошел массой и середняк, пошел свободно, по добровольному желанию. Такое положение мы имеем на Северном Кавказе, на Нижней и Средней Волге, в ряде районов ЦЧО и УССР. Середняк опять пошел уже значительной массой, правда, пока еще недостаточной массой.

В-пятых, данные говорят о начавшемся приливе в колхозы, темп его нарастает даже при чрезвычайно слабом еще организационном охвате, при слабой еще массовой организаторской работе на селе; в значительной степени прилив еще идет самотеком. Мы сейчас стоим только в самом начале, у истоков бурного под'ема колхозного движения, который развернется в самое ближайшее время.

Обратимся к количественным показателям в этом отношении. За месяц и 10 дней (с 10/IX по 20/X) на Северном Кавказе вступило в колхозы 51 тыс. хозяйств, на Нижней Волге за сентябрь и октябрь — 73,5 тыс. хоз., ЦЧО — за тот же срок — 50,5 тыс., Крым — 6,3 тыс., Казакстан — 10,5 тыс., Западная Сибирь — 9,6 тыс., Узбекистан — 11,4 тыс. В Средней Волге за срок более короткий (с 25/IX по 9/X) вступило в колхозы 17 тыс. хозяйств. На Урале по 14 районам за 20 дней октября вступило 7 тыс. новых хозяйств.

Наиболее отстают пока районы нечерноземной полосы. Московская область за 2 месяца (IX, X) дала прирост на 6,2 тыс., Ивановская — 1,4 тыс., Нижегородская — 1,5 тыс., Западная — 3,8 тыс. вновь коллективизированных хозяйств. Из районов нечерноземной полосы впереди идет БССР, давшая за 2 мес. 20,7 тыс. прироста.

Прилив в колхозы идет пока главным образом за счет основных производящих зерновых районов. Если взять весь СССР, то за сентябрь и октябрь в колхозы вновь вступило около полмиллиона крестьянских хозяйств.

В некоторых районах в связи с новыми приливами намного возрос процент коллективизации. Так, например, в Новоузенском р-не (Нижняя Волга) за последние два месяца (с 15/VIII по 15/X) процент коллективизации увеличился на 20%.—с 30% вырос до 50%. В Ново-Анненском районе охват хозяйств колхозами за тот же период повысился на 23%. На Украине с 15/VIII по 15/X процент коллективизации возрос: в Цербыковском районе на 18%, Коминтерновском — 13%, Кизеяровском — 13%, Кривоозерском на 8%. На Северном Кавказе есть районы, где процент коллективизации поднялся на 10 и выше. В ЦЧО по ряду районов б. Россошанского округа прилив за осенний период поднял процент коллективизации на 4,9 — 5,0 — 7,2 проц.

Несмотря на значительные недостатки в организации колхозного хозяйства, в особенности в организации труда, замечавшиеся в первый год жизни большинства колхозов, несмотря на запоздалую уборку хлебов по части колхозов, — преимущества колхозного производства уже в этот год по подавляющей массе колхозов были настолько внушительны, что беднота и середняки-единоличники потянулись к колхозам.

Ставка буржуазных экономистов, контрреволюционных вредителей, ставка кулачества на невыгодность колхозного производства решительно бита жизнью. Колхозы намного расширили свои посевные площади. Урожайность в колхозах повсюду много выше, чем у единоличников. Нагрузка на лошадь чаще всего доходит до 12 — 15 га посева. И, как правило, она намного или в

несколько раз больше по сравнению с мелкими индивидуальными хозяйствами.

Примеров на этот счет можно привести очень много. Они ежедневно публикуются в наших газетах. Из материалов обследовательских бригад я ограничусь данными по двум районам.

Урожайность в центнерах [1])

	в колхозах	в индивидуальных хоз.
Бориспольский район (УССР)	12—13,5	8,5—10
Кирсановский район (ЦЧО)	15	10

Урожай картофеля в Кирсановском районе по колхозам даже вдвое выше, чем у единоличника. Обычно же урожайность в колхозах была выше на 25 — 30% и очень часто на 50%, чем в единоличных хозяйствах. Нагрузка на лошадь по Бориспольскому району в колхозах составляла 11,2 га посева, в индивидуальных хозяйствах — 6,3 га; нагрузка на плуг соответственно 15,6 и 5,5 га, или на лошадь вдвое, на плуг — втрое больше нагрузка у колхозов, чем у единоличников. В районах же многоземелья, в основных зерновых районах нагрузка на лошадь и плуг значительно выше (даже в Борисоглебском районе ЦЧО в ряде колхозов она достигает 14 — 15 га).

В результате — производительность труда в колхозе намного выше, чем у единоличников. Валовая и чистая доходность колхозников по абсолютному большинству колхозов поднялась в два, а часто в три и больше раз по сравнению с тем, когда они вели индивидуально свое хозяйство. Всюду доходность в колхозе много выше, чем у единоличников. К примеру, в артели им. Демьяна Бедного (Нижняя Волга) на каждое хозяйство в колхозе пришлось доходов после производства всех платежей 588 р. 73 к., или в два раза больше, чем на единоличника в соседних хуторах. В артели «Красная Ростань» (ЦЧО) чистого дохода на каждое хозяйство пришлось 600 р., а в то время, когда они были единоличниками, получали 200—300 руб. И подобных примеров можно привести тысячи. Колхозы выдержали экзамен, несмотря на бешеное сопротивление кулачества, несмотря на разлагающую работу, которую проводили правые оппортунисты и «левые» загибщики. И прямой клеветой на колхозное движение, прямым извращением действительности является новое утверждение правых оппортунистов о том, что только 1931 год «в отношении коллективизации будет проверочным годом». Не 1931 г. должен еще доказать, а 1930 год уже доказал глубокую жизненность колхозного движения, всю прогрессивность сплошной коллективизации и с точки зрения развития производительных сил народного хозяйства.

Выгоды колхозного производства теперь стали настолько очевидны в деревне, что их видит большинство бедняков и середняков. Отсюда резкая перемена настроений единоличников по сравнению с весной. Если весной в период отлива многие колхозы были в известном враждебном окружении единоличников, то теперь абсолютное большинство колхозов находится в хороших взаимоотношениях с единоличниками. Даже в селах с низким процентом коллективизации мы имеем такое положение, что колхозник пользуется авторитетом на селе. «Раньше никто не смотрел на меня, а теперь все за ручку и с приветом на меня».

Этот резкий перелом в отношении единоличника к колхозу, его стремление вступить в колхоз, можно было бы иллюстрировать многочисленными фактами. На Северном Кавказе из каждых 10 единоличников, с которыми беседовали бригады Колхозного института, всегда 9 отвечали, что они желают вступить в колхоз, и вопрос только во времени. На Нижней Волге единоличники говорили: «Не сойдет еще снег, как мы в колхозе будем». В Борисоглебском районе во многих селах единоличники заявляют колхозникам: «Считайте нас кандидатами в колхоз». В Башкирии единоличники заявляли: «Мы все одной ногой в колхозе стоим, все работали летом группами по пять — шесть хозяйств. Вот сейчас нам надо бы землю делить, но мы раздумали: не погодить ли, может быть, все к весне в колхозе будем».

[1]) По основным зерновым культурам.

Наши бригады проверяли настроения единоличников в разговоре групп на мельницах, на элеваторах, на общих собраниях и в сельсоветах. Все эти проверки убедили бригады в том, что единоличники — бедняк и середняк — делятся по своим отношениям к колхозам на три группы. Первая группа — это определенно решившая вступить в колхоз; они носят уже заявления в кармане, но выжидают случай, выбирают срок, когда вступить. Вторая группа — сомневающихся и обсуждающих еще целый ряд недоуменных вопросов, которые для них не ясны. Третья группа — это те, которые пока враждебно настроены к колхозам, твердо пока не желают вступить, хотя последних теперь небольшое меньшинство; при чем это, главным образом, — крепкие, зажиточные середняки. С сомневающимися ведут работу за колхоз не только наши колхозники, но и те единоличники, которые решили вступить в колхоз.

Основная масса единоличников в основных производящих районах желает итти в колхоз уже сегодня, и многие вступают в колхоз теперь же. Наши организации на местах часто отстают в деле организационного оформления этих выявившихся среди единоличников настроений за колхоз.

Создание в предстоящем году свыше 1000 новых МТС, осуществление гигантской программы совхозного строительства, развертывание работы по коллективизации через мощный аппарат МТС и совхозов, усиление производственной помощи коллективному хозяйству, на основе развития высоких темпов в индустрии — вызовет еще больший перелом среди единоличников в сторону коллективизации, закрепит его и ускорит процесс оформления новых колхозов. У нас есть все необходимые условия для того, чтобы выйти к весеннему севу с удвоенным количеством коллективизированных хозяйств. У нас есть все условия для того, чтобы в 3-й год пятилетки «обеспечить переход не менее чем половины крестьянских хозяйств — на социалистический путь, на путь коллективизации» (из обращения ЦК от 3/IX). И партийные организации обязаны возглавить новый под'ем колхозного движения, организационно его лучше охватить и использовать все возможные формы для мобилизации активности масс в деле дальнейшего поступательного развертывания сплошной коллективизации.

Преодоление сопротивления кулачества и борьба с кулацкой агентурой внутри партии.

Одной из главных причин, задерживающих прилив в колхозы, является кулацкое сопротивление и недостаточная во многих местах борьба с кулаком. За последний период кулаки сильно потрепаны. Особенно тяжелые удары мы нанесли кулачеству за последний год. Кулак не имеет уже больше той силы, которую он имел в прошлые годы. В районах сплошной коллективизации кулак не является уже больше хозяйственным авторитетом на селе. Абсолютно неправы «левые» загибщики, которые в преувеличенном свете видят теперь силы кулачества, говорят о таком же его росте, как и в восстановительный период, ударяются в панику перед кулаком. Но все же кулак,

как правильно сказал XVI с'езд партии, «еще не добит и будет оказывать бешеное сопротивление продвижению коллективизации». Только правые оппортунисты не видят кулака в деревне, утверждают, что кулака уже нет, что с кулаком покончено. В действительности кулак в деревне есть и продолжает зверски бороться против коллективизации, против колхозов.

Во-первых, много раскулаченных оставлено на месте. Во-вторых, подросла новая прослойка кулаков из зажиточных, ибо мелкое производство в истекшем году сохранялось еще для ¾ всех крестьянских хозяйств, а оно, по выражению Ленина, рождает капитализм ежедневно, ежечасно и в массовом масштабе. В-третьих, часть кулаков избежала раскулачивания, укрывшись — даже в колхозах.

Кулак в данном этапе всеми силами стремится задержать развертывание социалистического наступления в деревне. Как он это пытается сделать? Прежде всего, путем срыва хлебозаготовок и других проводимых в деревне хозяйственно-политических кампаний. Организация отпора кулачеству в этом деле, успешное окончание хлебозаготовок есть одновременно борьба за успешное развертывание коллективизации.

В борьбе против коллективизации кулак стремится сколотить постоянный антиколхозный актив на селе, при чем упор в этом активе он делает на женщин и на часть бедноты. Кулак отлично отдает себе отчет в том, какой активной политической силой является сейчас беднота на селе. Беднота политически действенная сила, которая тянет за собой середняка. Кулак пытается ослабить, разложить эту силу, заставить часть ее работать на себя. Он пытается это сделать прямым подкупом, установлением родственных связей и т. п. Хотя кулаку удается привлечь на свою сторону незначительную часть бедноты, но все же мы и эту часть должны отвоевать у кулака, усилив нашу работу с беднотой.

Центр тяжести борьбы против коллективизации перенесен кулаком теперь на разложение существующих колхозов, на запугивание колхозников и единоличников, на овладение низовыми учреждениями, на пленение части местных работников, на попытки пробраться в колхозы.

Какие же методы применяет кулак в борьбе за разложение колхозов, за ослабление хозяйственной мощи колхозов? Это — 1) вредительство всякого рода (взрыв двигателей, поджог хозяйственных построек и хлеба даже на полях); 2) подкупы руководителей, спаивание их; 3) подрыв трудовой дисциплины (в колхозах кулак выступает радетелем за поедоцкий принцип распределения, подогревает рваческие настроения); 4) спекуляция на трудностях коллективного хозяйствования первого года; 5) создание групповой борьбы внутри колхоза (между беднотой и середняками, между бывшими красными партизанами и зелеными); 6) восстановление массы колхозников против колхозного руководства.

В борьбе против колхозов кулак выступает с провокацией на счет форм колхозного движения. Кулак, как правило, выступает против основной формы — против артели. С двух концов он выступает против артели. Прежде всего он ратует за переход от артелей к тозам. Он говорит, что артель сложна, что в ней управляться труднее, что лучше тоз. Кулак отлично понимает, что переход от артели к тозу есть развал крупного хозяйства, что это — создание менее устойчивого хозяйства. Кулаку легче после этого бросить лозунг: «Колхозники, расходитесь по домам». С другого конца кулак наступает на артель, когда предлагает: «Или единоличное хозяйство — или сразу коммуна». Получается, что кулак выступает за коммуну. Был даже целый ряд таких случаев на Сев. Кавказе, когда бывшие кадровики белых армий, противники советской власти, говорили: «Никакой коллективизации не нужно, а уж если коллективизация, то прямо нужна коммуна». Здесь расчет совершенно безошибочный. Кулак отлично понимает, что основная масса крестьянства в коммуну теперь еще не пойдет, при настаивании на коммунах будет невозможна сплошная коллективизация.

Поскольку ставка кулака на невыгодность колхозного производства решительно бита жизнью, постольку кулак доказательства о невыгодности колхозного хозяйства вообще переносит в плоскость доказательств невыгодности реализации колхозной продукции. Он говорит колхозникам: «Посеяли вы много, доход у вас большой, но все равно все возьмут. Мы, единоличники, меньше посеяли, но по вольным ценам продадим часть хлеба, богаче вас будем». Игра на спекулятивные цены, на разницу между госзаготовительными и рыночными ценами — вот ставка кулака. Он действует часто и прямым запугиванием. Он распространяет провокационные слухи, что «в колхозах будет вторая хлебозаготовка», «у колхозников все до фунта заберут» (эти кулацкие вымыслы гуляют решительно по всему СССР). Кулак говорит, что XVI с'езд партии снял вопрос о коллективизации. К сожалению, решения XVI с'езда партии в большинстве районов были не проработаны ни в колхозах, ни даже на собраниях сельских ячеек. Кулак же по-своему прорабатывает решения XVI с'езда. «Письма с неба», предсказания монашек, странствующих проповедников, антиколхозные частушки и т. п. — все пускает кулак в ход для борьбы с коллективизацией.

Задача партийных организаций — разоблачать тактику кулака, которую он изменяет в зависимости от момента и обстоятельств, организовать батрацко-бедняцкие массы и в союзе с середняком повести их и дальше на борьбу с кулачеством, на решительное преодоление сопротивления кулачества коллективизации.

Наряду с борьбой против колхозов извне, кулак борется и изнутри. Замечаются теперь многие попытки кулаков и раскулаченных пролезть в колхозы с целью их разложения, с целью укрыться от твердых заданий, от раскулачивания, с целью получить возможность, под флагом колхозника, продвигать своих детей в учебные заведения. Для этой цели кулак пускает такие «лозунги»: «Всем миром в колхоз», «все поле сразу вспахать для всех». При чем значительная часть колхозов еще раньше оказалась засорена кулацкими и чуждыми элементами, а в ряде случаев кулакам удавалось пролезть к руководству колхозами. Они вошли в колхозы, предварительно распродав лошадей, порезав скот, спустив ценный инвентарь. Мы не будем приводить всех многочисленных фактов на этот счет, о них теперь часто пишется в наших газетах. Отметим только, что засоренными оказалась меньшая часть колхозов, но в некоторых районах все же довольно значительная часть. Например, в 8 из 20 колхозов, обследованных бригадами Колхозного института в Борисоглебском и Песковском районах ЦЧО, — обнаружены были кулацкие элементы. На Северном Кавказе в Бекешевском колхозе им. Калинина, в Суворовском колхозе им. Сталина обнаружены у руководства бывшие кулаки и кадровик из отряда ген. Шкуро. Кулаки обнаружены в части колхозов УССР, Нижней Волги, Ивановской области и др. районов. Кулакам удалось пробраться в колхозы, во-первых, потому, что оказавшиеся в ряде мест у руководства правые оппортунисты, восприняв теорию Бухарина о мирном врастании кулака в социализм, на деле проводили ее в жизнь. Во-вторых, потому, что некоторые из таких кулаков работали раньше в сельсоветах, в волисполкомах секретарями или техническими работниками, служили в кредитках; а на местах кое-где принято думать, что если они служили там, значит они наши, советские люди. На самом же деле это — настоящие классовые враги. Во

многих случаях кулаки пролезали в колхозы под флагом специалистов (мастерами у двигателей, на мельницах, маслобойках и т. п.).

Во всех случаях: *наличие кулака в колхозе есть крупная преграда для роста коллективизации*; чаще всего потому, что кулак стремится развалить колхозы изнутри. В тех колхозах, где оказались кулаки, дольше всех затянулась уборка хлебов, часть хлеба погибла на полях. Больше всего здесь было прорывов в организации труда, сильнее проявлялись рваческие настроения среди колхозников. Кулаки, укрывшись в колхоз, стремятся дезорганизовать все хозяйство колхоза, мешают реализации всех преимуществ коллективного хозяйства; при чем, чаще всего «колхозные» кулаки бывают в заговоре с кулаками вне колхоза [1]). Во всех случаях наличие кулаков в колхозах загораживало путь для вступления всей бедноты, всех маломощных середняков. На собраниях бедноты, в разговорах с отдельными бедняками в ряде сел, хуторов, бедняки отвечали: «В колхозе у власти кулаки. Они раньше ездили на нас, понукали нами, будут понукать нами опять», «раньше кулаки у нас были головкой на селе, теперь они головкой в колхозе»; «уберите кулаков — мы войдем в колхоз».

На районной конференции в Песках беднота, все выступавшие в прениях бедняки в один голос заявляли: «Кулак не добит, — уберите наших кулаков», «вышлите из района кулаков». «Борьба с кулаком во многих местах за последний период заметно ослабла. По-настоящему мы с кулаком еще не боремся». (Таково заявление ряда секретарей и других работников райкомов). И оно более чем верно отражает фактическое положение на местах.

В целях поступательного развертывания коллективизации, необходимо усилить борьбу с кулачеством, разоблачая тактику кулачества, мобилизуя массы против кулака, *необходимо: очистить засоренные колхозы от кулаков и чуждых элементов; продолжать выселение раскулаченных из* районов, где они раньше вели эксплоататорские хозяйства; и дальше *со всей решительностью и последовательностью проводить политику ликвидации кулачества как класса* на основе сплошной коллективизации.

Но *осуществить эти задачи можно только в решительной борьбе на два фронта и, в первую очередь, против правой, главной опасности в партии, против «левых» загибщиков, в решительной борьбе с двурушниками, на словах ратующими за сплошную коллективизацию, а на деле попустительствующими кулаку.*

Правый уклон на данном этапе — есть главная опасность в партии, «потому что он отражает кулацкую опасность, а кулацкая опасность в данный момент развернутого наступления, выкорчевки корней капитализма, является основной опасностью в стране» (Сталин). Из двух возможных путей развития сельского хозяйства правые ратуют за капиталистический путь. Они отводят удар от кулака во время хлебозаготовок, помогают кулаку в работе по срыву коллективизации. Осуществлением своих теорий о мирном врастании кулака в социализм правые оппортунисты прикрывают кулака, содействуют кулаку в его борьбе против колхозов. Правые усыпляют клас-

[1]) Яркий пример тому был в селе Красненьком, Новохоперского района, ЦЧО. Там в большом, преимущественно батрацко-бедняцком колхозе в правлении оказались два кулака, при чем один из них—полеводом (раньше он был управляющим имением). Кулаки села заплатили полеводу колхоза—кулаку единовременно 800 руб. и, кроме того, положили регулярно месячное жалованье за то, чтобы он довел дело до развала колхоза.

совую бдительность пролетарских и полупролетарских сил деревни разговорами о том, что «кулака нет, что с кулаком уже покончено». Они опорачивают политику партии в деревне, берут под прямую защиту кулаков, заявляя, что «раскулаченные—самые лучшие трудовики». Отказываясь от борьбы за высокие темпы коллективизации, ставя темпы коллективизации в прямую зависимость от темпов механизации, бросая лозунг: «не количество—а качество», делячески подходя к проведению хозяйственно-политических кампаний на селе, отрывая их от осуществления задач социалистической реконструкции сел.-хоз., — правые на деле отказываются от борьбы за сплошную коллективизацию. Считая основной формой производственного кооперирования только низшие формы (тозы, поселковые товарищества и т. п.), отказываясь от борьбы за перерастание низших форм в высшие, правые фактически поддерживают кулацкую тенденцию на развал артели, выступают союзниками кулака в его борьбе против сплошной коллективизации. Проповедуя самотек, правые отказываются от организаторской роли рабочего класса в деле социалистической переделки крестьянства, на деле отказываются от борьбы за коллективизацию в духе решений XVI с'езда.

В работе многих наших советских и хозяйственных учреждений на местах вкупе с вредительскими элементами, на поводу последователей Кондратьева, Макарова и т. п., правые часто оказывают прямую помощь кулаку, ставят серьезнейшие препятствия для роста коллективизации. Если присмотреться к искривлениям в работе части нашего советского, хозяйственного и кооперативного аппарата на местах, то эти искривления носят, главным образом, правооппортунистический характер. Мы назовем только некоторые из этих искривлений в проведении линии партии и советской власти. Обнаружены райторги, которые для ряда селений нормы сдачи по хлебозаготовкам для колхозов определили в несколько раз или на много выше, чем для единоличников, несмотря на то, что в колхозах была преимущественно бедняцкая и маломощно-середняцкая часть деревни. К примеру: в Борисоглебском районе (ЦЧО), в селе Поляна для единоличников эти нормы даны в 112 кг.; а для колхозов в 272 кг. с га. В селе Чигора соответственно — 112 кг. и 192 кг. с га. Разве пойдет единоличник в колхоз, когда такой практикой хлебозаготовок колхозники поставлены в худшее положение по сравнению с единоличниками?

В связи с хлебозаготовками были такие безобразия, когда колхозники за сданный хлеб ни копейки не получали на руки, а причитающуюся для них сумму всю целиком автоматически списывали в погашение задолженности колхоза. Делалось это так: конторы Союзхлеба суммы, причитающиеся колхозам за хлеб, сданный на элеваторы, переводили в отделения Сельбанка. Чиновники последнего, смотря в текущие счета колхозов, целиком перечисляют эти суммы в погашение задолженности по кредитам. Правления колхоза даже не спрашивают, сколько по кредиту он может уплатить, какие платежи ему предстоит еще вносить. Колхоз должен первым показать пример также в уплате с.-х. налога, страховки. Его лишают этой возможности, не говоря уже о полной невозможности произвести расплату по трудодням. Руководители данных организаций — правые оппортунисты, молчаливо благословляли этот прямой удар по колхозам. (В Борисоглебском районе такая практика продолжалась несколько недель и только решительное вмешательство райкома изменило положение. Подобная же практика была в некоторых районах Северного Кавказа).

Мы имеем еще многочисленные случаи, когда оппортунисты и вредители из потребительских обществ отпускали колхозникам промтоваров меньше, и в последнюю очередь.

Мы имеем еще частые оппортунистические искривления в работе земорганов. Они находят себе выражение в частности в том, что при земле-

устройстве земля колхоза отгораживается «китайской стеной» от земли единоличников (между ними отрезают землю стансовета или другого вида земли госфонда).

Обследования установили, что некоторые хозяйственные организации (жел. дороги, совхозы Зернотреста, филиалы Птицепродукта) используют раскулаченных в том же районе в качестве своей рабочей силы. Вместо того, чтобы договариваться с колхозами по поставке им в организованном порядке излишней рабочей силы, которая имеется в колхозах, они предпочитают брать на работу раскулаченных. Раскулаченные же получали из советских учреждений и предприятий жалованье и часто иногда даже выше, чем зарабатывают колхозники, т.-е. откармливались, поддерживаясь на советских хлебах, ведут подрывную работу против колхозов, издеваются над колхозниками. На колхозников эти безобразные факты действуют угнетающе. *Эту правооппортунистическую практику надо срочно устранить.* Кулаков надо использовать на работе по линии советских предприятий, но не в тех районах, где они вели свои эксплоататорские хозяйства. Для этого есть у нас лесозаготовки, сплав, работы по строительству на севере и в других отдаленных районах.

Мы не будем приводить других фактов правооппортунистических искривлений в работе советских, хозяйственных и кооперативных организаций. Решительное преодоление их есть одно из условий борьбы за высокие темпы коллективизации.

Если правые оппортунисты являются прямыми агентами кулака, то «левые» загибщики своей антисередняцкой практикой фактически только с другого конца работают на кулака. Пытаясь меры, направленные против кулачества, распространить на среднее крестьянство, они на деле ослабляют удар по кулачеству и выводят кулака из состояния изоляции. Ставя преграды на пути вступления в колхозы середняка, пытаясь создавать преимущественно бедняцкие колхозы, «левые» загибщики суживают резервы коллективизации, на деле делают невозможным завершение сплошной коллективизации. Они выступают союзниками кулака в срыве сплошной коллективизации и своим перепрыгиванием через основную форму на данном этапе — артель прямо к коммуне. Ими опять возрождаются троцкистские теории пролетаризации крестьянства в противовес ленинской постановке вопроса о борьбе за социалистическую переделку крестьянства. Эти теории облекаются новыми мотивировками о невозможности перебороть мелкособственническую натуру крестьянина, как только путем перехода прямо к коммунам или к совхозам. Недостатки собственного руководства, прорывы в организации труда «леваки» пытаются об'яснить мелкособственнической натурой колхозника. «Мужик плох, у него мелкособственническая натура и с ней ничего не сделаешь кроме одного — опролетаризировать его и сделать его не только членом коммуны, а просто наемным рабочим на заработной плате». Так выступали «левые» загибщики на собраниях некоторых сельячеек на Сев. Кавказе. «Лево»-загибистская теория приливов и отливов, теория о неизбежных колебаниях середняка, об усилении мелкособственнической стихии в связи с крутым поворотом крестьянства в сторону социализма имеет прямую связь с троцкистским отрицанием успешности социалистического строительства в нашей стране вместе с основными массами крестьянства. Это целиком антиленинская теория.

На собрании партактива одной из станиц коммунист, бывший председатель правления колхоза, выступил с такой речью: «В колхозе середняк экономически не заинтересован, бедняк в колхозе мало заинтересован, отсюда низкая производительность труда, слабый выход на работу и т. п.; выход — нужно переходить в коммуну». Это ярко иллюстрирует срастание

«левой» фразы с правой практикой, скатывание «левиков» в конечном счете к лозунгу классового врага. Это контрреволюционный проф. Макаров и проч. вредители весной 1930 г. выдвинули тезис о «национализации мелкой собственности». «Левые» загибщики в данном вопросе, как и в ряде других, целиком в плену троцкистских идей. *Попытки перепрыгнуть сразу через артель к коммуне, попытки начать массовые насаждения коммун теперь же означали бы срыв начавшегося нового под'ема колхозного движения.* Известно, что в тех районах, где преобладающей формой является коммуна (Юргомышский район Урала и т. д.), прилива в старые колхозы почти нет или очень слабый.

Со стороны «левых» загибщиков мы имеем также попытки простого декретирования коллективизации без развертывания широчайшей массовой организаторской работы на селе, декретирования узких сроков коллективизации. Вот выступление одного из секретарей райкомов: «В октябре и ноябре мы должны провести эту работу по коллективизации с тем, чтобы к декабрю иметь 50 — 70% коллективизации» (а сейчас пока всего 11%). Значит, предполагается увеличить в шесть раз процент коллективизации за два месяца. И мотивируется эта необходимость тем, что в декабре «надо будет составлять организационно-производственные планы и тогда коллективизацией будет заниматься поздно». Надо сказать, что такие настроения сильно распространены среди части агрономического персонала, и они передаются некоторым нашим партийным кадрам. Агрономы так аргументируют это дело:

«Выгодна или 100-процентная коллективизация, которая даст возможность проведения землеустройства без разделения клина на единоличников и колхозников или же, чтобы не было частого увеличения размеров колхоза, иначе нарушится стройность землеустройства».

Вы думаете, чьи это идейки? Это идеи проф. Макарова и всех вредителей — кондратьевцев. Макаров в начале 1930 г. говорил: «нужна 100-процентная коллективизация теперь же» и мотивировал это тем, что иначе не будет эффекта обобществленного хозяйства. На эту удочку попадают теперь наши «леваки». *«Леваки» попадают в данном случае на провокацию некоторых местных представителей кондратьевской агентуры.* «Леваки» задерживают рост коллективизации своим отказом от использования низших форм коллективизации, простейших форм производственного кооперирования, несмотря на ясные решения XVI с'езда партии о необходимости широкого использования этих форм в районах нечерноземной полосы и национальных республиках и областях.

Кое-где возрождаются ухарские настроения: «Мы все можем», «нам все нипочем». По этим настроениям надо со всей решительностью ударить. Мы не можем допустить даже десятой доли прошлогодних перегибов.

Примиренческое отношение к правому и «левому» оппортунизму, которое замечается со стороны многих работников деревни, несвоевременное вскрытие отклонений от ленинской линии, недостаточно последовательная борьба с ними, болотные настроения среди части работников, — облегчают работу оппортунистов по срыву коллективизации, мешают четкому, повсеместному проведению генеральной линии партии. Примиренчество к этим уклонам является крупнейшим препятствием на пути своевременно большевистского исправления ошибок в колхозной практике, крупнейшим препятствием для развертывания коллективизации. При чем примиренчество часто является стыдливой формой маскировки оппортунистических взглядов. Двурушничество является просто обманом партии, отвратительной формой маскировки враждебных взглядов в партии. *Борьба с примиренчест-*

вом к правому и «левому» оппортунизму, борьба с двурушничеством является одним из крупнейших условий успешной борьбы за коллективизацию.

Только при решительной, последовательной борьбе на два фронта, против правых и «левых» оппортунистов и примиренцев к ним, можно обеспечить дальнейшее проведение политики ликвидации кулачества как класса на базе сплошной коллективизации, только на основе ленинских методов коллективизации можно поднять и закрепить новый прилив в колхозы.

Роль бедноты в коллективизации.

Надо помнить ту исключительную роль бедноты в под'еме колхозного движения конца 1929 г. и начала 1930 г., которую она, в условиях союза пролетариата и бедноты с середняком, сыграла в борьбе с кулачеством, в ликвидации кулачества как класса. Беднота повалила гигантской массой в колхозы, поведя за собой и огромные массы середняка. Беднота в неизмеримо большей степени удержалась в колхозе в период весеннего отлива, закрепляя этим и значительную часть середняка.

В новом приливе роль бедноты будет огромна. Беднота должна явиться организующим, сплачивающим костяком среди новых колхозников. Беднота должна играть роль вожака для середняка. Ее роль особенно велика в районах с низким процентом коллективизации. Она—наша прочная опора в деревне.

А как поставлена работа с беднотой? С весны 1930 г. она в ряде партийных организаций чрезвычайно ослабла, несмотря на кулацкую активность. Летом и в начале осени группы бедноты и собрания бедноты во многих районах не действовали. Бедняки на собрании теперь заявляют: «Нас начали собирать, когда стали проводить хлебозаготовку», или они задают один и тот же вопрос: «Почему нас до сего времени не собирали?» В некоторых районах хотя и были собрания бедноты, но содержание работы с беднотой оставляет желать много лучшего. Вопросы, которые обсуждались на бедняцких собраниях и группах бедноты, например, следующие: 1) Международный день кооперации, 2) седьмая годовщина конституции, 3) текущие дела (Краснодарский район). Это, конечно, важные вопросы, но зачем их обсуждать именно на группах и собраниях бедноты? Их можно с большим успехом обсуждать на общих собраниях колхозников и единоличников. А вот боевые хозяйственно-политические вопросы села в большинстве случаев на группах бедноты, на собраниях бедноты не ставились, или часто обсуждались уже после того, как состоялось соответствующее решение сельсовета, и беднота собиралась для помощи сельсовету в проведении того или иного его решения. В предварительной же проработке вопроса беднота не участвовала. Работа по выращиванию и сплачиванию актива бедноты в ряде мест отсутствует. Поэтому собрания бедноты во многих местах проходят формально. Предложения предварительно не подготовляются активом. Они поступают уже самотеком на самом собрании. И теперь, — когда кулаки продолжают развивать большую активность, когда нужно сопротивление кулачества социалистическому наступлению решительно преодолеть, когда надо подтянуть в колхозы еще большую массу колеблющегося середняка, необходимо во главу угла поставить работу с беднотой.

Надо со всей силой ударить по ликвидаторским настроениям к работе с беднотой со стороны многих местных работников. Что правые оппортунисты отказываются от работы с беднотой — это понятно. Но есть целый ряд работников, которые «стоят за генеральную линию», но—на практике—полагают, что работа с

беднотой на данном этапе уже излишня. Вот их аргументация: «С сознательной частью бедноты нечего вести работу, потому что она и без того наша. С несознательной частью — с подкулачниками, работа будет бесполезна». Это теория пассивности в отношении бедноты чрезвычайно вредна, особенно в данный момент обостренной классовой борьбы в деревне. Мы должны активизировать то громадное большинство бедноты, которое целиком с нами, расставить так силы бедноты, чтобы дать сокрушительный отпор кулачеству, чтобы лучше преодолеть колебания середняка, повести его бесповоротно за собою. Несознательную часть бедноты, временных «подкулачников» мы должны отвоевать в кратчайший срок от кулака. И мы можем ее отвоевать только в результате развернутой повседневной, систематической работы с беднотой. Обследования показали, что там, где велась даже небольшая, но систематическая работа с беднотой, там кулак в большей изоляции, колхозы крепче, хлебозаготовки проходили лучше, там прилив в колхозы начался раньше и темп его выше. Там, где не было никакой работы с беднотой, там кулачество вело за собой значительную часть середняка, пробралось в некоторых колхозах к руководству, избегало твердых заданий по хлебозаготовкам, ему удавалось прятать и сплавлять на вольный рынок свой хлеб, там сельсоветы оказывались на поводу у кулака. Яркий пример — громадное село Богана, в Борисоглебском районе. Там кулаки, зажиточные, духовные и т. п., помимо всего прочего разложили колхоз и даже сами зачислили себя в бедняки, пользуясь льготами, какие даются советской властью для бедноты. При проверке в начале октября бедноты в этом селе оказалось до 70 чел. таких замаскированных «бедняков». Только после того, как нажали по-настоящему на кулака, почистили колхоз от кулаков, стали собирать настоящую бедноту, — общественная работа в данном селе начала налаживаться, сдвинулась с мертвой точки коллективизация.

Необходимо во исполнение решений XVI с'езда немедленно создать группы бедноты при каждом сельсовете, потребительском кооперативе, во всех простейших формах производственных об'единений, в тозах, где их еще нет. Необходимо обеспечить систематическое руководство работой этих групп со стороны партийных организаций. Важнейшей задачей в работе этих групп должен быть рост коллективизации, работа по перерастании простейших форм, кооперирования, тозов, в основную форму коллективизации на данном этапе — в артель, преодоление сопротивления кулачества, преодоление мелкособственнических и потребительских тенденций среди колхозников. В артелях группы бедноты, как правило, создавать не следует. Но там, где социальный переплет этого требует (сильная кулацкая прослойка и т. д.), необходимо будет в отдельных случаях создавать группы бедноты. Во всех случаях, даже во всех артелях, как показывает опыт, необходима особая работа с беднотой по линии подготовки кадров из бедноты, выдвижение бедняков на руководящую работу в колхозах и по линии колхозной системы.

Особая работа с беднотой по линии колхозов должна преследовать теперь и еще одну чрезвычайно актуальную задачу — это воспитание и выдвижение производственников-активистов из бедноты в колхозе. Бедняк поведет крепко за собой середняка, вовлечет скорее в колхозы всю середняцкую массу, если он сам станет ударником колхозного производства. Мы знаем, что из рядов колхозной бедноты уже много вышло настоящих ударников коллективного труда, подросли и подрастают золотые кадры руководителей коллективного хозяйства. Разбивается вдребезги клевета кондратьевцев и правых оппортунистов о «бедняке-лодыре». Мы присутствуем при большом производственном под'еме

колхозной бедноты. Мне приходилось слышать очень много от колхозников-бедняков такие заявления: «До колхоза мы, бедняки, в хозяйственном смысле были нуль, а теперь, смотрите, сколько мы дали излишков государству и сами себя хлебом обеспечили». В очень многих колхозах на каждое бедняцкое и батрацкое хозяйство падало в этом году до 1,5—2 тонн и больше сданного хлеба, в то же время, как прежде не сдавалось и килограмма.

Но есть известная часть бедноты, производственная активность которой еще низка, что отталкивает некоторую часть середняков. Работой с беднотой в колхозе, приближением всей массы бедноты к вопросам управления коллективным производством, вовлечения ее в производственные совещания, в ударные бригады мы должны сделать всех бедняков-колхозников производственниками-активистами, энтузиастами нового коллективного труда.

И мы эту задачу выполним скорее и лучше, если крепче возьмемся за работу с беднотой. При чем, так как середняк-колхозник стал новой опорой советской власти в деревне, то будет целесообразным перейти на организацию при сельсоветах и потребительских кооперативах—колхозно-бедняцких групп, что явится одной из форм реализации решения XVI с'езда исходить во всей практической работе в деревне из опоры на колхозника.

Работа с беднотой — есть наш основной рычаг в борьбе с кулаком, в борьбе за руководство середняком, в борьбе за высокие темпы коллективизации, за сплошную коллективизацию.

О мерах, стимулирующих вовлечение в колхозы середняка.

В одном из документов, с ошибками «левацкого» порядка, дается такая оценка положения в деревне: «Главный недостаток, основная беда нашей партийной организации в деревне заключается в том, что мы не сумели еще сплотить, организовать наши классовые силы и на этой основе укрепить союз с середняком для беспощадной борьбы с кулачеством». Между тем, известно, если бы не был закреплен союз с середняком, мы не имели того массового притока в колхозы, который был весной. Мы знаем, что середняк не только массой пошел в колхоз, но и массой остался в колхозе, особенно в районах сплошной коллективизации. Если бы мы не укрепили союза с середняком, мы не имели начала того нового могучего движения в колхозы и середняцких масс, который имеем теперь. Мы несомненно укрепили союз с середняком. Середняк-колхозник стал новой опорой советской власти в деревне.

Но когда мы ставим вопрос о вовлечении середняка в колхозы, мы *должны позаботиться о создании благоприятной обстановки для этого вступления, позаботиться об устранении тех причин, которые, не нарушая союза с середняком, все же задерживают коллективизацию середняка, должны найти рычаги, способствующие ускоренной коллективизации широчайших середняцких масс.*

Известно, что в районах сплошной коллективизации основным резервом для роста колхозов являются середняки. Большинство бедноты здесь уже вовлечено в колхозы. Но большим препятствием для вступления всей середняцкой массы в колхозы является то, что несмотря на превращение середняка-колхозника из союзника в нашу новую опору в деревне — в действительности середняк в отношениях к нему, как показывают материалы наших бригад, во многих местах еще мало чувствует или местами почти не чувствует этой перемены.

Важные хозяйственно-политические вопросы редко обсуждаются на совместных собраниях колхозников. При распределении дефицитных промтоваров чаще всего господствует принцип распределения по нуждаемости. В первый, второй и третий раз получаемые колхозами промышленные товары очень часто распределяются только по нуждаемости, середняк обходится. Однако, в интересах дальнейшего роста коллективизации, в интересах роста производительности колхозного труда необходимо в распределении промтоваров придерживаться, как правилу, принципа распределения по трудодням.

При выдвижении на курсы и в школы середняки обходятся или посылаются в самую последнюю очередь На середняков во многих местах в колхозах смотрят, как на отщепенцев, подозрительно к ним относятся. Хозяйственный опыт середняка в колхозах в большинстве случаев используется явно недостаточно. Правда, есть отдельные районы, где хозяйственный опыт середняка в колхозах используется довольно широко, большинство полеводов — середняки, значительная часть бригадиров — середняки. Но такие районы пока в небольшом меньшинстве. Даже наша печать чрезвычайно слабо пропагандирует лозунг, что середняк-колхозник является теперь нашей новой опорой. *Последовательное проведение этого лозунга, установление взаимоотношений с середняком-колхозником как с нашей новой опорой в деревне — есть не только могучий стимул для поголовной коллективизации бедняцко-середняцких масс уже в данных районах сплошной коллективизации, но и большой стимул для коллективизации середняка в районах, которые нынешней зимой станут районами сплошной коллективизации.*

Второе, на что мы должны теперь *обратить сугубое внимание, это — необходимость преодоления частых попыток местных работников помешать вступлению середняка в колхозы.* Во многих местах сильны настроения бедноты против середняка. Так, например, на Нижней Волге т. Плукс передает, что в Ново-Анненском районе есть тенденция закрыть середнякам доступ в колхозы. «У бедноты в некоторых колхозах существует такая тенденция, что середняка надо бить. У некоторой части бедняков есть такая тенденция потому, что середняк, мол, был в колхозе, но вышел весной, что он колебался, что он был в числе противников колхоза во время сева, а теперь, мол, опять идет в колхоз, может быть, опять колебнется». У части бедноты проскальзывают такие узко-групповые настроения, которые передаются и некоторым местным работникам. Эти настроения надо преодолевать.

Весенний отлив из колхозов 1930 г. об'яснялся тем, что многие партийные организации отступили от ленинских методов коллективизации, нарушили принцип добровольности, пробовали перескочить через основную форму коллективизации на данном этапе — артель, прямо к коммуне, допустили широкую практику антисередняцких перегибов. Теперь середняк идет в колхозы добровольно, сознательно, убежденный на практике теми крупными достижениями, которые колхозы имели уже в первый год сплошной коллективизации.

И если мы повсюду будем твердо придерживаться ленинских методов вовлечения в колхозы середняка, если мы повсюду установим правильные взаимоотношения с середняком-колхозником, будем относиться к нему как к нашей новой опоре в деревне, — то мы всю середняцкую массу, вновь влившуюся в колхозы закрепим и не только значительно, но даже сколько-нибудь заметного отлива, избежим.

Надо не только препятствовать вступлению в колхозы середняка, но, наоборот, развивать широчайшую массовую организаторскую работу в деревне, для того, чтобы стимулировать движение в колхозы гигантских пластов середняка.

Вовлечение в колхозы середняка мы должны сочетать с самой решительной борьбой с кулачеством. Случаи же прямого преграждения доступа середняку в колхоз мы имеем часто там, где одновременно с этим на селе не ведется настоящей борьбы с кулаком. Таким отношением к середняку мы там еще больше усиливаем позиции кулака.

Надо решительно бить по возрождающимся кое-где таким настроениям «левых» загибов.

(Окончание следует).

И. Марков.

Мировой аграрный кризис и социалистическая реконструкция с. х в СССР.

I.

Мировой экономический кризис, начавшийся свыше года назад, продолжает все более углубляться и расширяться. Ныне не существует больше ни одной страны в капиталистическом мире, так же как не существует больше ни одной отрасли производства, которые не были бы вовлечены в водоворот кризиса. Характерной чертой современного кризиса является именно его мировой охват, его всеобщность. На XVI с'езде партии тов. Сталин со всей четкостью и определенностью подчеркнул, что

> «нынешний кризис является первым после войны мировым экономическим кризисом. Он является мировым кризисом не только в том смысле, что охватывает все или почти все промышленные страны мира... Он является мировым кризисом еще в том смысле, что кризис промышленный совпал по времени с кризисом сельскохозяйственным, охватывающим производство всех видов сырья и продовольствия в основных аграрных странах мира».

В данной статье мы имеем в виду остановиться лишь на вопросах мирового аграрного кризиса, который протекает одновременно с невиданной в мире по темпам и неслыханной до сих пор по масштабам социалистической реконструкцией с. х. в СССР. Последние два года являются в этом отношении переломным периодом.

> «Он (этот период.—И. М.) был переломным не только для нас, для СССР, но и для капиталистических стран всего мира. Но между этими двумя переломами существует коренная разница. В то время, как перелом этот означал для СССР поворот в сторону нового, более серьезного экономического под'ема, для капиталистических стран перелом означал поворот к экономическому упадку. У нас, в СССР растущий под'ем социалистического строительства и в промышленности, и в сельском хозяйстве. У них, у капиталистов, растущий кризис экономики и в промышленности и в сельском хозяйстве». (Сталин).

Такое противоречие и антагонистическое движение и развитие двух различных систем не могло также не отразиться на мировом сельском хозяйстве. Борьба капиталистической и социалистической систем, характерная для всего послеоктябрьского периода, сильно обострилась также и в сельском хозяйстве. Эта борьба является неразрывной частью общего состязания капитализма и социализма.

1930 год впервые наглядно подвел итоги параллельному развитию враждебных друг другу систем в сельском хозяйстве. Капиталистическое с. х., не вылезающее во все послевоенное время из трясины то усиливающегося, то ослабевающего аграрного кризиса, характеризовалось в последние годы огромным перепроизводством с.-х. продуктов, непрерывным

ростом запасов, бешеным падением цен, усилением задолженности с. х., закабалением и разорением огромнейшего количества бедноты и середнячества из фермеров и крестьян. С особой тяжестью аграрный кризис обрушился на сельское хозяйство колониальных и полуколониальных стран.

В то же время в СССР, с его социалистической системой хозяйства, имели место: рост производства с.-х. продукции, рост совхозов и крупного коллективного земледелия, настойчивое проведение социальной и технической реконструкции, ликвидация кулачества как класса на основе сплошной коллективизации и выкорчевывание корней капитализма в с. х., улучшение положения и поднятие жизненного уровня крестьянских масс и форсированное внедрение новейших достижений техники и агрономии в советское сельское хозяйство.

Чтобы ясно представить себе разницу в развитии капиталистического с. х. и советского, достаточно сопоставить те общие условия, в которые поставлены обе сельскохозяйственные системы. Капиталистичекое с. х. ныне развертывается в условиях жесточайшего мирового экономического кризиса при общем усилении элементов загнивания капитализма и нарастающем всеобщем кризисе системы, составной частью которой является аграрный кризис, подтачивающий корни капиталистического сельского хозяйства.

В СССР сельское хозяйство развивается на иной экономической и политической базе, на основе непрерывного нарастания высоких темпов индустриализации страны, при наличии расчищенных путей для победоносного продвижения «нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию» (Сталин), благодаря уничтожению победившим пролетариатом всех пут, обычно препятствующих развитию с.-х. в капиталистических странах, как-то: частной собственности на землю, ренты, аренды и т. д. Быстрое продвижение вперед и под'ем сельского хозяйства в СССР и было возможно только на основе победы социалистического пути развития деревни, несмотря и вопреки «предвидению» и «планам» правых оппортунистов, «левых» троцкистских фразеров, которых партия отмела со своего генерального пути.

Разумеется, современное сельское хозяйство СССР не представляет еще вполне законченной социалистической системы. Однако, по темпам развертывания процесса реконструкции, по той роли, которую советские и коллективные хозяйства уже теперь играют в общем балансе производства, после того исторического перелома, когда основные массы крестьянства повернули к социализму, — сельское хозяйство встало твердо на социалистический путь развития и по этому пути пойдет до конца. Дальнейшее освещение вопроса целиком подтвердит, что даже при современном развитии совхозов и колхозов, когда колхозы охватывают, примерно, около одной четверти крестьянских хозяйств, социалистический сектор сельского хозяйства уже имеет решающее значение и играет руководящую роль в сельском хозяйстве СССР.

И если социалистическое сельское хозяйство могло и может в своем поступательном движении опираться на быстрое развитие индустрии, на непрерывный рост спроса со стороны промышленности и на гигантское возрастание потребления многомиллионных масс трудящихся, то для послевоенного капиталистического сельского хозяйства возможности значительного возрастания спроса на с.-х. продукты совершенно исключены, в виду сильного обнищания масс, большой безработицы и тяжелого положения крестьянства. Капиталистическая и социалистическая системы в области с. х. движутся в совершенно противоположных направлениях: первая — вниз, вторая — вверх; первая — к закату, вторая — к победе; первая — к исчезновению, вторая — к всемирному распространению. Таково об'ективное положение соревнующихся двух систем сельского хозяйства всех стран мира.

Общее состояние капиталистического и советского с. х. за последние годы характеризуется следующими данными.

Показатели мирового сель кого хозяйства (1913=100).

Культуры	Посевные площади			Валовой сбор		
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1928 г.	1929 г	1930 г.
Пшеница						
Все страны (без СССР)	121	121	118	127	109	126
Европа (без СССР)	98	96	97	103	104	95
СССР	110	109	113	107	92	143
Рожь						
Все страны [1])	96	100	98	94	93	93
Европа [1])	89	94	91	91	91	90
СССР	108	109	116	105	108	126
Ячмень						
Все страны	115	121	117	121	120	113
Европа	102	107	99	105	115	95
СССР	70	77	71	63	80	78
Овес						
Все страны	103	102	104	110	103	104
Европа	90	91	85	97	105	85
СССР	103	113	107	122	117	117
Кукуруза						
Все страны	103	102	98	101	105	79
Европа	108	114	108	64	119	70
СССР	340	268	297	246	225	340
Хлопок						
Все страны	127	126	123	114	114	112,3
СССР	145	161	246	130	141	215
Лен						
Все страны	113	106	96	94	102	95
СССР	104	125	139	63	68	80
Сахарная свекла						
Все страны	128	126	133	120	114	118
Европа	126	122	127	111	107	106
СССР	125	125	168	102	63	160

Из таблицы видно, что в капиталистических странах имеет место замедленный рост с.-х. производства по всем культурам и, наоборот, СССР проявляет тенденции огромного роста во всех отраслях сельского хозяйства. Затруднения имеются только в отношении животноводства, но развернутая борьба за развитие животноводческих совхозов и колхозов должна будет в ближайшие два года привести к полному изжитию этих затруднений и энергичному под'ему животноводства вверх. К этому надо добавить, что в 1931 году намечено расширение посевных площадей в СССР на 15 млн. га, что посевные площади под хлопок будут превышать в 3 раза довоенный уровень, а сахарной свеклы в 2 раза и т. д. На ряду со всем этим в

[1]) В дальнейших пунктах «все страны» и «Европа» данные приводятся также без СССР

капиталистических странах под ударами аграрного кризиса неизбежно последует известное сокращение посевных площадей. Отсюда ясно, насколько различны пути, противоположны перспективы развития капиталистической и социалистической систем сельского хозяйства.

II.

Мировой аграрный кризис в последние два года дает особенно резкое обострение, с одной стороны, под влиянием возросших внутренних противоречий сельского хозяйства, с другой же стороны, под давлением разразившегося мирового экономического кризиса. Современный кризис в сельском хозяйстве, как и в промышленности, является всеобщим, несмотря на неравномерность его развития в отдельных странах и отдельных отраслях сельскохозяйственного производства.

Аграрный кризис по-разному в отношении формы проявления и неравномерно в смысле глубины проникновения протекает в различных странах капиталистического мира. В странах производящих, главным образом заокеанских — Канада, САСШ, Аргентина и Австралия — аграрный кризис проявляется в огромном перепроизводстве с.-х. продукции, бешеном падении цен и разорении маломощного фермерства, вытесняемого более крупным и технически более развитым производством. В потребляющих странах Европы — Англии, Франции, Италии, отчасти — Германии, Бельгии, Чехо-Словакии и др. — аграрный кризис принимает несколько иную форму. В этих странах, являющихся главными потребителями мирового рынка с.-х. продуктов, и собственное производство которых является недостаточным для удовлетворения спроса промышленного населения, — аграрный кризис является отраженным явлением, благодаря падению цен в странах вывозящих. Высокая земельная рента, большая задолженность с. х., непрерывный рост налогов, раздробленность землевладения и преобладание мелкого производства обуславливают наличие более высоких издержек производства неспособных выдержать конкуренцию заокеанских стран с более передовым и технически более развитым сельским хозяйством.

Особенно остро аграрный кризис проявляется в капиталистически отсталых странах Европы, в сельском хозяйстве которых преобладают еще значительные остатки феодализма: в Румынии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Польше, лимитрофах и др.

Положение этих стран тем более осложняется, что они не являются самостоятельными и независимыми в своей хозяйственной политике, а лишь аграрным придатком крупнейших промышленных стран Европы, и в первую очередь Франции. Будучи привязаны железной цепью задолженности к финансовому капиталу стран-кредиторов, волю которого они должны беспрекословно исполнять, они вместе с тем выполняют также особую служебную роль — служить защитой для западной «цивилизации» от «вредного» влияния большевизма, что лишь углубляет аграрный кризис в этих странах. Поскольку они являются технически отсталыми и на мировом рынке совершенно не конкурентоспособными, они не могут ни расширять внутренний спрос в виду слабого промышленного развития, ни увеличивать сбыт на внешних рынках, так как их побивают более конкурентоспособные заокеанские страны.

В колониях и полуколониях: Индия, Китай, Персия и др., где гнет империализма особенно силен, а пережитки феодализма особенно велики, аграрный кризис принимает форму прямой деградации сельского хозяйства. Несмотря на то, что в Индии и Китае, в буквальном смысле слова, голодают десятки миллионов людей, сельское хозяйство этих стран не проявляет никаких признаков развития или даже простого роста продукции. Аграрный кризис в этих странах выражается в застое, регрессе и деградации с. х.

И, наконец, в странах монокультуры: Египет, Бразилия, Куба и др., специализировавшихся на поставках определенных видов сырья или предметов потребления: хлопок, кофе, сахар, и являющихся лишь «хинтерландом», аграрным придатком для промышленных стран, аграрный кризис принял форму колоссального перепроизводства продукции, катастрофического падения цен и безжалостного разорения мелких производителей. В этих странах влияние общего экономического кризиса особенно тесно переплелось с аграрным кризисом и поэтому получило такую резкую форму проявления, что производители, в целях стабилизации цен, вынуждены прибегнуть к прямому физическому уничтожению огромных запасов продукции.

Несмотря на различия в формах проявления аграрного кризиса в различных странах, можно все же отметить и ряд общих черт. В первую очередь это выразилось в росте запасов и падении цен. Так, например, запасы возросли за первую половину 1930 г. в сравнении с 1929 г.:

Пшеница (в САСШ и Канаде) . . . . на	10%
Хлопок (мировые видимые запасы) . . . . „	33 „
Шелк-сырец (Япония) . . . . „	262 „
Каучук (САСШ, Великобритания, Сингапур, Малакка, — плавающие запасы) . . . . „	52 „
Сахар (мировые видимые запасы) . . . . „	14 „
Кофе (Бразилия, САСШ и Европа) . . . . „	99 „

Что касается уровня мировых цен на с.-х. товары, то падение их уже давно наметилось во всех странах и на всех рынках, но только в последнее время, благодаря углублению мирового кризиса, падение цен особенно резко усилилось. Падение цен в некоторых случаях носило прямо катастрофический характер, в особенности в странах монокультуры и специализированных районах, например, падение цен на пшеницу, рожь, хлопок, кофе и др., и ничего удивительного нет в том, что в настоящее время уровень цен по основным предметам сельскохозяйственного производства даже значительно ниже довоенного.

Падение цен на главные сельскохозяйственные продукты.

Продукты	Конец 1913 г.	Конец 1925 г.	Начало августа 1930 г.
Пшеница, Чикаго (в центах за бушель)	88,75	186,50	91,63
Сахар, Нью-Йорк (в центах за англ. фунт)	3,20	2,37	1,15
Хлопок, „ „	12,60	20,70	12,85
Кофе, Гамбург (в пфеннигах за 1 кг)	100	182	71,5
Каучук, Лондон (в пенсах за англ. фунт)	37,5	45,5	5,06

Но самый факт снижения цен еще не говорит о действительном ухудшении положения с. х., ибо если снижение цен проявляется равномерно во всех отраслях производства, то меняется лишь номинальное выражение цен, но не их реальная величина, т.-е. покупательная способность «крестьянского рубля» (или, как в Америке говорят, «фермерского доллара») может не меняться. Но в том-то все и дело, что внедрение финансового капитала в с. х. не только обостряет действие аграрного кризиса, но содействует также переложению его тяжести с промышленности на сельское хозяйство, а в самом с. х. — с тяжелых и крепких плеч крупных аграриев на слабые и шаткие спины маломощных крестьянских и фермерских хозяйств. Это обусловило

в первую очередь существование товарных ножниц. Так, например, в САСШ и Германии имеет место такое соотношение цен на с.-х. и промтовары.

Соотношение цен на сельскохозяйственные и промышленные товары.
(VIII/1909 г.—VII/1914 г. = 100) в САСШ и Германии (1913 г = 100).

Дата	I индекс цен на отчуждение с.-х. продуктов	II индекс цен на приобретение фермерских товаров	Отношение I индекса ко II-му	III индекс цен на с.-х.	IV индекс цен на готовые промтовары	Отношение III индекса к IV-му
1920 г.	205	206	99	—	—	—
1925 г.	147	159	92	133,0	156,7	84,9
1929 г.	138	155	89	130,2	157,4	84,7
1930 г.						
Январь	134	153	88	121,8	156,0	78,1
Июль	123	151	81	Среднее за 8 мес. 1930 г.—74,4		

Эти «ножницы» теперь существуют уже везде, и ныне в Австралии индекс промышленных и с.-х. цен составлял (при чем в 1917—1930 гг. они еще больше раздвигаются):

	1921/22 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.
Промышленный индекс	178,8	184,9	188,1	190,4	192,1
Сел.-хоз. индекс	138,2	148,1	131,0	148,6	164,9

«Ножницы» сильно раздвинулись также и в Канаде в 1930 г., например, промышленный индекс равнялся 85,9, а с.-х. индекс — 76,0. Особенно резкий раздвиг дают «ножницы» в странах с отсталым с. х. Так, например, «ножницы» в Польше составляли:

	1927 г.	1929 г. (сент.)	1930 г. (сент.)
Промышленные товары	112,2	115,4	103,1
Сел.-хоз. товары	130,5	107,0	85,1

Но «ножницы» означают не только уменьшение доходности фермера, а в свою очередь обусловливают расхождение между издержками производства и выручкой фермера. С одной стороны, фермер должен покупать машины, орудия производства, строительные материалы и др., по более высоким ценам, а с другой — цены на с.-х. продукты не на много выше довоенных, к тому же война и связанная с ней инфляция привели к разводнению капитала, к росту налогов, процентов на капитал и т. д. И, например, в САСШ в 1928/29 г., при превышении цен с.-х. продуктов на 28% против довоенного, рост цен по всем товарам, приобретаемым фермером, повысился на 65%. В результате себестоимость бушеля пшеницы в САСШ в 1929 г. составляла 124 цента, а в 1930 г. лучшие сорта пшеницы в Чикаго в сентябре продавались по 72 — 75 центов за бушель. То же и в Австралии: при падении местной цены до 78 центов за бушель издержки производства в Новом Южном Уэльсе составляют 107 центов.

Такая же картина сильного расхождения между издержками производства и выручкой от с.-х. продукции выявилась почти во всех других странах и в первую очередь в Германии. Член рейхстага Альберт-Штольберг-Вернигродэ указывает, что основа разорения сельского хозяйства — это расхождение между издержками производства и выручаемыми ценами.

Индекс составлял:

Годы	Издержки производства	Вырученные цены по с.-х. продукции
1924/25	136	121
1925/26	143	114
1926/27	146	132
1928/29	152	132

В издержках производства налоги и долги играют исключительно важную роль. Все это увеличилось за послевоенные годы в Германии и это обусловило тот факт, что цены на с.-х. продукты стояли ниже промышленных, а раствор «ножниц» все раздвигался. Сильно возросли также транспортные расходы, накладные расходы обращения и др. Только индекс минерального удобрения (благодаря огромным успехам химии в получении фиксированного азота) стоит ниже индекса с.-х. цен.

Аналогичную картину представляет также Франция. В то время как зерновой индекс во Франции в 1929 г., по сравнению с 1913 г., повысился до 533, т.-е. немногим больше, чем в 5 раз, общий оптовый индекс в это время составлял 612. В то же время сильно повысились издержки производства в с. х.: средние издержки по обработке 1 гектара пшеницы увеличились за этот период с 614 до 4.200 франков, т.-е. увеличились больше чем в 7 раз, а транспортные — с 13,25 фр. за перевозку 1 тонны зерна (на расстоянии в 500 километров) — до 133 франков, т.-е. в 10 раз.

«Ножницы» и падение цен приводят к росту задолженности с. х. и к увеличению арендаторства.

Задолженность фермерства САСШ исчислялась Уорреном для 1927 г. в 12 — 15 миллиардов долларов и теперь выражается не меньше чем в 13 — 18 млрд. долларов. В Германии задолженность с. х. также сильно повысилась и составляла (в миллионах марок):

Виды кредитов	1925—XII	1929—VI
Ипотечная задолженность	1.011,3	3.890,8
Кредиты на средн. сроки	25,8	319,6
Краткосрочные кредиты	2.186,1	3.143,5
	3.223,2	7.353,9

В странах Юго-восточной Европы, где аграрный кризис является еще более разорительным, задолженность особенно быстро растет. В Румынии средняя задолженность на 1 га крестьянской земли равна 4.500 лей, когда продажная цена 1 га земли определяется максимум в 6 тыс. лей и, например, в Буковине и Бессарабии задолженность на 1 га доходит до 27 — 30 тыс. лей, т.-е. в 4-5 раз превышает цену самой земли. Задолженность хорватского крестьянства в Югославии равна трем пятым стоимости всего его имущества и значительно превышает рыночную цену земли.

Аграрный кризис не одинаково отражается на различных слоях крестьянства. Крестьянство (а также и фермерство) социально не однородно: на ряду с беднотой и середняками существуют кулацкие и капиталистические с.-х. предприятия. И в то время как крупное производство, благодаря введению новой техники, может добиться известного сокращения издержек про-

изводства и тем самым легче приспособиться к падающим ценам, — мелкое и среднее крестьянство лишены этих возможностей и поэтому им, главным образом, и приходится выносить на своих плечах всю тяжесть аграрного кризиса. Так, например, в Канаде стоимость 1 бушеля пшеницы в крупном механизированном хозяйстве стоит 50 центов, а в мелком — 1 доллар (100 центов), цена же на мировом рынке теперь не превышает 75 центов.

В конце концов для маломощного фермера становится совершенно невозможным дальнейшее продолжение процесса производства, и его ферма продается с торгов или он ее бросает и бежит, «куда глаза глядят». Рост банкротств в САСШ с 1911 по 1926 г. увеличился в 10 раз. До войны на каждые 1.000 ферм приходилось около 3 банкротств, а после войны — 23. То же имеет место в Германии.

Продажа с торгов земельных участков (в Германии)

	1923	1924	1925	1926	1927	1928	1929
Число хозяйств .	5	84	336	868	1,059	1.373	2.452
Их площадь (в тысячах га) . . .	0,009	1,52	6,44	29,69	31,97	43,54	103,85

С другой стороны, это проявляется также в уменьшении с.-х. населения. Так, например, за 10 лет аграрного кризиса сельскохозяйственное население САСШ уменьшилось почти на 5 млн. человек, в Германии с 1910 по 1925 гг. с.-х. население абсолютно уменьшилось на 0,5 млн. человек, в то время как городское население выросло за это время на 2,5 млн. чел. Но это же имеет место в других странах. Так, например, в Канаде, где, по уверению буржуазных «теоретиков», нет аграрного кризиса, — с.-х. население, составлявшее в 1891 г. 68% всего населения, в 1925 г. составляло около 50%. Чаще всего бывает, что разоренным и обнищавшим крестьянам податься некуда, и они вынуждены «оставаться» в деревне (например, в Польше, где промышленность замерла, в деревне насчитывается около 3 млн. «лишних» рук).

Банкротство, разорения крестьян, уход в города, переход на арендаторство — эти явления развертываются везде, где существует капиталистическое сельское хозяйство. Эти факты можно в изобилии также найти в современной Франции, Италии, Англии и др. странах.

Если сопоставить с этой картиной кризиса и разорения с. х. во всех странах капиталистического мира развитие с. х. в СССР и разрешение проблемы превращения мелкого и мельчайшего с. х. в крупное и коллективное — то перед нами вырисовывается совершенно другая картина. Политика нашей партии все время была направлена на поддержку бедняцкого и середняцкого хозяйства, на оказание им необходимой кредитной, семенной и технической помощи, а не на разорение и уничтожение мелких производителей, как это имеет место в капиталистических странах. В этом отношении партия и советская власть лишь действовали в духе Маркса и Ленина и делали

«все возможное, чтобы ему (крестьянину.—И. М.) было сноснее жить, чтобы облегчить ему переход к товариществу в случае, если он на это решится» (Энгельс, «Крестьянский вопрос»).

И только благодаря такой 13-летней работе в деревне и осуществлению правильной ленинской линии партии удалось, с одной стороны, оказать необходимую поддержку бедноте и середнякам по укреплению их хозяйств, с другой — подготовить переход к коллективным формам сельского хозяй-

ства через производственную смычку формы насаждения новой техники и т. д.

«Советская власть правильно учла растущую нужду крестьянства в новом инвентаре, в новой технике, она правильно учла безысходность положения крестьянства при старых формах обработки земли и, учтя все это, во-время организовала ему помощь в виде прокатных пунктов, тракторных колонн, машинно-тракторных станций, в виде общественной обработки земли, в виде насаждения колхозов, наконец, в виде всесторонней помощи крестьянскому хозяйству силами совхозов». (Сталин. «Год великого перелома», стр. 17).

Вместо обнищания, разорения и закабаления крестьянства при капитализме, сплошная коллективизация в СССР при ликвидации кулачества как класса вырывает самую основу из-под ног капитализма в сельском хозяйстве. Мы видим, таким образом, что только социалистический путь развития способен освободить с.-х. производителей от гнета капитализма и обеспечить сельскому хозяйству более высокие (коллективные) формы дальнейшего развития.

И если опять-таки сопоставить с ужасающей картиной беспросветной нужды, нищеты, пауперизации и разорения, в которое ввержено аграрным кризисом сельское хозяйство капиталистических стран и в особенности маломощное крестьянское и фермерское хозяйство, рост с.-х. продукции в СССР на новой социальной и технической базе, его освобождение от тяжелых цепей финансового капитала, — то разве самый факт под'ема и успешного развития по социалистическому пути сельского хозяйства в СССР не способен завоевать на сторону социализма симпатии и сочувствие со стороны многомиллионных масс бедняцкого и середняцкого крестьянства? Бессилие врагов советской власти, неспособных ничем предотвратить растущие симпатии крестьянских масс к Советскому союзу и к социалистической системе в с. х., выражается в их бешеной злобе против Советского союза и в измышлениях о якобы «новых методах агитации» Советского союза. Приходится только удивляться тем глупейшим измышлениям газет, которыми ныне питают своих читателей не только какие-нибудь рижские корреспонденты, но такие влиятельные газеты, как лондонский «Таймс», когда в передовой от 7 октября он пишет:

«Г. Маджару (румынский министр торговли) не сомневается, что русский демпинг рассчитан на то, чтобы подкрепить кампанию пропаганды, которая ведется особенно усиленно в сопредельных с Россией странах. Советское правительство, контролирующее свой экспорт и импорт, не упускает ни одного случая, чтобы поддержать аграрные волнения. Оно выбирает момент, когда тот или иной местный рынок особенно уязвим, и выбрасывает туда большие количества дешевого зерна, произведенного принудительным трудом».

Разумеется, дело вовсе не в пропаганде «демпингом», как измышляют про СССР враги советской власти, а в жизненности и преимуществах советской системы, которая сама за себя прекрасно агитирует. Простое сопоставление современного ада для крестьянства в капиталистических странах с советской системой с. х., которая по самой своей сущности никак и никогда не может привести к явлениям аграрного кризиса, лучше всего убеждает трудовое крестьянство в том, на чьей стороне преимущество. Советской системе не нужно за себя пропагандировать — самым фактом своего существования, роста и успешного развития она говорит за себя убедительнее всяких доводов. И, пожалуй, если уже говорить о пропаганде, то самым красноречивым и самым опасным для капитализма агитатором против капиталистической системы сельского хозяйства теперь является... мировой аграрный кризис, еще резче оттеняющий социалистический под'ем с. х. в СССР.

III.

Анализ аграрного кризиса в капиталистических странах в сопоставлении с социалистической реконструкцией сельского хозяйства в СССР показывает, как глубоко противоположны пути развития соревнующихся с.-х. систем.

Характерным для послевоенного развития капиталистического с. х. является существование аграрного кризиса, его непрерывное развертывание и углубление со всеми вытекающими из него противоречиями. На ряду с этим мы наблюдаем непрерывный рост, под'ем и развитие с. х. в СССР на основе его социальной и технической реконструкции.

Невольно при этом встает вопрос: что же аграрный кризис — переходящее для капитализма явление или длительное и затяжное? И, наоборот, в отношении Советского союза, который дает непрерывный рост количественных и качественных показателей, совершенно законно возникает другой вопрос—является ли этот рост временным и случайным, или это необходимое следствие укрепления и роста социалистического сектора в с. х., следствие—которое будет в дальнейшем все время нарастать еще больше, еще быстрее, по мере внедрения и осуществления социализма в земледелии. Нечего и говорить, что оба эти вопроса тесно между собою переплетаются и ответ на них должен осветить перспективы дальнейшей борьбы антагонистических систем в сельском хозяйстве.

Анализ послевоенного развития мирового с. х. показывает: 1) современный аграрный кризис не похож на кризис 1876—96 гг., когда капитализму рядом принятых мер удалось его преодолеть; 2) во всех своих мероприятиях по борьбе с современным аграрным кризисом капитализм неизменно терпит банкротство; 3) послевоенный аграрный кризис—явление хроническое и длительное, и он является неот'емлемой частью капиталистической системы хозяйства, как 4) непрерывный рост производства, повышение количественных и качественных показателей для социалистической системы хозяйства СССР.

В о-п е р в ы х, послевоенный аграрный кризис отличается от кризиса 80 — 90 гг. тем, что он является в с е о б щ и м, в то время, как тот был лишь е в р о п е й с к и м и, главным образом, з е р н о в ы м. Современный аграрный кризис охватил все решающие отрасли с.-х. производства: зерновых, технических, животноводческих и колониальных культур, а также — и все страны мира. Хотя аграрный кризис распространяется неравномерно в различных странах капиталистического мира, точно так же, как глубина и острота его проявляются в разных странах в не одинаковой степени, однако, **н ы н е н е с у щ е с т в у е т б о л ь ш е н и о д н о й с т р а н ы в к а п и т а л и с т и ч е с к о м м и р е, к о т о р а я н е б ы л а б ы о х в а ч е н а а г р а р н ы м к р и з и с о м.**

В о-в т о р ы х, аграрный кризис конца XIX века развивался тогда, когда капитализм еще был на под'еме и когда он сумел, благодаря некоторому улучшению техники, интенсификации с. х. сократить издержки производства, когда благодаря введению аграрных пошлин удалось отдельным странам на время забаррикадироваться от иностранного ввоза. Главное же, что, благодаря возраставшей части переменного капитала в общем росте промышленного производства, капитализму удалось расширить спрос, а соответственно и сбыт, с.-х. продукции, что вместе с тем и содействовало преодолению аграрного кризиса 1876—96 гг. Современный же аграрный кризис развертывается в условиях всеобщего кризиса капиталистической системы, когда все перечисленные мероприятия, будучи проведены на практике, лишь углубляют противоречия, а не преодолевают и не разрешают их.

В-т р е т ь и х, тогда промышленный капитал был «занят», главным образом, непосредственно в промышленности и на с. х. еще обращал очень мало внимания. В послевоенный же период финансовый капитал успел уже «стать твердой ногой» в с. х. и внедриться во все его поры. Значительная доля прибылей послевоенного финансового капитала (в особенности банкового капитала) составляется именно от грабежа крестьянства и фермерства. Через систему банкового кредита, через сеть элеваторов и зернохранилищ, через биржу, тресты и железнодорожные кампании финансовый капитал безжалостно грабит, обирает и разоряет мелкого производителя. И поскольку большим препятствием для проникновения банкового капитала в широких размерах в сельское хозяйство является именно мелкое, распыленное и раздробленное с.-х. производство, затрудняющее контроль и ограничивающее размеры вложений, финансовый капитал выживает мелкого производителя и путем замещения его крупно-капиталистическим производством старается уничтожить самую мелко-индивидуалистическую систему крестьянского хозяйства, что еще больше обостряет аграрный кризис.

И, наконец, в-ч е т в е р т ы х, и это самое решающее отличие: тогда мировая хозяйственная система была еще капиталистически однородна, и на этой основе капиталисты сумели мобилизовать достаточно внутренних сил для преодоления аграрного кризиса. Теперь мировое хозяйство, в том числе и мировое с. х., расколото на две непримиримые и враждебные системы. Усиление, социалистической системы с. х. в СССР, которая по своим социальным отношениям, темпу и формам развития является живым отрицанием дальнейшей жизнеспособности капиталистического с. х., самым фактом своего существования усиливает противоречие аграрного кризиса. Выход же социалистического с. х. со своей продукцией на мировой рынок и усиление его потенциальных возможностей превращает аграрный кризис в зияющую рану капитализма.

Было бы не верно думать, что капитализм недостаточно энергично борется с аграрным кризисом, хотя все принятые им до сих пор меры не увенчались и по об'ективным условиям развития послевоенного капитализма не могут увенчаться успехом. Из принятых до сих пор мер по борьбе с аграрным кризисом известны: а) меры по снижению издержек производства для облегчения сбыта, б) меры борьбы с падающими ценами путем организации пулов, монополистических организаций по сбыту, контингентирование сбыта и т. д., в) усиление аграрного протекционизма: повышение пошлин, премиальное поощрение экспорта, установление твердых процентов помола местного зерна и т. д. и г) меры для сокращения количества выпускаемой продукции: различные схемы рестрикции, искусственное ограничение производства, физическое уничтожение запасов и т. д.

Снижение издержек производства является делом, безусловно, возможным, и на первых порах оно проводилось с достаточной активностью. Этим об'ясняется рост механизации (применение тракторов, комбайнов), стандартизации и рационализации производства в достаточно широких размерах в с. х. заокеанских стран и в несколько более ограниченных размерах в европейских странах. Поскольку, с другой стороны, это обусловило рост продукции, то — при ограниченном развитии мировых рынков после войны, при судорожном движении сжатия и расширения промышленности, при непрерывном возрастании безработицы, при незначительных темпах роста и при разорении маломощных крестьянских хозяйств — это означало лишь дальнейшее углубление аграрного кризиса. Вот почему в последнее время введение новой техники в ряде стран замедлилось, что является наиболее ярким доказательством «загнивания» капиталистического сельского хозяйства. Так, например, продажа с.-х. орудий и машин в Западной Канаде сократилась в 1930 году на 40% по сравнению с 1929 годом, а в таких странах с дегра-

дирующим с. х., как Польша, импорт с.-х. машин сократился даже на 72%. Разумеется, сокращение применения машин в с. х. вызвано в данное время углублением кризиса, но этот факт чрезвычайно симптоматичный.

В ряде мер по борьбе за повышение цен являются централизация сбыта и организация об'единений типа канадского пшеничного пула. Но эти организации на практике совершенно бессильны бороться с последствиями аграрного кризиса. Канадский пул не только не в состоянии регулировать цены, но благодаря углублению мирового кризиса и росту запасов он сам стоит под угрозой финансового банкротства. О его положении можно судить по следующим данным: рост видимых запасов пшеницы в Канаде, где пшеничный пул контролирует до 80% экспорта, по приблизительным расчетам составлял (к началу хлебных кампаний за период 1925/26—1930/31 гг. в млн. бушелей):

1925/26	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30	1930/31
26	36	51	78	104	112

Вследствие скопления больших запасов и катастрофического падения цен, канадский пул вынужден был снизить авансы фермерам под пшеницу урожая 1930 г. до 50 центов за бушель, что является самым низким размером авансов за все время существования пула.

Если канадский пшеничный пул оказался бессильным расширить сбыт и стабилизовать цены, то еще меньше шансов на успех имели австралийский пул и организация по сбыту в САСШ. (О беспомощности более мелких кооперативных и корпоративных организаций по сбыту с.-х. продукции не приходится даже говорить).

В САСШ организация помощи фермерам в деле борьбы с влиянием аграрного кризиса пошла по другому пути — по линии скупки хлеба на внутреннем рынке, искусственного сокращения предложения и соответственного взвинчивания цен. Однако, эти мероприятия на практике привели к полному провалу. Федеральное фермерское бюро (Ф. Ф. Б.) за время с июля 1929 г. по июль 1930 г. скупило у фермеров 70 млн. бушелей пшеницы по 1.15 — 1.25 центов за бушель, когда цены в настоящее время не превышают 70 — 80 центов. Это привело: 1) к росту запасов, которые составляли в 1925 г. 135 млн. бушелей, в 1927 г. — 137, в 1929 г. — 264 и в 1930г.—290 млн. бушелей и 2) к катастрофическому падению цен. Когда накопленные на складах Ф. Ф. Б. запасы были выброшены на рынок, в виду большого затоваривания и израсходования отпущенных правительством средств, то благодаря большому предложению сразу большой партии пшеницы рынок был еще больше дезорганизован, и цены начали падать еще быстрее обычного. Такая же картина получилась и в американском хлопководстве. Ф. Ф. Б. потерпело полнейшее банкротство во всех своих мероприятиях по борьбе с последствиями аграрного кризиса.

Аграрный протекционизм также является одной из важнейших мер капиталистов по борьбе с кризисом. Исторически аграрный протекционизм и возник, как результат борьбы с аграрным кризисом 1876—96 гг. Так, например, впервые пошлина на пшеницу была введена в Германии в 1879 г. после весьма продолжительного перерыва, и во Франции — в 1885 г. Но раз введенные аграрные пошлины не только не были в дальнейшем снижены, а непрерывно возрастали вплоть до мировой войны.

Послевоенные аграрные пошлины также являются результатом аграрного кризиса, но отличаются от довоенных тем, что, во-первых, они носят с самого начала их введения ярко выраженный запретительный характер и, во-вторых, они являются выражением резко усилившегося движения европейских стран к хозяйственной автаркии, к самоснабжению сельхозпродуктами. Однако, введение аграрных пошлин даже в таких неслыханных размерах, как

это практикует Германия, когда пошлина на тонну пшеницы выражается в 250 марок при мировой цене в 175—185 марок, не только не ослабляет аграрного кризиса, но еще больше его обостряет. Ибо повышение пошлин, помимо ограбления широких масс населения, вынужденных переплачивать на с'естные продукты, приводит к тому, что спрос огромных трудящихся масс неизбежно должен сокращаться.

Наконец, последние мероприятия по предотвращению кризиса — это стремление к сокращению производства. Вот почему председатель Фарм Борд (Ф. Ф. Б.) в САСШ не нашел ничего другого для облегчения положения фермеров, как посоветовать им сократить площадь под пшеницу в 1930 г. на 20%, вместо прежде рекомендованных им 10%, и под хлопком — на 10—15%. На деле посевплощадь была сокращена лишь на 2—3% и то сельхозпродукция (за исключением кукурузы, пострадавшей от неурожая) в виду непрерывной интенсификации производства не сократилась против прошлогодних размеров. Да и как добиться в капиталистическом обществе «сознательного» сокращения посевных площадей при наличии 6,3 млн. разрозненных хозяйств в САСШ или около 5 млн. в Германии, когда каждый стремится выиграть за счет другого и когда сами правительства своими мероприятиями по оказанию помощи фермерам и аграриям лишь провоцируют последних на дальнейшее расширение производства.

Из анализа несостоятельности всех мероприятий по борьбе с аграрным кризисом ясно одно, что капитализм бессилен его преодолеть. Но в том же направлении действуют и все другие противоречия послевоенного капитализма: непрерывный рост безработицы, слабые темпы развития промышленности, тяжелое положение угнетенных масс, колоний, разорение крестьянства и т. д., которые делают его хроническим и неизлечимым.

В современных условиях развития капитализма, когда до 80—85% населения мира поставлено в такие узкие рамки потребления, что они не в состоянии в какой-либо заметной степени быстро увеличить свою покупательную способность, между тем как условия капиталистической конкуренции толкают фермеров и крестьян на частичное улучшение и расширение производства, — аграрный кризис неизбежно становится затяжным и длительным. Вот почему перепроизводство и кризис в послевоенном капиталистическом сельском хозяйстве являются не преходящим явлением, а непреодолимым противоречием капиталистической системы. Послевоенный аграрный кризис является таким же хроническим явлением, как и хроническая депрессия в «старых» отраслях производства (угольной, судостроительной, текстильной и др.), или в странах «старого» капитализма (Англия). **Пока мир находится под железной пятой империализма, аграрный кризис не может быть и не будет изжит.**

IV.

Точно так же, как аграрный кризис является неот'емлемой частью послевоенного капиталистического сельского хозяйства, непрерывный рост с.-х. производства страны и нарастание темпов его развития на основе социалистической индустриализации являются характерной особенностью развития сельского хозяйства в СССР, ибо последнее располагает рядом таких преимуществ, которых лишена капиталистическая система с. х. Сюда должны быть у нас отнесены: а) преимущества, связанные с уничтожением частной собственности на землю, б) преимущества, связанные с ростом коллективизации и крупных советских хозяйств и в) преимущества, связанные с плановостью хозяйства и плановой организацией производства. При чем все эти преимущества покоятся на невиданных темпах роста промышленности и в особенности тяжелой, которые обеспечивают советскому с. х. необходи-

мую техническую помощь и возможность снабжения тракторами, машинами, удобрениями и т. д. Внешним же выражением всех этих преимуществ являются сокращающиеся издержки производства, которых добивается и может добиться в исключительно больших размерах только СССР с его социалистической системой с. х., как никакая другая страна в мире.

Хотя нет еще достаточно точных расчетов народнохозяйственного эффекта от уничтожения частной собственности на землю и связанного с этим сокращения платежей по ренте и аренде, но по ряду косвенных показателей можно считать, что отсутствие земельной ренты сокращает издержки производства в СССР по меньшей мере на 20 — 25%. Если сопоставить издержки производства в САСШ, в Канаде и в СССР (только в коллективных хозяйствах), то получается, что рента в САСШ составляет в отношении других издержек производства на 1 гектар пшеницы около 30%, в Канаде — около 15%, а в СССР, разумеется, 0. Из этих весьма условных и весьма приближенных данных все же с достаточной убедительностю явствует, что рента в царской России, по меньшей мере, составляла около 25% издержек производства, в особенности если учесть большую земельную тесноту и высокие арендные ставки, ныне совершенно уничтоженные в СССР.

Преимущества, связанные с уничтожением частной собственности на землю, однако, не исчерпываются только фактом уничтожения ренты, но выражаются также и в том, что земля перестала быть предметом купли и продажи и, следовательно, процент затрачиваемых на покупку земли капиталов не фигурирует в издержках производства советского с. х. Точно так же совершенно исчезла прибыль арендатора из себестоимости продукции, поскольку аренда как социально-экономический фактор в СССР не существует.

Не менее важное значение имеет также рост советских и коллективных хозяйств. Удельный вес советских и коллективных хозяйств в зерновом производстве 1931 года составит около 50%. Это способствует: а) огромному сокращению непроизводительных издержек производства, поскольку это связано с уничтожением межей, чересполосицы и разбросанности земель, б) создает колоссальные возможности эффективного использования техники, рационализации труда и использования рабочей силы в условиях гигантских по размерам и мощности коллективных и советских хозяйств и в) впервые делает доступным использование достижений агрономии и передовой техники в широких масштабах и на огромных пространствах.

Дело в том, что современная техника: электрификация, механизация (трактор, комбайн), машинизация, полевой транспорт и др. по самой своей сущности **несовместимы с мелким производством и частной собственностью на землю**. В САСШ, в стране с самым механизированным сельским хозяйством среди других капиталистических стран мира, трактор в среднем используется лишь 25 дней в году и пользуются им не более 1/8 всех фермерских хозяйств, в то время как для сплошной механической обработки всей современной площади в САСШ вполне достаточно наличного количества тракторов.

То же самое имеет место и в отношении использования тракторов и комбайна вообще. Минимум пахотной площади, необходимой для экономического использования самого мелкого трактора (по данным проф. Студенского) исчисляется в Америке в 50—75 га, что вместе с пастбищами и лугами составляет около 150—250 га всей земли. Между тем, в среднем на одну ферму приходится всей земли в САСШ около 60 га, а в Канаде — около 80 га, т.-е. в 2—3 раза меньше.

Что касается комбайна, то экономически более выгодным является использование комбайнов с максимальной широтой охвата. 16—20-футовый комбайн может быть наиболее эффективно использован лишь в фермах с

размером площади всей земли от 1.200 до 2.000 га, между тем, как средняя площадь всей земли на ферму в районах САСШ, где особенно распространены комбайны, составляла в штатах: Канзас (1927 г.—12.782 комбайна)—106 га, Вашингтон (3.100 комбайна)—70 га, Небраска—(3.000 комбайнов)—132 га и т. д. Таким образом, для более эффективного использования комбайна в САСШ надо иметь площадь в 10 раз большую по сравнению с современной типичной фермой.

Нечего и говорить, что в Германии, где 75% всех хозяйств владеет лишь 17,6% всей годной земли и где около 3 млн. хозяйств владеет участками ниже 5 га, на которых вообще немыслимо никакое самостоятельное ведение хозяйства, что там поставлены самые узкие пределы для возможного распространения тракторов и комбайнов. Вот почему во всей Германии до самого последнего времени насчитывалось не больше 17.000 тракторов в сельском хозяйстве [1]).

Что касается вопроса об использовании электричества в с. х., то — за исключением ограниченного его применения для целей переработки молочных продуктов, для огородничества и домашних услуг — оно вообще не доступно капиталистическому сельскому хозяйству в широких размерах полевого производства, в виду наличия таких препятствий, как частная собственность на землю, мелкое производство и т. д.

В СССР уже в 1930 г. нагрузка трактора в 3 — 4 раза превышала нагрузку трактора в САСШ, а комбайн — и того больше. Теперь в СССР ставятся широкие опыты по применению электричества в земледелии в широких размерах (электропахота) по использованию более мощных (Бобриковский комбинат) тракторов, по увеличению широты охвата комбайнов и т. д., что, несомненно, уже на данной, даже первоначальной еще стадии развития способствует значительному сокращению издержек производства.

На 1931 г. намечено к увеличению машинно-тракторных станций от 300 до 1.400, к введению в с. х. новых тракторов мощностью в 1.300.000 лошадиных сил, новых машин на 750 млн. рублей и минеральных удобрений около 2.500 тыс. тонн. Нечего и говорить, что гигантские масштабы производства в совхозах и колхозах СССР впервые в истории человечества открывают огромные перспективы для подлинной рационализации производства, для использования достижений науки в земледелии, для поднятия производительной силы труда в с. х. до таких размеров, о которых капитализм **никогда** и мечтать не смел. Достаточно, например, привести, что в 1913 г. намечено поднятие 8 млн. га новой земли под хлеба и что для этой цели будет брошено туда тракторов мощностью в 2 млн. лошадиных сил. Это даст возможность совхозам и колхозам через каких нибудь 2 — 3 года производить хлеб по таким низким ценам (т.-е. таким огромным сокращением издержек производства), с которыми не в состоянии будет сравниться ни одна страна и ни одно хозяйство капиталистического мира.

Кроме того, существование коллективных и советских хозяйств позволяет легче наладить производство определенного стандарта продукции, применять селекцию и отбор в самых широких размерах, выращивать ряд новых культур, и это обеспечивает СССР не только количественное превосходство, но и качественное.

Огромную роль в деле сокращения издержек производства и усиления преимуществ СССР играет непрерывное укрепление плана в с. х. До недавнего времени, пока в с. х. еще господствовала стихия мелкотоварного

---

[1]) Нам уже на данной ступени приходится часто учиться у САСШ и Германии не только их опыту в использовании тех или иных технических усовершенствований в с. х., но главным образом, применению тех научных технических достижений которые по причинам существования капитализма там вообще не могут быть использованы как, напр., электропахота, автоплуг и др.

производства, плановое начало лишь частично охватывало с. х. СССР. Но ныне, по мере роста удельного веса коллективных и советских хозяйств в общем с. х. производстве страны, план начинает так же полно и всесторонне охватывать с. х., как и промышленность. Это облегчает провести грандиозный план специализации производства по районам и культурам, добиться самого эффективного и оптимального размещения с.-х. культур. План в с. х. также облегчает организованно проводить заготовку, уничтожить все ненужные звенья заготовительного аппарата, которые в виде различных торговых и комиссионных агентов в капиталистических странах на 1/3 «слизывают» доход фермера и крестьянина. Плановость производства и заготовок сопровождается также плановостью экспорта, что делает возможным заблаговременное выделение определенных районов для производства экспортной продукции и сокращение транспортных издержек в виду возможного планового размещения экспортных районов ближе к портам для вывоза за границу. Даже на данной ступени СССР может вывозить свой хлеб с меньшими транспортными издержками, чем САСШ и Аргентина.

Все перечисленные преимущества социалистической системы с. х. показывают, что они не временного порядка, а длительного, и что по мере роста коллективизации, улучшения техники, внедрения планового начала в сельское хозяйство — будут возрастать еще больше и даже еще более ускоренными темпами.

V.

Сельское хозяйство СССР на социалистических путях развертывается в условиях капиталистического окружения и при обострении вражды капиталистических стран к СССР. Поскольку СССР вынужден поддерживать внешне-торговые связи с капиталистическими странами, поскольку СССР для выполнения намеченной программы социалистической индустриализации страны (пятилетка в четыре года) должен еще импортировать часть машинного оборудования из других стран и оплачивать этот ввоз своим экспортом, значительная часть которого состоит из с.-х. продуктов, — кампания против советского экспорта приобретает особенно важное значение.

Из сказанного выше ясно, что аграрный кризис вполне закономерно и неизбежно должен был разразиться в послевоенном с. х. и что он никакими мерами не мог быть предотвращен, как и сейчас не может быть преодолен. С другой стороны, также ясно, что с. х. в СССР должно неизбежно (и так же закономерно) развиваться и расти. Чем больше будет развиваться социалистическая система с. х., тем резче и отчетливее должны будут выступить преимущества сельского хозяйства СССР против капиталистического.

Успехи социалистического строительства в СССР будут поэтому иметь (и не могут не иметь) своим результатом как усиление впечатления и влияния на умы крестьянства капиталистических стран, где господствует аграрный кризис, так и обострение противоречий между СССР и капиталистическими странами по линии с.-х. производства. В этом факте, как в фокусе, отражаются все те антагонизмы, которые развертываются в мировом хозяйстве в целом, как результат непримиримой борьбы двух систем. Противоречия будут неизбежно возрастать и в дальнейшем, покуда не закончатся победой более передовой и прогрессивной системы — социалистической.

На фоне углубляющегося аграрного кризиса, роста запасов, падения цен и бессилия капиталистов преодолеть или приостановить действие стихийных сил капитализма, прорвавшихся теперь с особенной резкостью, — рост с. х. в СССР не может не вызвать бешеной злобы со стороны врагов советской власти. Вот чем об'ясняется новый взрыв бешенства, выразившийся в организации похода против советского экспорта («демпинговая кампания»), и в частности — против с.-х. экспорта. Совершенно очевидно, что дальнейшее заострение борьбы против нашего с.-х. экспорта не только не исключено, но несомненно будет иметь место также в будущем. И если даже нычешняя кампания против советского с.-х. экспорта будет разоблачена перед широкими массами, если даже она будет прекращена в виду ее явной несостоятельности и беспочвенности, общая борьба против советского экспорта не может совсем прекратиться и будет вестись: открыто или скрыто, нагло или завуалировано, в отдельных странах или в группе стран, но будет безусловно вестись упорно, непрерывно и систематически до тех пор, пока будет иметь место сосуществование двух враждебных друг другу систем.

В этом отношении чрезвычайно симптоматичными являются современные методы борьбы против советской системы вообще и в особенности против советского с.-х. экспорта. Во-первых, имеет место прямое государственное вмешательство, которое в последние годы стало обычным явлением на капиталистических рынках и это в особенности теперь используется против СССР. Недавние мероприятия французского правительства против советского с.-х. импорта, об'езд министром торговли Франции — Фланденом всех вассальных юго-восточных государств Европы для сколачивания экономического блока против СССР, мероприятия, принятые против советского с.-х. импорта в Венгрии, Румынии и Бельгии — свидетельствуют о том, что мировой империализм намерен бороться против советского экспорта не методами рыночной конкуренции, а более острыми: экономической блокадой, дипломатическим давлением и даже войной. Наши контрмероприятия подействовали отрезвляюще на многие страны, и пока авантюристские мероприятия запретительного характера в отношении советского экспорта локализованы в перечисленных странах. Италия, Голландия, Англия и многие другие страны не пошли по пути Франции, что обрекает на неизбежный провал французскую кампанию борьбы против советского экспорта, если не считать закулисной возни, которая имеет целью сколотить военный блок для интервенции в СССР.

Другим оружием борьбы против советского экспорта, в значительной части также не экономического характера, является организация различных союзов, конвенций и соглашений против советского экспорта, как например, Варшавская, Бухарестская и другие аграрные конференции. На данной ступени участникам этих конференций не удалось провести свои мероприятия через Лигу Наций (предложения Варшавской конференции о предпочтении были провалены в экономической комиссии Лиги Наций). Кроме того, не может существовать также полного единства и в рядах самих участников этих аграрных конференций, что об'ясняется внутренней борьбой за экспорт. Можно не сомневаться, что если бы за их спиной не стоял бронированный кулак французского империализма, то этот искусственный «аграрный блок» давно распался бы. К тому же все участники этого блока представляют собою технически отсталые аграрные страны, которые в процессе развертывания аграрного кризиса будут раздавлены более сильными конкурентами мирового с.-х. экспорта, как САСШ, Канада и другие страны.

Третьей формой борьбы является аграрный протекционизм во всех капиталистических странах. Почти во всех странах Европы аграрные пошлины подняты в очень значительных размерах, при чем острие их всегда направлено против СССР. В Великобритании, где официально не существует аграрного протекционизма, рабочим правительством была сделана попытка к контингентированию ввоза пшеницы из Канады и Аргентины. Если это пока сорвалось, то только потому, что ни Канада, ни Аргентина не могут согласиться на значительный импорт промышленных изделий из Англии. В ближайшем году трудно ожидать какого-либо смягчения в аграрном протекционизме, тем более, что, раз вставши на этот путь, капиталистические

страны силой об'ективных обстоятельств вынуждены автоматически его усиливать. Мы видим, таким образом, какими сложнейшими мероприятиями капитализм борется против советского хозяйства.

Несмотря, однако, на все ухищрения капиталистических стран воспрепятствовать нашему экспорту и тем самым задержать наше хозяйственное строительство — это им не удастся. Империалисты, чрезвычайно обеспокоенные усилением аграрного кризиса, нарастанием недовольства крестьянских масс и ростом революционных настроений среди трудящихся, пытаются свалить ответственность за аграрный кризис на СССР. Путем обмана и ложной информации они стараются натравить недовольные мелкобуржуазные элементы города и деревни, тяжело страдающие от современного кризиса, на Страну советов и подготовить общественное мнение к организации экономической блокады (а в перспективе и интервенции) против нас.

Но двойная игра империалистов против СССР не сможет долго удержаться. Трудящееся крестьянство очень скоро разберется в действительных причинах кризиса и легко поймет, что причиной кризиса является не экспорт из СССР, а противоречия системы капитализма. Полное банкротство всех капиталистических мероприятий по борьбе с аграрным кризисом воочию убеждает трудовое крестьянство, что СССР не только не виновен в современном аграрном кризисе, но что лишь советская власть — единственная в мире власть, способная разрешить «аграрный вопрос» и освободить с.-х. производство из под железной пяты финансового капитала.

Не удастся империалистам также скрыть от трудящихся всего мира преимущества социалистической системы в с. х. СССР. По мере роста нашего с. х. факты сами за себя будут убеждать, и никому этого не удастся замолчать. Трудящийся-потребитель наглядно убедится, что только социалистическая система с. х., которая ныне развертывается в СССР, благодаря своим преимуществам способна дать более дешевый продукт, чем любая капиталистическая страна в мире. Рабочие поймут, почему капитализм, который обрекает их на безработицу, нищету и голод, только из-за классовых побуждений лишает их возможности получать более дешевый хлеб из Страны советов и путем искусственных мер заставляет их переплачивать на продуктах потребления, чтобы обеспечить высокие доходы кулакам и аграриям.

Мировой аграрный кризис вовлекает в борьбу с капитализмом миллионы крестьянства капиталистических стран, он подымает на бой находящиеся под двойным гнетом массы крестьянства колоний и сплачивает массы города и деревни к совместным революционным выступлениям, благодаря переплетению экономического и аграрного кризисов. Нельзя непрерывно обманывать стомиллионные массы фальшивыми обвинениями и клеветой на СССР. На общем фоне мирового экономического и мирового аграрного кризисов достижения советского хозяйства выделяются еще резче, еще рельефнее. Непрерывный рост производства, высокий под'ем и успешная социалистическая реконструкция сельского хозяйства не могут не убедить мировое трудовое крестьянство в том, что его спасение только в борьбе против капитализма, в победе социализма.

И. Кузнецов.

Буржуазно-реставраторская сущность сухановщины.

Современный этап социалистического строительства есть этап развернутого социалистического наступления по всему фронту, этап выкорчевывания корней капитализма. Мы имеем решающие успехи в области развития социалистической промышленности, где вопрос «кто кого» уже решен. Мы имеем колоссальные успехи социалистического строительства в деревне, обеспечившие на основе сплошной коллективизации переход от политики ограничения кулака к политике ликвидации кулачества как класса.

Характеризуя современный этап, т. Сталин на XVI парт'с'езде указывал: «Ясно, что мы уже вступили в период социализма, ибо социалистический сектор держит теперь в руках все хозяйственные рычаги всего народного хозяйства, хотя до построения социалистического общества и уничтожения классовых различий еще далеко».

Эти решающие успехи социалистического строительства вызывают бешеное сопротивление классового врага как внутри нашей страны, так и на международной арене. Пуанкаре, Рамзин, Кондратьев, Чаянов, Суханов, Громан и прочие враги социализма представляют собой об'единение сил мировой контрреволюции с контрреволюцией внутри нашей страны, представляют собой попытки об'единения мирового банкира-нефтяника, свергнутых помещиков и капиталистов с кулачеством и его контрреволюционными идеологами—Кондратьевым, Чаяновым, Сухановым и др. Показательно следующее утверждение Рамзина и пр. участников ЦК «Промпартии» о том, что они «получить массы рассчитывали от группы Кондратьева—Чаянова, что и было аргументом за тесный блок с ними».

Ясно, что этой массой должно было быть контрреволюционное кулачество, бешено сопротивляющееся успехам социализма.

Одновременное выступление международной и внутренней контрреволюции, установление ими контакта — вещь абсолютно неслучайная, ибо успехи социалистического строительства не только выкорчевывают корни капитализма внутри нашей страны, но и наносят решительные удары по мировой буржуазии, расшатывают капитализм, ускоряя его гибель.

Сухановщина есть прямая, неразрывная часть этой контрреволюции, стремящаяся к реставрации капитализма. Суханов, Кондратьев, Чаянов—это кулацкие идеологи, контрреволюционные поборники кулака и капитализма. **Они пользуются лишь различной фразеологией для одной и той же цели — борьбы открытой и скрытой за капиталистическую реставрацию.**

Ленин о Суханове.

Суханов в своем прошлом довольно «известная» фигура. В начале народник, затем меньшевик — Суханов представлял особую разновидность ревизионизма и оппортунизма. Для него характерно в области теории, как

указывал Ленин, — «помесь народничества с марксизмом» — эклектизм. Свой эклектизм Суханов возводит в особую «теорию», долженствующую поставить его над марксизмом и народничеством. Так, в свое время он писал следующее:

> «Старые группировки во всяком случае уже ликвидированы. Уже нельзя установить, где кончается марксизм и начинается народничество. И на той и на другой стороне... и народничество и марксизм... Да и могло ли и может ли быть иначе? Может ли в XX в. каждый коллективист не мыслить по-марксистски? И может ли каждый социалист в России не быть народником?».

Едва ли надо говорить о том, что сухановская «помесь» марксизма и народничества — противоестественна. Едва ли следует говорить о том, что только марксизм, — но марксизм не сухановский, а ортодоксальный, является *единственно* революционной теорией и никакого разжижения и разбавления народничеством он никогда не требовал и не требует. Своему эклектическому существу Суханов не думал изменять также и в период социалистической революции. Переиздавая в 1924 году свою книгу «К вопросу об эволюции сельского хозяйства», Суханов твердил открыто, что

> «Взгляды автора по вопросам, трактуемым в книге, не претерпели решительно никаких изменений. Основные тезисы книги,—говорит он,—попрежнему направлены, с одной стороны, против (?!) ревизионистско-народнических заблуждений, а с другой—против априорных схем и шаблонов, культивируемых марксистскими писателями—будто бы в славу марксизма и пролетарского движения» [1]).

Что касается утверждения, будто бы Суханов против ревизионистско-народнических взглядов, то это есть не что иное как пыль, пускаемая в глаза. Нельзя быть против ревизионизма и народничества, когда представляешь собой «помесь» марксизма с народничеством. Верно здесь лишь одно, а именно, что Суханов был и оставался противником революционного марксизма. Он хотел выдать за подлинный марксизм свою противоестественную смесь народничества с марксистской фразеологией.

Основным пунктом, где проявилась сухановская «помесь» народничества и марксизма, является утверждение Суханова о некапиталистической эволюции сельского хозяйства. Это утверждение будет в свое время разобрано. Здесь же укажем на то, что В. И. Ленин давно-предавно вскрыл буржуазно-демократическое существо Суханова и его теории некапиталистической эволюции России.

> «Гиммер [2]), — писал Ленин, — не первый встречный, не случайный автор случайной журнальной статейки, а один из самых видных экономистов, представляющих наиболее демократическое, крайне-левое *буржуазное* направление русской и европейской общественной мысли...
>
> ...Это не его личные взгляды, не его индивидуальные ошибки, а лишь особенно демократизированное, *особенно подкрашенное якобы социалистической фразеологией* [3]) *выражение общебуржуазных взглядов*, к которым легче всего приходит в обстановке капиталистического общества и казенный профессор, идущий по проторенной дорожке, и мелкий земледелец, выделяющийся своею сознательностью из миллионов себе подобных.
>
> Теория некапиталистической эволюции земледелия в капиталистическом обществе, защищаемая гр. Гиммером, есть в сущности *теория громадного большинства буржуазных профессоров, буржуазных демократов и оппортунистов* в рабочем движении всего мира, т.-е. новейшей разновидности тех же буржуазных демократов» [4]).

---

[1]) «К вопросу о сельскохозяйственной эволюции России», изд. Наркомзема «Нов. Деревня», М. 1923 г., стр. IX.

[2]) Гиммер — настоящая фамилия Суханова.

[3]) Подчеркнуто нами. — И. К.

[4]) *Ленин*, т. XVII, стр. 576, 2 изд.

Как видим из оценки Ленина, Суханов в своем прошлом — буржуазный демократ, идеолог ревизионизма и оппортунизма. Оценка Лениным роли Суханова и его идеологии дана здесь с исчерпывающей полнотой.

Суханов в период социалистического строительства остается тем же буржуазным демократом, сторонником капитализма. В. И. Ленин, возвращаясь к Суханову в 1923 г., писал в статье «О нашей революции», «О мелкобуржуазных демократах» типа Суханова и, в первую голову, о нем, что

> «во всем своем поведении они обнаруживают себя, как трусливые реформисты, *боящиеся отступить от буржуазии, а тем более порвать с ней*, и в то же время прикрывают свою трусливость самым бесшабашным фразерством и хвастовством» [1]).

Эти строки Ленина находят сейчас особенно яркое подтверждение своей правильности в факте разоблачения сухановщины, как контрреволюционной организации, связанной с Кондратьевым и др. Не только сам по себе факт контрреволюционности, но также и переход Суханова вместе с буржуазными демократами народнического направления (Кондратьев, Чаянов и пр.) к контрреволюционно-вредительским действиям *именно* в период успехов социалистического строительства, показывает абсолютное оправдание указаний Ленина о том, что буржуазные демократы типа Суханова оказались не в состоянии порвать с буржуазией, с кулачеством. Вне всякого сомнения, что Суханов и «все иже с ним» ни на одну минуту не порывали со своей буржуазной демократической идеологией, и они, несмотря на всю свою фразеологию, были сторонниками капитализма.

Проблема дифференциации деревни или сухановская защита интересов кулака в прошлом.

Осуществление социалистического наступления не происходит тихо, мирно, без сопротивления врага, без обострения классовой борьбы. Наоборот. Как уже указывалось выше, успешное наступление социализма сопровождается ожесточенной классовой борьбой. Сходящие с исторической сцены классы (кулачество) оказывают бешеное сопротивление в самой разнообразной форме: от поджогов отдельных колхозов и совхозов, от убийства отдельных коммунистов и колхозников до создания контрреволюционно-вредительских групп и партий, до охвата вредительскими группами и промышленности, и сельского хозяйства. Развертывая социалистическое наступление, надо твердо и отчетливо видеть, что оно невозможно без мобилизации всех сил против классового врага, против капиталистических элементов, ожесточенно сопротивляющихся социализму.

> «Существо большевистского наступления, — указывает тов. Сталин в докладе на XVI партсъезде, — состоит прежде всего в том, чтобы мобилизовать классовую бдительность и революционную активность масс против капиталистических элементов страны».

Отсюда все, что способствует мобилизации сил против классового врага, служит целям социализма, и все, что демобилизует эти силы, служит орудием капитализма, орудием реставраторов и сторонников капитализма. Суханов это прекрасно понимает и в своей «тонкой» защите капитализма, прежде всего, направляет усилия на ослабление классовой бдительности пролетариата.

Это выражается, прежде всего, в том, что сухановская постановка вопросов эволюции сельского хозяйства стремится во что бы то ни стало скрыть кулачество, снять проблему классовой борьбы в деревне. Совершенно очевидно, и это не требует доказательств, что, пытаясь снять классовую борьбу в деревне, Суханов целиком и полностью (как это мы увидим

---

[1]) *Ленин*, т. XVIII, ч. 2, стр. 118.

позже) служит интересам кулацко-капиталистических слоев. В этом смысле между сухановщиной и правыми уклонистами происходит стык не только в области требований политического порядка (темпы индустрии, ставка на индивидуальное хозяйство и проч.), но и в области теории, ибо правые своей теорией мирного врастания кулака в социализм также снимают классовую борьбу, развертывающуюся в нашей деревне.

Но если правые в своей оппортунистической теории мирного врастания кулака в социализм рассматривают кулака—классового врага—как мирную овцу, то Суханов с помощью механистической теории своего издания вообще стремится доказать, что в деревне нет и не может быть капиталистической верхушки, а только так называемое «трудовое» крестьянство, скрывая под флагом «трудового» эксплоататорское, кулацкое хозяйство.

Разберем существо сухановской постановки вопроса сначала на взглядах, развиваемых им по отношению эволюции земледелия при капитализме.

Мы уже говорили, что в области развития земледелия при капитализме Суханов доказывает его некапиталистическую эволюцию.

Этот квази-марксист писал следующее:

«Крупно-капиталистическое сельское хозяйство разрушается и теряет свои позиции с той же неуклонностью и правильностью с какой отвоевывает их индустриальный капитализм. В земледельческом производстве страны все более расширяет поле своего господства мелкое трудовое хозяйство, вытесняя крупное. Процесс этот медленный, но это не меняет дела. Для нас важно считаться с тем фактом, что *не происходит обратного процесса* и что «мужик» остается незыблемым в буржуазном строе» [1].

Это утверждение характерно для всех мелкобуржуазных идеологов народнического толка. Истинный смысл таких теорий, которые все крестьянство подводят под один ранг «трудового» давно был разоблачен Лениным. Ленин писал, что

«все, кто воспевает успехи «трудового» земледелия при капитализме... суть буржуа, обманывающие рабочих! Обман состоит, во-первых в прикрашивании буржуазии. Эксплоататор наемного труда называется «трудовым» хозяином. Обман состоит, во-вторых, в затушевывании пропасти между громадной массой пролетарских и ничтожным меньшинством капиталистических хозяйств» [2].

Но, изображая все крестьянство «трудовым», Суханов все же не мог полностью отрицать в среде крестьянства известного расслоения. Однако для него это расслоение не носило социального характера, не являлось показателем распада крестьянства на противоположные полюсы, а было простым имущественным неравенством.

«Прежде всего,—писал он,—перед нами с полной очевидностью обнаруживается тот факт, что наше крестьянское хозяйство не представляет из себя количественно однородной массы. Вывод этот совершенно не нов и указанный факт есть в полном смысле слова факт общепризнанный констатированный, как это мы видели исследователями различных и противоположных направлений; массы приведенных цифр только лишний раз подтверждают вполне установленную *количественную* неоднородность крестьянского хозяйства» [3].

Итак, для Суханова в период капитализма (а позже увидим, что и в период социализма) расслоение деревни есть факт простого имущественного неравенства, за которым не стоят различные социальные группы. Для него в деревне при капитализме — *нет кулака-эксплоататора*, нет эксплоатируемой бедноты, батрачества.

[1]) Суханов, «Очерки с.-х. экономии», стр. 214.
[2]) Ленин, т. XII, ч. 2, стр. 238.
[3]) Суханов, «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 335.

Для него в прошлом нашей деревни не существовало классовой дифференциации.

Но так ли это было на самом деле? Бесспорно нет. Деревня была расслоена, распадалась на противоположные группы. Одна пятая часть деревни, как доказал это Ленин в своей книге «Развитие капитализма в России», прибрала к своим рукам преобладающую часть земли, скота, инвентаря и пр. Она хозяйничала в деревне, эксплоатируя всю остальную бедняцкую и середняцкую часть деревни. Двойной гнет помещика-крепостника и кулака лежал на плечах бедноты и середняка, сдавливая последних со всех сторон.

До каких «геркулесовых столбов» доходил Суханов в своем стремлении подвести все расслоение деревни лишь под один факт имущественного расслоения ярко свидетельствуют следующие его утверждения.

«Пусть на ряду с карликовыми посевами мы наблюдаем большое количество дворов с 54 и более десятин посева, на ряду с однолошадными и безлошадными хозяевами и 20 и более рабочими лошадьми; пусть эта имущественная количественная дифференциация идет насколько ей угодно дальше, пусть она прогрессирует—это не перейдет в качественную, она не нарушает цельности земледельческого крестьянства как класса, если зажиточные хозяева остаются трудовыми хозяевами, если они не эксплоатируют наемного труда» [1])

Но это еще цветики, а ягодки, как говорят, впереди, ибо страницей ниже «марксист» Суханов повествует вещи еще более разительные, лишь бы доказать, что капиталистической верхушки нет в деревне и ее, вообще говоря, быть не может.

«Пусть,—писал он,—деревенские богатеи, сельские хозяева окончательно задавят бедноту. Пусть сконцентрируют в своих руках всю землю и все земледельческое производство, обратив бедноту в пролетариат и изгнав целиком из деревни; это означало бы победу более приспособленных и более совершенных крупных хозяйств над захудалыми хозяйствами маломощных пауперов; но земледельческого капитализма здесь нет и быть не может, (?!)—если (?!) существующие крупные хозяйства не эксплоатируют наемного труда. Такая количественная дифференциация земледельческого крестьянства, та количественная неоднородность крестьянских земледельческих хозяйств и даже (допустим не существующее) (?!) *процесс* роста одной дифференциации сами по себе нисколько не предрешают вопроса о земледельческом капитализме».

Здесь кулацкое, капиталистическое лицо Суханова сквозит уже более открыто. Он прямо за эксплоатацию кулаком бедноты, батрака, середняка, он допускает разорение бедноты, «изгнав ее целиком из деревни». Но, отдавая бедноту и середняка власти кулака — он никак не желает признать это за капиталистическую эксплоатацию. Почему? Потому, что это означало бы признание классов и классовой борьбы в деревне. Это означало бы признать на последующих этапах развития социалистическую революцию, направленную против эксплоататоров, в том числе и кулака. Ну а это уже никак не по нутру «буржуа, обманывающему рабочих», идеологу капитализма, скрывавшему свою суть под мелкобуржуазной фразой. Однако прикрытие это есть не больше и не меньше, как фиговый листок.

На чем стремится играть здесь сверхортодоксальный «марксист»—Суханов? Единственно на голом и абстрактном утверждении о том, что в крупных хозяйствах нет наемного труда. Это простая болтовня, голое извращение фактов. Разве возможно без наемного труда вести хозяйство при 20 лошадях и 100 десятинах? Разве не нелепо было бы утверждать, что крупные кулацкие хозяйства окончательно задавливают бедняцкие—однако, они, по Суханову, являются просто напросто «трудовыми». Это было бы просто нелепостью, если бы здесь в наиболее тонкой, «марксизированной» форме не была выражена идеология буржуа, обманывающего рабочих зату-

[1]) Ник. Суханов, «К вопросу об эволюции с. х.» стр. 140.

шевыванием классовых противоречий. Об этом, прежде всего, заботится каждый буржуазный демократ и к этому стремился Суханов. Достигается это отрицанием классового расслоения в деревне, сведением всего процесса расслоения крестьянства к одному имущественному неравенству.

Ленин давно разоблачил в борьбе с народничеством эту попытку, указывая, что

> «большинство авторов (речь идет о народниках.—И. К.), касавшихся данного вопроса, смотрит на разложение крестьянства, как на простое возникновение имущественных неравенств, как на простую «дифференциацию», но это, как указывает Ленин дальше, абсолютно ложно, ибо «возникновение имущественного неравенства есть исходный пункт всего процесса» [1]).

Методологически теория имущественного неравенства характерна именно своей механистичностью. Она исключает скачки, переходы количества в качество. Политически она служила целям капиталистической верхушки деревни, ибо снимает вопрос о классовых антагонизмах в деревне.

Но Суханов не ограничивается только теорией имущественного неравенства. Это для него ненадежно, ибо ведь можно встретиться с фактом применения наемного труда и на основе только одного показателя (если он хорошо выявлен, а не скрыт) найти капиталистическую верхушку в среде крестьянства, — и тогда уже нельзя будет болтать о некапиталистической эволюции земледелия.

Поэтому и к этому наиболее прямому показателю капитализма в земледелии Суханов спешит внести поправки, заранее сводящие капитализм в сельском хозяйстве на-нет. Здесь тенью, за которой Суханов хочет скрыть капиталистическую верхушку, — об'явить эксплоататора «трудовым» земледельцем, — являются «промыслы». Оказывается, для Суханова достаточно одного факта «соединения земледелия с промыслами», чтобы об'явить любое хозяйство некапиталистическим. Вот образчик его «теоретических» построений:

> «Как бы то ни было экономически сильно и обширно... такое смешанное хозяйство, в какой бы степени ни носило оно вообще торговый характер, будучи организовано в своей земледельческой части на основе наемного труда,— мы не можем смотреть на такое хозяйство, как на проявление капитализма в земледелии, до тех пор, пока не будет выяснено, что именно в земледелии лежит центр экономии всего предприятия» [2]).

И, дальше поясняет:

> «Лавочник, например, торгующий между прочим хлебом, если он имеет землю и пр., может выгодно вести земледельческое хозяйство при помощи батраков и выносить свой хлеб на рынок; но обязаны ли мы смотреть на этого лавочника как на представителя производственного сельскохозяйственного капитала. Ведь прибыль он сможет получить в качестве представителя торгового капитала, а собственное земледелие может быть для него только суррогатом» (стр. 153).

За этим утверждением кроется буржуазная идеология Суханова, отрицающая ради своих классовых интересов действительное положение вещей. Ведь общеизвестно, что, почти как правило, в российской деревне соединялась у кулака торговля, сел.-хоз. предприятие (мельница и пр.) с обработкой земли. По Суханову, мы такого кулака-эксплоататора не «смеем» числить в рядах кулачества — в рядах представителей капиталистической верхушки деревни.

[1]) Ленин, т. III, стр. 130.

[2]) Суханов, «К вопросу об эволюц. с. х.», стр. 151 (подчеркнуто нами.—И. К.).

Таким образом, мы видим, что еще в прошлом Суханов всячески стремился изобразить эксплоататора в качестве «трудового» земледельца, изыскивая для этого все пути и способы, чтобы извратить марксизм, и пр.

Но и этих «методологических» установок, этих извращений действительности также оказалось Суханову мало для того, чтобы обосновать некапиталистическую эволюцию деревни, скрыть классовое расслоение ее в прошлом. Выдвигается еще один пункт теории, а именно критика утверждений Ленина насчет того, что пролетаризация крестьянства есть показатель расслоения.

> По Суханову, «это говорит об эволюции—если угодно—разложении «старого крестьянства», крестьянского сословия как земледельческого класса, но это ровно ничего не говорит о том, какая эволюция совершается в земледельческом производстве» (стр. 133).

Словом, вопрос о том, откуда и почему происходила пролетаризация—это не касается Суханова, и это не случайно. Признав пролетаризацию, как показатель расслоения, Суханову надо было бы признать также и наличие капиталистической верхушки и пр.—признать, что тот, кого он изображает «трудовым» земледельцем, есть эксплоататор. Такое признание не по силам буржуазному демократу народнического толка, ибо хотя он всецело за капитализм, за кулака, за эксплоатацию, но пытается эту эксплоатацию прикрыть словесной оболочкой.

Подводя итог разобранным выше установкам Суханова в анализе проблемы дифференциации при капитализме, мы должны указать:

1) Что, несмотря на марксистскую фразеологию, методология Суханова по своей сути была глубоко антимарксистской, не содержала в себе ни грана марксизма.

2) Сухановская манера защиты капитализма, прикрытия кулака, основана на механистических взглядах на процесс эволюции деревни, на том, что во главу угла кладется весьма скудоумное утверждение о том, что факт расслоения есть простое имущественное неравенство, исключающее переход количественных изменений в качественные. Существо этого дела сводилось к тому, чтобы под флагом «трудового» хозяйства скрыть кулацкое хозяйство, благословив и навсегда утвердив капиталистическую эксплоатацию деревни.

3) Сухановщина содержит массу старых народнических предрассудков, наиболее ярким из которых было изображение кулака только в качестве торгово-ростовщической фигуры, соединенного с полным «непониманием» того, что кулак одновременно, и чем дальше, тем больше, являлся капиталистическим производителем в земледелии.

Все это показывает классово-буржуазные позиции сухановщины в прошлом. Они сводились к тому, что этот контрреволюционный вредитель-реставратор капитализма, прикрываясь фразами о некапиталистической эволюции земледелия, фразой о «трудовом» хозяйстве, отдавал целиком и полностью миллионные массы бедноты и середняка в лапы кулачества, укрывая и благословляя капитализм в земледелии.

Обоснование Сухановым капиталистического пути развития в настоящем.

Существо сухановского маневра в период социалистического строительства заключалось в том, чтобы доказать, что будто бы у нас нет капиталистической верхушки деревни; попытаться вселить убеждение в том, что ее не только нет, но и вообще не может быть. Суханову и «иже с ним» это нужно, чтобы, прикрыв-

шись пустой фразой о «трудовом» земледелии, требовать свободы для развития кулака, вести борьбу против социалистического строительства в деревне, против ликвидации кулачества как класса, а в конечном счете, укрепив позиции капитализма в деревне, подготовить его полную реставрацию.

Именно исходя из такого маневра, Суханов в первую голову стремился посеять иллюзию о том, что у нас нет кулака.

Таким усыплением бдительности пролетириата пытался заниматься и Суханов, когда он стремился доказать во что бы то ни стало, что классового расслоения у нас в деревне нет, или если оно имело место, то в весьма малой степени, которая в счет не идет. Для доказательства этих своих положений Суханов переносит свою прежнюю методологию (целиком и полностью) на эпоху социалистического строительства.

Он лишь для видимости употребляет фразу о том, что социальная дифференциация связана с наймом рабочей силы, чтобы под прикрытием этой фразы «заверить» в невозможности кулачества в деревне, заявить, что нечего беспокоиться насчет роста сильного, крупного и мощного хозяйства, так как последние никогда не станут капиталистическими.

Так, при обсуждении проблемы дифференциации в Научно-исследовательском институте сел. хоз. (в 1927 г.) Суханов заявляет:

> «Совершенно необходимым признаком, — говорит он, — этой социальной дифференциации является отношение найма и продажи рабочей силы. Никогда сильный, крупный, мощный хозяин не станет капиталистом, никогда не перейдет в другой общественный класс, если он не выжимает прибавочной стоимости из наемного рабочего, не эксплоатирует чужого труда».

Здесь полностью повторена старая попытка изобразить кулака-эксплоататора в виде «трудового» крестьянина, якобы, не эксплоатирующего наемного труда.

Политически для нашей деревни, где кулачество под видом родственников и др. путями скрывало факт применения наемного труда, теория Суханова служила целям маневренного прикрытия капиталистической верхушки (что ярко выявляется как самым фактом его контрреволюционной борьбы за капитализм, так и дальнейшими разглагольствованиями Суханова на эту тему).

Характерно, помимо указанного, и то, что Суханов стремится снять как показатель кулацко-капиталистического лица хозяйства факт эксплоатации кулаком беднейшего и среднего крестьянства через сдачу на прокат инвентаря, ростовщичество, ссуды натурой и проч.

> «Классовые отношения на почве сдачи — найма инвентаря, — говорит Суханов, — если не возникли, то распространились на почве разрухи и гражданской войны, на почве всеобщего оскудения деревни. Достаточно деревне справиться и разбогатеть, достаточно мелким хозяйчикам, обладающим половиной средств производства, итти по своей естественной линии — превращения в мелкобуржуазное хозяйство — для того, чтобы эти отношения были изжиты.
>
> Если этого недостаточно, пойдем дальше. Достаточно всей стране поднять уровень производительных сил, достаточно нашему государству организовать правильное снабжение деревни с.-х. инвентарем для того, чтобы эта форма капиталистических отношений была ликвидирована и исчезла, как дым. Это — не опасная форма капитализма, изживаемая автоматически, ровно ничего не меняющая в экономической политике и не требующая никаких особых мер» [1]).

[1]) Журн. «Пути с. х.», стр. 140.

Как видим, классовый враг—контрреволюционный вредитель—Суханов всячески стремился доказать, что кулак вещь не опасная, ибо он сам себя изживает; нечего якобы вести борьбу с кулаком, надо только стремиться к развитию производительных сил. Не требуется много останавливаться на этом утверждении Суханова для того, чтобы вскрыть истинный смысл такого утверждения. Мы знаем, что все представители кулацкой контрреволюции (Кондратьев, Чаянов и др.) весьма усиленно говорили о развитии производительных сил. И это неслучайно.

Есть два пути развития производительных сил. Один путь капиталистический—путь под'ема производительных сил через индивидуальное кулацкое хозяйство. Кондратьевско-сухановская группа стремилась к этому пути развития производительных сил. Именно об этом пути развития производительных сил и говорит Суханов в приведенных выше словах.

Ясно, что такое развитие производительных сил ни капли не ослабляет, а, наоборот, укрепляет кулацко-капиталистический слой.

Характерным здесь является то, что для всей этой контрреволюционно-вредительской группы развитие производительных сил являлось псевдонимом развития капитализма.

Эта контрреволюционная группа ввела в области пропаганды капитализма известное разделение труда. Кондратьев мотивирует развитие производительных сил, т.-е. развитие капитализма, решением зерновых и пр. проблем. Суханов мотивирует свое развитие производительных сил, т.-е. развитие капитализма, более «благовидными» вещами—уничтожением кулачества.

Его ссылка на то, что помощь инвентарем и пр., оказываемая индивидуальному хозяйству, решает вопрос насчет уничтожения кулака—есть весьма слабо замаскированный прием.

Всякие сухановские разговоры о том, что «достаточно наладить снабжение деревни с.-х. инвентарем», как там автоматически исчезает кабала и эксплоатация,—есть пустая фраза, прикрывающая истинную суть дела, то-есть требование свободы для капиталистического развития.

Необходимо указать на сродство здесь теорий сухановщины и правых элементов внутри ВКП(б).

Правые элементы, являющиеся об'ективно агентурой кулачества в рядах партии, отразили на себе идеологическое давление сухановщины.

Правый оппортунист на практике в деревне, не видящий кулака, заявляющий, что кулачества у них нет, и в связи с этим свертывающий борьбу против кулака—выполняет социальный заказ сухановщины, которая прикрывает кулацко-капиталистические элементы, давая им свободу развития.

Утверждение правых о необходимости ставки на индивидуальное (сиречь кулацкое) хозяйство, их изображение кулака как фигуры, мирно врастающей в социализм, следовательно, не опасной, как это пытался доказать Суханов,—вскрывает всю классовую сущность правого оппортунизма, целиком и полностью подтверждает решения XVI парт'езда о том, что «линия правых ведет к капитуляции перед кулацко-капиталистическими элементами страны».

Единственным путем уничтожения кабалы и эксплоатации в деревне является социалистический путь развития. По этому пути ведет партия страну, разбивая контрреволюционные попытки кондратьевско-сухановской контрреволюции, ведя самую решительную борьбу с агентурой кулачества внутри партии — правыми. Партия дала самый решительный отпор всем теориям мирного врастания кулака в социализм, партия борется с правым оппортунизмом на практике, об'ективно скатывающимся к сухановщине; партия мобилизовала рабочий класс на развитие социалистического наступления.

Успешное строительство социалистических форм земледелия вызывает ожесточенную борьбу кулачества против социалистического строительства. Доказательств правильности понимания партией пути социалистической перестройки деревни не требуется, ибо сама контрреволюционная сухановщина есть один из наиболее ярких фактов, показателей того, как «мирно» врастает кулак и его контрреволюционные идеологи—типа Кондратьева, Чаянова, Суханова и пр.—в социализм.

Главный маневр сухановщины.

Мы показали, как Суханов маскировал элементы капитализма в деревне путем отрицания капиталистического характера эксплоатации кулаком бедноты и середняка через сдачу инвентаря, ростовщичество и прочее. Но этого мало для раскрытия сухановской защиты кулака и капиталистического пути развития. Суханов, после того, как «отвел» капиталистическую эксплоатацию кулаком через сдачу на прокат инвентаря и пр., пытался дальше замазать также и наличие в деревне капиталистической верхушки, применяющей наемный труд.

Его основная установка остается здесь прежней: он стремится отрицать классовую борьбу в деревне с помощью все той же теории «автоматизма», но уже в ином ее издании, с тем, чтобы развернуть под ее прикрытием требование свободы развития для кулака.

Здесь свою «теорию автоматизма»—о якобы происходящей «автоматической» ликвидации кулацко-капиталистической верхушки деревни, Суханов связывает с фактором развития индустрии, безразлично, капиталистической или социалистической.

Для разоблачения кулацко-капиталистической сущности этой теории нам сначала придется остановиться на применении ее Сухановым в отношении развития сельского хозяйства при капитализме, а затем уже — в эпоху социалистического строительства.

Мы знаем, что в условиях капитализма крестьянство распадается на противоположные полюсы, при чем особенно существенно подчеркнуть то, что чем шире и глубже развитие промышленного капитализма (а следовательно и вообще капиталистических отношений), тем больше и глубже расслоение крестьянства. Для Суханова дело обстоит наоборот. Суханов утверждал, что только на заре капитализма в деревне может быть капиталистическая верхушка.

> «Капиталистические отношения, — поучал Суханов, — свойственны земледелию, но именно в период зарождения капиталистических отношений вообще, именно на утренней заре капитализма; именно тогда, очевидно, были налицо условия, необходимые для организации земледелия на капиталистических основаниях, и именно тогда не было для этого непреодолимых препятствий» [1]).

В чем же Суханов увидел непреодолимое препятствие развитию капитализма в сельском хозяйстве в дооктябрьский период? Оказывается — в капиталистической промышленности, в росте «промыслов», как он выражается.

> «По мере развития промысловой деятельности производящего населения в какой-либо из местностей, значение в ней крупных земледельческих хозяйств и земледельческого капитализма понижается» [2]).

Для обоснования этого утверждения Суханов выставляет один единственный довод — то, что развитие «промыслов» (читай индустрии) отвлекает рабочую силу из деревни и делает невозможным там капитализм.

---

[1]) Суханов, «К вопросу об эволюции с. х.», стр. 371.
[2]) Суханов, «К вопросу о с.-х. эволюции России», стр. 345.

> «Как только для рабочего с развитием производительных сил и с ростом индустрии открывается малейшая возможность обратиться от батрачества и поденщины к другим занятиям, как только рабочий сумеет отыскать иные сферы приложения труда, так немедленно земледельческому капитализму наносится решительный удар и немедленно у него вырывается почва» [1]).

Причина гибели капитализма в земледелии выражается в том, что:

> «рабочих оказывается слишком мало и немедленно у него вырывается почва» [2]).

Нечего говорить, что эти утверждения абсолютно неверны, ибо: 1) при капитализме налицо громадная резервная армия труда, которая обслуживает собой не только промышленность и земледелие. 2) Давно известен особый тип сельскохозяйственного рабочего-батрака с наделом, который «привязан» к земле и тем самым является рабочей силой капиталистических предпринимателей в земледелии. 3) Процесс дифференциации и экспроприации крестьянства, происходящий при капитализме, выделяет все новые и новые слои, не могущие прожить вокруг собственного хозяйства, поставляющие кадры батрачества и промышленных рабочих.

Наконец, стоит обратиться к любой капиталистической стране, чтобы признать неверным положение Суханова, что капитализма в земледелии не было так, как нет сельскохозяйственных рабочих. Попытки же Суханова доказать свой вывод на основе конкретных данных различных районов абсолютно неверны, и останавливаться мы на них не будем, ибо они являются сплошным подтасовыванием данных земской статистики.

Нам неважно останавливаться подробнее на том, как развивал это свое утверждение Суханов по отношению к прошлым временам, ибо версия некапиталистической эволюции земледелия при капитализме давно разоблачена с исчерпывающей полнотой Лениным.

Нам важно посмотреть, как Суханов свои прошлые утверждения ставит на службу своей контрреволюционно-кулацкой сущности в период социалистического строительства. И здесь дело обстоит весьма просто. Стараясь прикрыть кулака под тем предлогом, что его не может быть, так как он сам собой уничтожается, он переходит к требованиям свободы развития капитализма в деревне—свободы применения наемного труда, арендных отношений и пр.,—заявляя прямо о том, что кулак должен стать «главой прогресса сельского хозяйства». Для обоснования существа своего маневра Суханов переносит свою схему прямой зависимости от развития индустрии судьбы капиталистических слоев деревни на период социалистического строительства. И здесь он обосновывает свою теорию «автоматизма» следующим образом:

> «... Степень экономической дифференциации, степень развития мощных экономических групп, как среди сельскохозяйственного капитализма сокращается по мере индустриализации и общего экономического развития района.
>
> Оказывается, — говорит он дальше, — что ... расположение губерний по степени количественной и качественной дифференциации образует почти правильный ряд и по возрастающему проценту промышленников, т.-е. по профессиональной дифференциации, т.-е. по индустриализации, т.-е. по степени его общеэкономической зрелости. Развитие кулацкого хозяйства оказывается не прямо, а обратно пропорционально ходу экономического развития» [3]).

На первый взгляд неискушенному в сухановских маневрах человеку может показаться, что здесь как-будто бы ничего такого особого нет! Ведь общеизвестно, что развитие социалистической индустрии есть необхо-

---

[1]) Суханов, «К вопросу о с.-х. эволюции России», стр. 379.
[2]) То же, стр. 378.
[3]) Суханов, «Пути развития с. х.» № 6—7 за 1927 г., стр. 145.

димейшее условие и важнейший рычаг социалистической перестройки деревни. Партия потому боролась и борется столь решительно против правых установок о снижении темпов индустрии, что эти установки ослабляют нашу социалистическую базу перестройки всего народного хозяйства по пути социализма.

Развивая тяжелую индустрию и в частности с.-х. машиностроение, мы создаем предпосылки социалистической перестройки деревни, мы революционизируем в техническом смысле нашу деревню, подводим техническую базу под колхозы и т. д. и забиваем осиновый кол в спину кулака.

Но все это будет верно лишь в том случае, если мы развитие индустрии соединяем с развертыванием коллективизации, проводим на базе сплошной коллективизации ликвидацию кулачества как класса. Только и только в этой связи можно вести речь о том, что индустриализация страны подрывает мощь кулацких слоев деревни.

Не то, совсем не то у Суханова. У него ни о какой коллективизации, а тем более ликвидации кулачества как класса, речь не идет и не может итти. Он хочет изобразить дело так: не надо заниматься коллективизацией, нечего беспокоиться о кулаке, бороться с ним, все само собой («автоматически») устроится, если развивается промышленность. Смысл всего этого дела в том, что Суханов подводит базу под свое требование свободы развития кулаку.

Подлинное кулацко-капиталистическое лицо сухановщины.

Весьма отчетливо это требование свободного развития кулацко-капиталистической верхушки — защита кулацко-капиталистического пути развития Сухановым высказана в этой же самой речи, где столь усиленно он доказывал, что кулак «автоматически» ликвидируется.

В этом своем выступлении Суханов, коснувшись речи своего «соратника» по контрреволюции Кондратьева, выразившего недовольство тем, что «у нас существует некоторое гонение на мощное крестьянство», провозглашает кулацкие требования свободы развития, тем самым показывая свое подлинное лицо.

> «Я думаю, — заявляет Суханов, — что по существу дела такой политики гонения экономически сильного крестьянина не существует. Действительно, было время, когда у нас были отменены законы экономии и когда наша деревня должна была развиваться на совершенно особых основах. Это было в эпоху военного коммунизма.
>
> Во время этих посевкомов, крестьянин, как таковой, был отменен: он превращался в государственного (?!) земледельца на государственной земле. И тогда ему развиваться, богатеть, превращаться из слабого в сильного, конечно, не полагалось. Но сейчас положение другое: мужика, мелкого товаропроизводителя разрешили, легализовали, его хозяйство развивается по своим законам, стремясь из мелкого путем накопления сделаться большим, из слабого — сильным. И, конечно, если бы мы вступили на путь такого рода экономической политики, то мы должны были легализовать этот процесс. И наша экономическая политика это сделала. Никаких ограничений росту благосостояния деревни и отдельных групп ее она больше не ставит. Ныне может и должен подниматься вверх средний экономический уровень крестьянства; наш нищий (?!) земледелец может и должен в среднем подниматься **до уровня американского фермера. И высшие группы деревни могут развиваться беспрепятственно**» [1]). (Подчеркнуто нами.—И. К.).

Комментариев много к этому не требуется. Кулацкое существо сухановщины здесь выражено с абсолютной ясностью. Вся мишурная теория автоматического изживания кулачества служила лишь одним целям—пытаться на старой сухановской методологической основе обосновать капиталистический путь развития. Ссылка на индустриализацию в данном случае

[1]) Журн. «Пути развития с. х.» № 6—7 за 1927 г., стр. 188.

нужна была также для усыпления бдительности, для снятия проблемы классов и классовой борьбы, для того, чтобы, добившись свободы развития капиталистических элементов, подготовить реставрацию капитализма. Здесь опять-таки необходимо остановиться на сравнении позиции правых и сухановщины, на том, что сухановские декларации насчет того, что высшие (кулацкие) группы могут развиваться беспрепятственно, целиком повторяется и проповедуется правыми. Стоит только сравнить этот лозунг Суханова с лозунгом Бухарина «обогащайтесь» или с лозунгом Сырцова «накопляйте, в добрый час», как станет ясно полное повторение правыми перепевов Суханова.

И это не случайно. Правые ставят ставку на индивидуальное кулацкое хозяйство, тем самым содействуя развитию капитализма в деревне. Партия вела и ведет самую решительную и беспощадную борьбу с правыми, ибо:

> «осуществление линии правых уклонистов, являющихся, — как указывает XVI парт'езд в резолюции по отчету ЦК, — об'ективно агентурой кулачества, означало бы срыв строительства социализма и восстановление капитализма в нашей стране».

Вот почему:

> «в период развернутого по всему фронту наступления на капиталистические элементы правый уклон был и остается главной опасностью в партии».

Вот почему партия наносит самые решительные удары по беспринципному блоку правых и «левых», пытающихся вновь поднять борьбу с генеральной линией партии.

Но вернемся снова к Суханову.

Суханов не только декларирует и требует свободы развития кулацких элементов, но и повествует о том, что кулаки должны итти во главе прогресса. В своей речи при обсуждении «Основных начал землепользования и землеустройства», где, как мы говорили выше, Суханов «защищал» проведение линии партии в земельном законодательстве, он особенно много напирает на необходимость сохранения общины. Употребляя социалистические фразы о коллективизации, этот маскирующийся поборник кулака заявлял:

> «Для нас, — пишет Суханов, — ничто прогресс индивидуумов, для нас все прогресс массы. Советское государство призвано именно поднимать слабых и просвещать отсталых.
>
> Затем — разве из инициативности верхушки может ныне вытекать, что эту верхушку надлежит отделить, отвязать от массы по желанию верхушки. До революции было последовательно освободить передовой элемент (?!) деревни от общества ради свободы его индивидуального процветания. Теперь как-будто бы последовательно иное: если индивидуальный прогресс в общине невозможен иначе, как со всем обществом, то надо и не вырывать инициатора из общества, а сделать его силою вещей, передовым борцом, пропагандистом, агитатором за прогресс хозяйства всего общества. Пусть инициативное меньшинство, не покладая рук, добывает себе сторонников и старается стать большинством. При учете темп прогресса удесятерится именно от наличия общины. Казалось бы, именно такой должна быть «линия» «советской политики» [1]).

Итак, кулак, по Суханову,—глава прогресса. Большего для выявления кулацко-капиталистического лица сухановщины не требуется, как бы сухановщина всячески не маскировалась, здесь полностью выявлена ее кулацко-реставраторская сущность.

Следует обратить внимание на то, что это писалось и говорилось Сухановым в 1927 году, когда партия на основе решений XV парт'езда пере-

[1]) «Основные начала землепользования и землеустройства», стр. 99.

шло к наступлению на кулачество, когда партия встала на путь развития социалистических форм хозяйства в земледелии.

«XV с'езд, — указывает Сталин, — был по преимуществу с'ездом коллективизации».

Видя окончательный провал надежд на «естественную» победу капитализма в связи с нашими успехами в области социалистического строительства, сухановщина переходит к активной контрреволюции и вредительской борьбе, к созданию контрреволюционной партии, стремящейся к свержению диктатуры пролетариата, к реставрации капитализма.

Сухановщина, несмотря на всю свою особую словесную фразеологию, есть прямая, составная и неразрывная часть всех тех сил контрреволюции и капитализма, которые в свой последний исторический момент, видя свою собственную гибель, ведут бешеную борьбу всеми доступными им способами против социализма.

В. Докукин.

Транспорт на пороге третьего года пятилетки.

(Итоги и очередные задачи).

I.

Третий год пятилетки станет годом решительного перелома, который должен быть осуществлен на транспорте в направлении подтягивания темпов его реконструкции к уровню большевистских темпов индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства.

Отстающий до сих пор от общего фронта социалистического наступления транспорт, как одна из решающих командных высот пролетарской диктатуры, в соответствии с общим развитием народного хозяйства должен сам стать мощным фактором, активно воздействующим на другие отрасли народного хозяйства в сторону усиления темпов социалистического строительства.

Совершенно очевидна решающая роль транспортной проблемы для дальнейшего развития социалистической реконструкции нашего хозяйства.

«Несмотря на громадное значение транспорта, хозяйство транспорта, реконструкция этого хозяйства все еще отстает от общего темпа развития. Надо ли еще доказывать, что при таком положении мы рискуем превратить транспорт в «узкое место» народного хозяйства, могущее затормозить наше продвижение вперед? Не пора ли положить конец такому положению?» (Сталин).

Отставание транспорта от темпов развития промышленности и сельского хозяйства, запоздание в осуществлении реконструктивных мероприятий обусловили ту напряженность, с которой транспорт работал за минувший год.

Грузооборот обогнал все предположения, которые были положены в основу пятилетнего плана транспорта, и транспортная пятилетка фактически осуществлена в 2½ года.

Если в отношении количественных показателей выполнение транспортом перевозок шло выше намеченного плана, то по качественным измерителям имеется определенный прорыв. Использование подвижного состава дает очень незначительное улучшение по сравнению с 1928/29 г. Средне-суточный пробег товарного вагона повысился всего лишь на 6%, пробег товарного паровоза — на 5%, а коммерческая скорость понизилась по сравнению с прошлогодним уровнем.

Такое положение совершенно ясно указывает на недостаточный перелом в транспортной работе в сторону всемерной мобилизации транспортных средств, в сторону выполнения требований, которые народное хозяйство поставило перед транспортом. Общая средне-суточная погрузка за 1929/30 г. превысила уровень 1928/29 г. на 24,8%.

Как общий итог — транспортный план по перевозкам на 1929/30 г. был выполнен с превышением.

Мы указывали выше, что работа транспорта шла с большим напряжением, особенно, в период осенне-зимних перевозок, когда имели место значительные затруднения. Были случаи исчерпания пропускной способности отдельных участков и невыполнения норм погрузок по вине железных дорог, вследствие неподачи ими вагонов.

Безотлагательное осуществление реконструктивных мероприятий и усиление рационализаторской работы диктуется современным положением транспорта СССР с чрезвычайной настоятельностью. В отношении подвижного состава мы имеем явную напряженность, которая может быть смягчена лишь форсированием работ по строительству нового подвижного состава, реконструированного по последнему слову американской техники. Строительство более мощных паровозов, большегрузных вагонов будет способствовать разрешению проблемы увеличения провозной способности железных дорог.

Недовыполнение капитального строительства на транспорте явилось одной из причин затруднений с осенне-зимними перевозками, также и обусловит затруднения по ряду направлений в предстоящем 1931 году.

Средний % выполнения плана по ж.-д. строительству явно неудовлетворителен, он равняется 65% лишь по наиболее ответственным об'ектам, достигая по вторым путям — 70%.

Если взять новое ж.-д. строительство, то из общего об'ема работ, намеченного в масштабе более 250 млн. р., выполнено лишь 65%.

Недовыполнение промышленностью заявок на материалы, в особенности, по металлоизделиям, и недостаток рабочей силы затрудняли капитальное строительство.

Однако следует подчеркнуть полную неудовлетворительность руководства капитальными работами со стороны НКПС, в результате чего к началу строительного сезона подготовлено машино-механизмов около 30% потребности, неудовлетворительно обеспечено строительство бытовых устройств (жилье, столовые и продовольственные ларьки).

Вся система производства строительных работ на транспорте должна быть в корне изменена, чтобы обеспечить выполнение намеченных на 1931 г. программ капитального строительства.

Также неудовлетворительно обстоит дело с выполнением строительной программы по речному, морскому и местному транспорту.

Прорывы в осуществлении плана капитальных работ должны быть ликвидированы с большевистской настойчивостью и в кратчайший срок. Установление специального контроля над ходом капитального строительства по крупным об'ектам является существенным мероприятием в области упорядочения и форсирования капитального строительства.

Задания по качественным измерителям работ транспортом выполнены далеко не полностью. Так, средне-суточный пробег товарного вагона составил 95,3 клм., против 100 клм. — по контрольным цифрам, средне-суточный пробег паровоза в товарном движении составил за 1929/30 г.—156,3 клм., — против 165 клм., коммерческая скорость составила 12,9 клм. при задании — в 14,7 клм.

Программа грузооборота на *особый* квартал в 83,1 м. т. и в 360 м. т. на 1931 г. требует решительного перелома в транспортной работе и достижения измерителей, указанных в постановлении ЦК ВКП(б) от 10/IX с. г.

По водному транспорту план перевозок выполнен всего на 57% к сентябрю. Наиболее угрожающим участком является лесосплав, где работы по выгрузке закончены только наполовину. Эксплоатационная работа водного транспорта ухудшилась: увеличились простои, уменьшились качественные измерители по использованию буксиров. Увеличилось число аварий, вследствие расхлябанности персонала и падения трудовой дисциплины.

По морскому транспорту работа характеризуется следующими данными:

	Выполнение плана в %
I. Перевозки (за 8 мес.) 7,9 млн. т	57,9
II. Грузооборот портов Советского союза 29,3 млн. т.	62,1

Директива XVI партс'езда о подтягивании отставших видов транспорта, в первую очередь водного, к большевистским темпам социалистической реконструкции народного хозяйства — пока еще не выполнена. В третьем году пятилетки транспорт должен будет добиться решительного перелома в развитии водного транспорта, поднять водный транспорт на тот уровень, который он должен занимать в системе народного хозяйства СССР, не останавливаясь перед запрещением перевозок по железным дорогам в тех случаях, когда представляется возможность доставить этот груз водным путем.

II.

Каков же политический смысл приведенных выше итогов транспортной работы? Какие политические выводы необходимо сделать по итогам второго года пятилетки на транспорте?

1) Партийные организации на транспорте недостаточно активно мобилизовали и возглавили рабочие массы в борьбе за решительную перестройку всей работы, в соответствии с директивами XVI партс'езда и постановлениями ЦК ВКП(б) от 3/IX и 10/IX—1930 года.

Недопустимо вяло проходил перевод работы всех коммунистов на действительно большевистские ударные темпы, на боевое выполнение производственных задач, на осуществление систематического контроля в вопросах коренной реконструкции транспорта и максимальной мобилизации его внутренних ресурсов.

Проверка директив партии административно-хозяйственному аппарату транспорта *не осуществлялась* со стороны партийных и профорганизаций на важнейших участках работы транспорта — капитальному строительству, рационализаторским мероприятиям, использованию импортного оборудования, борьбе с происшествиями на транспорте.

2) *Не мобилизованы внимание и активность всех коммунистов на транспорте на борьбу с правым и «левым» оппортунизмом и примиренчеством к ним, с конкретными проявлениями двурушничества, шатаниями и колебаниями.* Настроения пассивности и аполитичности среди отдельных коммунистов, правооппортунистические вылазки против коренной реконструкции транспорта и большевистских темпов работы не нашли в отдельных случаях решительного отпора со стороны парторганизаций транспорта.

Не развернулась действительная самокритика, борьба за разоблачение подхалимства, борьба против круговой поруки, бюрократических извращений, борьба с искривлениями генеральной линии партии и попытками зажима самокритики.

3) *Профсоюзная работа все еще не переведена на боевые, ударные темпы, вопросы промфинплана и выполнения производственных заданий все еще не стоят в центре внимания.* Нет заметного перелома в организации и воз-

главлении профорганами широко развертывающихся соцсоревнования, ударничества и борьбы за встречный промфинплан. Не перестроена в соответствии с решениями XVI партс'езда и боевыми задачами транспорта — массовая политическая работа среди отдельных групп транспортников (специалисты, выдвиженцы). Необходимо более решительное искоренение буржуазных настроений среди части специалистов, неверия в темпы социалистического строительства. Надо поднять политическую бдительность и боеспособность каждого коммуниста и своевременно сигнализировать о конкретных фактах вредительства.

Все указанные выше прорывы в состоянии политической работы на транспорте нашли свое отражение в материалах по обследованию бригадами Бауманского райкома ВКП(б) и «Правды» ячейки ВКП(б) НКПС.

Обследование полностью подтвердило своевременность сигнализации «Правды» и ряда партийцев о неблагополучии в ячейке НКПС. Примиренческое отношение бюро ячейки к правому уклону, декларативный и формальный характер борьбы на два фронта при отмалчивании об оценке двурушничества правых и «левых» оппортунистов, отсутствие мобилизации ячейки вокруг задач реконструкции транспорта и перестройки всей практической работы в соответствии с решениями XVI партс'езда, — вот основные проявления оппортунистической практики и установки в вопросах транспорта.

Решение Бауманского райкома — об'явить выговор и переизбрать бюро ячейки НКПС — предупреждает транспортные парторганизации от опасности оппортунистического самотека, забвения политической и классовой борьбы на транспорте и сползания на хвостистские позиции. В период обостренной классовой борьбы и развернутого наступления социалистического строительства, когда прямая контрреволюционная вредительская работа и подрывная двурушническая деятельность правых и «лево»-троцкистских элементов составляют части единого фронта против партии и пролетариата СССР, строящих социализм, — необходима беспощадная, непримиримая большевистская борьба против указанных оппортунистических настроений, за генеральную линию партии, за большевистские темпы социалистического строительства на транспорте.

В своем постановлении от 10 сентября ЦК ВКП(б) отметил, что слабая работа транспорта, ставящая под угрозу осенне-зимние перевозки

> «в первую очередь является следствием совершенно неудовлетворительной работы профсоюзов и хозяйственных органов на транспорте (железнодорожники и в особенности водники и местран), расхлябанности хозяйственного аппарата, особенно в его средних и низовых звеньях, недопустимо медленного внедрения на транспорте единоначалия и слабой работы партийных и комсомольских организаций».

Эта оценка ЦК, данная в сентябре, остается в силе и в настоящее время. Итоги работы транспорта за октябрь месяц особого квартала показывают недовыполнение транспортного плана почти на 27%. **Выполнение и перевыполнение транспортного плана особого квартала является непременным условием выполнения транспортного плана 3-го года пятилетки.** Этого нужно добиться путем действительного большевистского перелома на транспортном фронте, путем решительной мобилизации транспортных парторганизаций на овладение боевыми темпами работы и возглавление активности рабочих масс.

Образцы большевистской борьбы за перевыполнение промфинплана, образцы организации рабочего энтузиазма и внесения инициативы при выполнении решений партии есть и они растут с каждым днем. Рабочие Ярославского депо выпустили паровоз из обточки в 16 ч., вместо 72-х; рабочие Муромского завода выпустили паровоз из капитального ремонта в 41 час;

рабочие Полтавского завода, депо Подмосковная показали блестящие примеры трудового героизма, большевистской борьбы за пятилетку в четыре года. Там, где по-большевистски борются за проведение решений ЦК ВКП(б), там, где действительно развернута борьба за встречный промфинплан, за ударничество, за социалистическое соревнование, за выполнение генеральной линии партии, — там «об'ективные причины» отпадают и рабочие добиваются огромных производственных побед.

Попытки двурушников из право-«левого» блока оклеветать трудовой под'ем пролетариата разбиваются о факты мощного под'ема все новых и новых масс на борьбу за большевистские темпы выполнения промфинплана. Классовый враг пытается оказать нашему социалистическому наступлению жесточайшее сопротивление. В этой обстановке требуется исключительная бдительность партии и рабочего класса. **Только в решительной борьбе на два фронта: с правым уклоном, как главной опасностью на данном этапе, с право-«левым» двурушничеством и примиренчеством к уклонам от генеральной линии партии, мы сможем преодолеть стоящие перед нами трудности и обеспечить выполнение промфинплана на транспорте как особого квартала, так и третьего года пятилетки.**

III.

Задача коренной социалистической реконструкции транспорта, намеченная XVI партс'ездом, является решающей транспортной проблемой для третьего года пятилетки.

Что транспорт к XVI с'езду партии подошел с определенным запозданием реконструктивных мероприятий почти по всем своим отраслям при колоссальном росте совершаемой им работы — это совершенно очевидно.

Достаточно взглянуть на предстоящую нагрузку транспорта и темп роста грузооборота, чтобы убедиться в полной необходимости развертывания работы по осуществлению той реконструктивной программы, которая разработана НКПС. Грузооборот показывает быстрые темпы по сравнению с 1928/29 г., к концу пятилетия он увеличивается в 3½ раза, по сравнению с текущим 1929/30 г. — в 2½ раза. Если в 1928/29 году грузооборот выражался почти в 176 млн. тонн, а общий пробег—в 106 млрд. тонно-километров, то для 1929/30 г. соответствующие цифры будут 240 и 138, для особого квартала — 83 млн. т., для 1931 г. — 360 млн. т. На конец пятилетки, по сугубо ориентировочным подсчетам, намечается грузооборот в размере 620—650 млн. тонн.

Наметка плана перевозки на 1931 г. по всем видам транспорта такова:

Виды транспорта	Перевозки (млн тонн)	Пробеги (млрд. т.-клм.)
Железные дороги	360	205,2
Речной флот	116,1	67,0
Морской флот	22,5	18,3
Местный транспорт	1.000,0	15,2

Рост в % к предшествовавшему 1930 г. выразится по жел-дор. транспорту 35,3%, по речному — 82%, морскому — 64%, портам — 46,5%, местному транспорту — 26%. В этих цифрах видно осуществление директив партии о подтягивании отставших видов транспорта [1]).

[1]) Все приведенные выше цифры, как и последующие, являются ориентировочными наметками НКПС.

Таковы те масштабы, по которым должна равняться транспортная работа в ближайшие годы.

Сравнение данных о фактическом выполнении плана с наметкой на конец пятилетия с достаточной полнотой характеризует качество ранее составленной пятилетки, как явно преуменьшенной.

Составители плана совершенно не учли реальных возможностей развития народного хозяйства и тех темпов, которые возможны при диктатуре пролетариата. План развития транспорта оказался не отвечающим общему росту народного хозяйства.

Оптимальный вариант старой пятилетки, намечавший 281 млн. тонн грузооборота по жел.-дор. транспорту на 1932/33 г., проектировал такие незначительные темпы, ориентировка на которые не вывела бы транспорт из положения «узкого места» народного хозяйства.

Самая же первая пятилетка, разработанная в НКПС при участии вредителей (Шухов, Мекк и др.), по которой намечался грузооборот на 1933 г., в размере 186 млн. тонн, совершенно правильно квалифицирована как вредительская пятилетка.

Вредительская организация в НКПС вела свою контрреволюционную подрывную работу, сознательно преуменьшая возможность развития нашего транспорта, добиваясь форсирования огромных затрат одновременно во все отрасли транспортного хозяйства с целью парализовать непрерывный процесс работы и дезорганизовать движение, и осуществляла вредительство в плановой работе.

> «По перспективному плану, — говорит вредитель Шухов, — составленному в 1926 году, средняя нагрузка на ось товарного вагона была намечена на 1930/31 г. в 4,4 тонны, в то же время, как нагрузка в 4,4 тонны была достигнута уже по отчетным данным за 1925/26 г. Средне-суточный пробег рабочего паровоза был намечен на 1930/31 г. в 122 клм. А в 1926/27 г. уже был достигнут в 130,9 клм. в сутки. К периоду 1925/26 г. нужно отнести вредительскую работу по составлению, вернее, искажению пятилетних перспективных планов развития транспорта».

Тов. Сталин был совершенно прав, когда дал исчерпывающую характеристику вредительству, как форме проявления классовой борьбы со стороны небольшой кучки буржуазных специалистов, этой агентуры международной буржуазии.

Международный капитализм перешел к новым формам антисоветской борьбы, перешел к

> «невидной, не всегда заметной, но довольно внушительной экономической интервенции, организуя вредительство, подготовляя всякие «кризисы» в тех или иных отраслях промышленности и облегчая тем самым возможность будущей военной интервенции. Тут все увязано в узел классовой борьбы международного капитала с советской властью, и ни о каких случайностях не может быть и речи» (Сталин).

Отсюда делался ясный и категорический вывод о том, что нам надо взяться за подготовку своих красных специалистов из детей рабочих и что нынешним директорам заводов и фабрик необходимо, если они хотят стать действительно хозяевами положения, овладеть техникой.

В третьем году пятилетки транспорт СССР должен сделать значительный шаг вперед по линии коренной реконструкции, по линии повышения своей технической базы, которая крайне отстала не только по сравнению с западно-европейским и американским транспортом, но и с другими отраслями народного хозяйства СССР.

За минувший ряд лет ни один из основных элементов транспорта (путь, тяга, подвижной состав, связь) не подвинулся сколько-нибудь значительно вперед в своей технической реконструкции. Длина эксплоатационной сети

возрастала крайне медленно: с 1925/26 года по 1929/30 г. — средний прирост эксплоатационной сети повышался всего на 1%.

Вагонный парк на 90% состоит из устаревших, маломощных двухосных вагонов, цистерн и платформ. Чрезвычайно высокий процент (74%) крытых вагонов не давал возможности механизировать погрузочно-разгрузочные работы в первую очередь по таким массовым грузам, как каменный уголь, руда, стройматериалы и т. д. Острый недостаток открытых вагонов становится уже препятствием к крупному шахтному строительству. Паровозный парк также в значительной части устарел как физически, так и морально. Он также требует коренной реконструкции и обновления.

Не лучше обстоит дело и с верхним строением и искусственными сооружениями. Значительное их количество является или вовсе устаревшим или настолько маломощным, что становится тормозом к введению мощных паровозов.

На ряду с этим мы имеем весьма бурный рост грузонапряженности сети, который охарактеризован ранее.

Такой резкий разрыв между ростом грузонапряженности и темпом технической реконструкции транспорта характеризует, с одной стороны, его явное отставание от других отраслей промышленности и, с другой — неизбежно превращает его в «узкое место» в развитии народного хозяйства.

До сих пор транспорт если и овладевал бурно растущим грузооборотом, то исключительно благодаря использованию резервов, ранее произведенных капитальных вложений и напряжению внутренних технических ресурсов.

Дальнейшее отставание транспорта, несомненно, повлечет за собой значительные затруднения в осуществлении индустриализации страны.

Динамика основных фондов отдельных отраслей показывает отставание транспорта от промышленности и относительное падение удельного веса транспорта во всем народном хозяйстве.

Темп роста капитальных вложений за истекшее пятилетие составляет:

	В % к предыдущему году			
	1926/27	1927/28	1928/29	1929/30
По промышленности	132	126	135	230
По транспорту	131	135	127	152,7
По народному хозяйству в целом	122	112	110,6	153,4

Таким образом, если в 1926/27 г. рост капитальных вложений по транспорту находился примерно на одном уровне с промышленностью, то уже в 1929/30 г. транспорт не только резко отстает от промышленности, но начинает отставать от роста капитальных вложений во всем народном хозяйстве в целом. Недостаточный темп технического прогресса на транспорте можно характеризовать следующими данными:

Так, за пятилетие с 1925/26 г. по 1929/30 г. капиталовооруженность транспорта возросла только на 15%.

В 1926/27 г. на одного рабочего основных транспортных фондов приходится на 9,9 тыс. руб., в 1927/28 г. — 10,3 т. р., в 1928/29 г. — 10,8 т. р., и 1929/30 г. — 11,5 т. р.

Одновременно в промышленности идет бурный рост технической вооруженности рабочих. За пятилетие рост этот составляет свыше 60%. В 1925/26 г. на одного рабочего в промышленности приходится основных фондов 2,4 т. р., в 1926/27 г. — 2,6 т. р., 1927/28 г. — 2,8 т. р., 1928/29 г. — 3,1 т. р. и в 1929/30 г. — 4,0 т. р.

Медленное повышение технической базы транспорта об'ясняется не только недостаточными капитальными вложениями в прошлом, но также

недостаточным проведением в жизнь рационализаторских мероприятий и эффективного использования внутренних ресурсов.

IV.

Развитие транспортного хозяйства невозможно без всемерного развертывания промышленности и, прежде всего, без тяжелой промышленности: металлургии и машиностроения. Противопоставление транспорта промышленности явно несостоятельно и должно быть решительно и раз навсегда отброшено. Ведущая роль в народном хозяйстве промышленности, а в промышленности—тяжелой металлургии, лишь облегчает реконструкцию транспорта. Так же должно быть отброшено оппортунистическое противопоставление реконструкции транспорта задачам индустриализации СССР.

Что же дают контрольные цифры 1931 г. в области под'ема технической базы транспорта и ее реконструкции? Крупный сдвиг в этом направлении характеризуется размерами и пропорциями капиталовложений в транспорт.

Во-первых, решительно повышается цифра капиталовложений по линии реконструкции транспорта, перестройки транспорта на более высокой технической основе.

В соответствии с этим повышается удельный вес капитальных вложений по отдельным элементам реконструкции, которые должны войти в действие в текущий и следующий годы. Правооппортунистическое, механистическое понимание реконструкции, противопоставляющее задачи реконструкции задачам рационализации транспорта, решительно осуждено партией. В основе плана реконструкции и распределения капиталовложений должна быть диалектическая установка, рассматривающая реконструкцию и рационализацию транспорта, как единый процесс социалистической переделки транспортного хозяйства СССР.

Контрольные цифры на 1931 г. разрешают проблему распределения капиталовложений под углом зрения максимального удовлетворения реконструктивных задач. Они обеспечивают выполнение реконструктивной программы по линии ж.-д., водного и автотранспорта, добиваясь установления правильных соотношений между отдельными видами транспорта.

Основная установка на реконструкцию транспорта находит свое отражение в том, что в 1931 г. об'ем затрат на реконструкцию и рационализацию ориентировочно намечается около 1.115 млн. руб., против 780 млн. руб. в контрольных цифрах на 1930/31 г. и против 149,3 млн. руб. на 1929/30 г.

Таким образом, открывается путь широкой реконструкции транспорта. На ряду с реконструктивными работами и внедрением мощного паровоза заказывается на советских заводах первая партия автотормозов и автоблокировочных приборов. Автотормоза внедряются в количестве до 100.000 комплектов, автоблокировка вводится на 2.000 клм. путей. До самого последнего времени предполагалось ввести автоблокировку всего на 40 клм., и то применяя на 50 — 60% импортное оборудование. В этом случае расходы на импортное оборудование составили бы в 1931 г. 10 млн. руб. зол., а в 1932 г. — 50 млн. руб. золотом. Как известно, в настоящее время промышленность разместила все заказы по деталям автоблокировки и автотормозам внутри страны.

Это — только первые элементы реконструкции. Перед промышленностью стоит задача обеспечить реконструкцию целым рядом других элементов, как, например, мощным подвижным составом, автосцепками, разгрузочными и погрузочными механизмами. Особо остро стоит вопрос о производстве продукции, до сих пор не выпускавшейся нашей машиностроительной промышленностью, а также—о производстве запасных частей. Не менее остро стоит вопрос о снабжении других, кроме ж.-д., видов транспорта. Вне реконструкции пришлось бы не только увеличивать пропорционально росту перевозок и рост подвижного состава, но расходовать громадное количество металла, материалов и денежных средств на вспомогательные линии, новые пути, смягчение уклонов.

Путь реконструкции транспорта, коренное изменение технической базы, транспорта являются единственно правильным путем, отвечающим задачам социалистического строительства в целом и поднимающим наш транспорт на более высокую ступень его развития. Должна быть выполнена с большевистской настойчивостью директива XVI с'езда—проводить,

> «развитие и реконструкцию транспорта, в особенности железнодорожного и водного, становящегося одним из наиболее узких мест социалистического хозяйства».

Оппортунистическая, а порой прямо буржуазная, трактовка политического значения и содержания проблемы реконструкции транспорта нередко встречается в транспортной печати. В журнале «Реконструкция транспорта» (№ 1, октябрь 1930 г.), призванном стать «специальным боевым органом печати» для «сплочения всей массы транспортников вокруг стоящих перед транспортом ответственнейших задач», даются следующие перлы в передовой статье:

> «Множить наши богатства и весьма усиленно -- это обязанность нашей руководящей коммунистической партии, обязанность всех советских организаций и каждого советского гражданина»... «Чтобы умножить наши богатства, чтобы сделать труд более производительным, мы строим нашу промышленность на базе организации крупнейших предприятий с высокоразвитой техникой».

Так как «умножение богатства» без транспорта затруднительно, то автор приходит к выводу, что поэтому «одним из главнейших пунктов программы социалистического строительства является реконструкция транспорта».

Напрасно вы будете искать в этой передовице с громким заглавием «Транспорт в экономике и политике советского хозяйства» хоть каких-нибудь намеков на большевистскую постановку вопроса о коренной реконструкции транспорта, на задачи, стоящие перед транспортом СССР в условиях развернутого наступления социализма и обостренной классовой борьбы. Основная задача, заключает автор передовицы,—

> «сознать что улучшения на транспорте дают большую экономию во всем народном хозяйстве, увеличивают возможности обслуживания транспортом других отраслей хозяйства и тем самым создают условия для увеличения богатства нашей страны, а следовательно, создают благополучие всех трудящихся».

Нужно решительно ударить по этим буржуазным перепевам и гнилым, оппортунистическим извращениям в постановке вопроса о социалистической реконструкции транспорта, по попыткам оторвать реконструкцию транспорта от строительства социалистического хозяйства в целом.

Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта ни в какой мере не снимает необходимости всемерной мобилизации транспортных средств для выполнения текущих заданий и возможности

повышения эффективности работы при старых технических средствах транспорта.

Основные линии, по которым должна пойти перестройка транспортного хозяйства, это: реконструкция транспорта в техническом отношении, поднятие его на уровень, достигнутый передовыми капиталистическими странами; широкое применение механизации, развитие автомобилизации и улучшение безрельсовых дорог; максимальное использование водных путей; мобилизация и рациональное использование внутренних ресурсов транспорта путем рационализации, повышения производительности труда и экономии в расходовании материалов (металлы).

Все эти работы на транспорте невозможны без широкой подготовки квалифицированных кадров работников транспорта, без развертывания научно-исследовательской работы и без развертывания социалистических методов работы (ударничество, социалистическое соревнование, общественный буксир и т. д.).

V.

Ни в какой мере нельзя ослаблять разрешение *рационализаторских задач*, которые должны быть выполнены с максимальной настойчивостью в предстоящем году. Проведение реконструкции ставит с особой остротой вопрос о необходимости и неотложности всесторонней рационализации работ транспорта.

В основном рационализация по всем видам транспорта заключается в том, чтобы достигнуть возможно более значительного повышения измерителей использования транспортных средств; повышения производительности труда; снижения норм расходования топлива и материалов на единицу работы; снижение себестоимости; улучшение организации труда.

Намеченный план рационализации дает возможность внести значительные улучшения по всем основным показателям работы транспорта.

Контрольными цифрами поставлена задача достигнуть в 1931 году: повышения измерителей в среднем на 15%, повышения производительности труда на 17%, снижения себестоимости перевозок на 23,0%, снижения норм расходования металла на 16,0%.

Насколько действительно велика и неразрывна связь между отдельными частями плана рационализации и реконструкции транспорта, видно из следующих сопоставлений. Достижение намеченной нагрузки работника транспорта зависит: от густоты движения на 27%, от улучшения измерителей — на 14%, от роста производительности труда — на 55%.

В процессе осуществления реконструктивных мероприятий вопросы рационализации не только не отпадут, но, напротив, приобретут еще большее значение, так как оборудованный по последнему слову техники советский транспорт потребует применения более совершенных методов рационализации транспортных процессов. То обстоятельство, что текущий год являлся годом напряженной работы по линии повышения эффективности транспортных средств, главным образом, за счет рационализации и мобилизации внутренних ресурсов, — ни в коей мере не противоречит основной установке транспорта на коренную реконструкцию. Коренной перелом в деле реконструкции транспортного хозяйства и максимального развертывания рационализаторских работ характеризуется значительным ростом капиталовложений в транспорт. Дальнейшее развитие металлопромышленности и машиностроения в СССР, являющееся базой осуществления реконструкции на транспорте, позволит перейти в ближайшие годы к более повышенным темпам капитальных вложений в транспорт и к более решительной его реконструкции.

Вот почему основная задача намечается не только в том, чтобы *выполнить бурно растущие перевозки в основном теми техническими средствами, какие имеются у транспорта в настоящее время*, а и в том, чтобы *в возможно короткий срок реализовать ряд реконструктивных мероприятий, повышающих технический уровень транспортных средств.*

Программа *реконструктивных мероприятий*, намеченная НКПС, сводится в основном к следующему: увеличению мощности паровозов и под'емной силы вагонов; введению автоматической сцепки для всего подвижного состава; оборудованию подвижного состава автотормозами; установке автоматической блокировки; электрификации и теплофикации жел. дорог; механизации погрузочно-разгрузочных работ; реконструкции пути.

Ведущим звеном программы является введение более мощного поездного двигателя. Тяжелый локомотив потребует усиления верхнего строения пути на основных направлениях и, давая более тяжелый вес поезда, ведет к необходимости реконструкции сцепного прибора и тормоза. Большой вес поезда ведет к необходимости укорачивания его длины, т. е. к проведению мероприятий по укрупнению подвижного состава.

Техническая вооруженность транспорта измеряется тяжеловесностью и скоростью движения поездов. Отсюда основной задачей реконструкции является — введение тяжеловесных поездов, увеличение их скорости путем применения более мощного двигателя и большегрузного подвижного состава, оборудованного автосцепкой и автотормозами.

Реконструкция *провозной* способности (локомотив, вагон, сцепка, тормоз) неотложно выдвигает проблемы реконструкции *пропускной* способности станций и перегонов при помощи автоблокировки и механизации погрузочно-разгрузочных работ.

Таким образом, намеченная программа реконструкции состоит из тесно связанных между собою элементов и является программой реконструкции всего транспортного процесса в целом. Реконструкция транспорта, есть совокупность мероприятий, повышающих его техническую базу, изменяющих конструкции его оборудования и методы эксплоатации в направлении лучшего техническо-экономического эффекта и снижения себестоимости перевозок. Поэтому выдергивать из этой программы отдельные элементы и относить их «на еще долгое время», в будущее — значит совершенно не понимать внутренней связанности и единства этой программы социалистической реконструкции транспорта.

Социалистическая реконструкция транспорта означает не только техническую реконструкцию, но и реконструкцию планово-организационную, полный переворот в тех навыках и способах работы, которые унаследованы от капиталистического транспорта.

Как же практически должен стоять вопрос о проведении в жизнь намеченного большого плана реконструкции транспортного хозяйства? План осуществления отдельных реконструктивных мероприятий как в отношении сроков их проведения, так и создания необходимых производственно-материальных предпосылок, разработан НКПС и будет представлен на утверждение правительства в текущем году.

Промышленность должна выделить заводы, обеспеченные соответствующими техническими средствами для производства отдельных элементов реконструируемого транспорта, как-то: электровозов, автоблокировок, автосцепки, автотормозов, большегрузных вагонов. Чтобы выпуск продук-

ции для технической реконструкции был начат промышленностью не позднее 1931 года, НКПС со своей стороны должен в самом форсированном порядке провести опыты по определению наиболее выгодных типов подвижного состава, новых типов конструкции и оборудования его и представить правительству планы снабжения транспорта со стороны промышленности более технически совершенными техническими средствами.

Это требование относится ко всем ведущим звеньям транспортной реконструкции: автосцепке, автотормозам, мощным паровозам, большегрузным вагонам, усилению верхнего строения пути и автоблокировке, и должно быть выполнено в текущем году. Транспорт в кратчайший срок должен выдвинуть перед промышленностью те об'екты новой техники, применение которых является неот'емлемой частью его реконструкции. В свою очередь, промышленность должна своевременно организовать ряд новых производств, связанных с реконструкцией транспорта; она должна действительно повернуться лицом к реконструкции транспорта. Особенно необходимо при этом учесть задачи форсированного развития резко отстающих отраслей транспортного хозяйства — морского и речного судостроения.

Только на этом пути — гораздо более тесной связи промышленности и транспорта — найдет свое правильное осуществление директива XVI с'езда партии о том, что

> «общий рост грузооборота в стране, значительно превосходя задания пятилетнего плана, требует от промышленности такого развития производств, обслуживающих потребности всех видов транспорта, в частности водного транспорта, в виду его крайней отсталости, при котором было бы обеспечено развитие транспорта, в соответствии с темпами развития народного хозяйства».

VI.

Значение электрификации железных дорог в общем плане реконструкции транспорта огромно. Электрификация здесь должна быть поставлена на первое место, как важнейшее реконструктивное мероприятие, способствующее разрешению не только транспортной, но и энергетической проблемы. При условии электрификации — на один и тот же измеритель работы сжигается топлива на электроцентралях в 4 раза меньше, чем на паровозах, увеличивается пропускная способность ж. д в 3—4 раза по сравнению с существующей, достигается колоссальная экономия подвижного состава и возможность выполнения перевозочной работы без значительных затрат на усиление существующего верхнего строения пути.

План реконструкции ж.-д. транспорта путем электрификации должен быть расширен и включить в себя все дороги «Большого Урала», в связи с созданием второй угольно-металлургической базы на Урале, в той последовательности, в которой будут возрастать грузопотоки; вновь строящиеся ж. д. с гористым профилем (Магнитогорск, Уфа); дороги, требующие большого усиления выходов из районов горнодобывающей промышленности и требующие усиления пропускной способности с помощью прокладки дополнительных путей; дороги внутренних густо-развитых путей промышленных районов Урала, Кузбасса, Донбасса и по направлениям, соединяющим топливо и руду; головные участки железных дорог крупных узлов (Москва, Ленинград) с огромным пригородным движением

Намеченная НКПС'ом программа по электрификации, отражая в себе значительный перелом в этой области, разумеется, далеко выходит за пределы текущей пятилетки.

Предположено закончить к концу следующего пятилетия электрификацию 10.000 клм. однопутной и 3.000 клм. двухпутной сети ж. д., из которых 3.000 километров будет электрифицировано в текущую пятилетку.

Мощность тяговых подстанций будет выражаться в 1.800 тыс. киловатт. Стоимость работ по электрификации достигнет 650 млн. р., стоимость подвижного состава — до 850 млн. руб. Эта значительная программа по электрификации потребует развертывания машиностроительной промышленности, производства электровозов на сумму не менее 1 млрд. руб. Электростроительство должно быть увязано с развитием паровозостроения с тем, чтобы проводилась постепенная замена паровой тяги — электрической. Осуществление этих мероприятий даст экономию топлива и черных металлов в размере 60%, по сравнению с количествами, потребными при условии сохранения паровой тяги.

Необходимо решительно поставить вопрос о большевистских темпах реконструкции транспорта и перед промышленностью. Нужно и должно повернуть промышленность лицом к реконструкции транспорта. Пока этот поворот совершается в недопустимо вялых темпах со стороны отраслей промышленности, работающих на транспорт, что ставит под угрозу успешное развертывание программы социалистической реконструкции транспорта.

Правильное построение плана реконструкции, в особенности электрификации железных дорог, требует ясности в вопросе размещения производительных сил в стране — большие капитальные вложения, которые будут сделаны по этой линии, должны иметь правильное направление.

Тов. Сталин на XVI с'езде говорил:

> «Прежде всего, проблема правильного размещения промышленности по СССР. Как бы ни развивали народное хозяйство, нельзя обойтись без вопроса о том, как правильно разместить промышленность как ведущую отрасль народного хозяйства»

Для овладения грузооборотом, для осуществления программы социалистической реконструкции транспорта и, прежде всего, программы электрификации, — проблема правильного размещения промышленности и сельского хозяйства по СССР имеет огромное значение. Следует подчеркнуть, что перед транспортом стоит задача не только полного удовлетворения текущих и перспективных нужд народного хозяйства в области перевозок, но и активного участия в создании новых производственных центров.

Капитальные вложения в транспорт по районам должны быть произведены с учетом значения каждого из них в развертывании дальнейшей социалистической индустриализации СССР и привлечения окраинных национальных республик к общехозяйственному строительству и укреплению обобществленного сектора в экономике СССР.

В третьем году пятилетки транспортный план должен гарантировать осуществление хозяйственных планов по развертыванию индустриализации и укреплению транспорта в решающих в хозяйственном отношении районах и важнейших национальных республиках.

VII.

Если сравнить темпы и динамику роста транспорта СССР с транспортом крупнейших капиталистических стран Европы и Америки, то итог говорит за несомненные преимущества советской хозяйственной системы и за полную возможность «догнать и перегнать» технико-экономический уровень капиталистического транспорта в минимальный исторический срок.

В самом деле, все капиталистические страны (не исключая и дорог Японии) характеризуются либо стабилизацией, либо крайне замедленным темпом роста грузооборота.

Грузооборот увеличился за три года:

В САСШ	на 8%	(с 1926 г. по 1929 г.)
„ Канаде	„ 7%	(„ „ „ „ „)
„ Германии	„ 9,5%	(„ „ „ „ „)
„ Японии	„ 7%	(с 1924/25 г. по 1927/28 г.).
„ СССР	„ 77%	(„ 1926/27 „ „ 1929/30 г.).

Железные дороги СССР достигли довоенных размеров грузооборота в 1926/27 году, т.-е. в срок более короткий (если учесть период гражданской войны), чем многие из западно-европейских стран. К 1929/30 г. грузооборот достиг 182% от довоенного, при увеличении длины сети на 38%. Прирост грузооборота за последние три года (с 1926/27 по 1929/30 г.) составил 77%.

Столь бурного темпа развития перевозок на коротком отрезке времени не знала ни одна страна мира не только за послевоенное время, но и ранее, в периоды сильного под'ема ж.-д. строительства.

В следующие годы пятилетки грузооборот жел. дорог СССР по своей абсолютной величине уже превысит все страны мира, за исключением САСШ. В 1930/31 году по абсолютной величине грузооборота жел. дороги СССР будут находиться на четвертом месте после САСШ, Германии и Великобритании; в 1931/32 г. ж. д. СССР должны выйти на второе место после САСШ.

В связи с этим напряженность грузовой работы жел. дорог, измеряемая количеством тонно-километров груза на 1 км. длины, уже в 1929/30 году приближается к напряженности работы к жел. дорогам САСШ, имеющим максимальную напряженность среди всех стран мира.

В отношении пассажирских перевозок на жел. дорогах САСШ и Канады наблюдается неуклонное падение. В САСШ с 1923 по 1929 г. общий итог перевозок пассажиров уменьшился до 50 млрд. пассажиро-километров, или на 12%. В странах Западной Европы наблюдается также аналогичное снижение либо стабильность.

В СССР перевозки пассажиров в настоящее время (1929/30 г.) составляют уже 265% к довоенному, в 1931 г. этот процент возрастет до 350%.

По напряженности пассажирского движения (пассажиро-километров на 1 км. сети) ж.-д. сети СССР уже в настоящее время находятся примерно на 5-м месте, а в 1931 году ж.-д. СССР должны выйти на 3-е место.

По степени обеспеченности перевозок подвижным составом СССР пока находится в недостаточно благоприятном положении. Помимо отставания нашей сети в отношении количественного обеспечения подвижным составом, имеет место качественная отсталость нашего технического оборудования (наличие на заграничных дорогах автоторможения, автосцепки — в Японии и САСШ, автоблокировки).

Однако в условиях планового социалистического хозяйства основные фонды и подвижной состав нашего транспорта могут быть использованы с о з н а ч и т е л ь н о б о л ь ш е й э ф ф е к т и в н о с т ь ю, чем в условиях стихийного капиталистического хозяйства.

Это обстоятельство с достаточной наглядностью подтверждается следующим фактом — несмотря на слабую, сравнительно с другими странами, обеспеченность нашей сети подвижным составом, мы находим еще внутренние резервы для дальнейшего повышения производительности транспортных средств.

Насколько велик кризис в капиталистическом транспорте, видно хотя бы из того, что в данное время на железных дорогах САСШ 7.735 паровозов и 465.898 вагонов стоят абсолютно неиспользованными. Таков результат кризиса в транспортном хозяйстве САСШ («Railway Journal», № 8, август 1930 г., Чикаго).

Основные проблемы, которые стоят сейчас перед транспортом СССР— п р о б л е м а р е к о н с т р у к ц и и т р а н с п о р т а, о с у щ е с т в л е н и е п л а н а т р е т ь е г о г о д а п я т и л е т к и н а т р а н с п о р т е, у т о ч н е н и е т р а н с п о р т н о й п я т и л е т к и. Все эти проблемы требуют углубленной проработки и большевистского разрешения.

Каждый транспортник должен связывать текущие вопросы транспортно-оперативной работы с общими задачами социалистической реконструкции транспорта.

Только борясь с правым уклоном, как главной опасностью, а также с «левым» оппортунизмом и примиренчеством к ним, строя производственную работу в соответствии с общими политическими задачами, — транспортные парторганизации смогут действительно мобилизовать массы на борьбу за большевистские темпы социалистического строительства по линии транспорта, за выполнение и перевыполнение трафинплана.

Осуществление программы социалистической реконструкции транспорта зависит от неослабного внимания всей партии и профсоюзных организаций к этой важнейшей проблеме. Должна быть проделана большая работа по мобилизации творческой энергии и революционного энтузиазма рабочих масс транспорта. Только опираясь на рабочие массы, можно действительно п о - б о л ь ш е в и с т с к и двинуть наш транспорт вперед.

А. Павлов

Вопросы труда на новом этапе.

(Окончание, см. № 21).

II. О характере безработицы и аграрном перенаселении в переходном хозяйстве.

Наше хозяйство является переходным от капитализма к социализму. Как переходное хозяйство, оно состоит из различных экономических укладов, при чем, поскольку оно является переходным от капитализма к социализму, основным законом его развития является социалистическое развитие. Это развитие идет не «самотеком», как думают правые оппортунисты, а в ожесточенной классовой борьбе, путем ограничения, вытеснения и ликвидации хозяйств капиталистического типа, путем переделки, именно переделки, а не «врастания» в социализм мелкотоварного и полутоварного хозяйства, главным образом крестьянского, на основе быстрого развития социалистической организации народного хозяйства.

Кондратьевцы и смыкающиеся с ними правые оппортунисты не понимают специфических особенностей нашего переходного хозяйства и путей его социалистического развития, поэтому они не способны дать правильное определение безработицы и аграрного перенаселения в нашем переходном хозяйстве и наметить правильные пути их изживания.

Наше переходное хозяйство, как целое, состоит из различных укладов и секторов. Одним из них свойственно явление аграрной перенаселенности, другим — нет. Поэтому в нашем переходном хозяйстве, как состоящем из разнородных секторов, среди которых имеется и капиталистический, которому свойственно образование относительной перенаселенности, сохраняется аграрная перенаселенность, как сохраняется и явление безработицы.

Наше переходное хозяйство является переходным от капитализма к социализму. Следовательно, оно становится все менее переходным, все более социалистическим, и его состояние, как переходного хозяйства, заканчивается с построением в нашей стране единого социалистического хозяйства. Таким образом, в нашем хозяйстве аграрное перенаселение, как и вообще безработица, будет изживаться и ликвидироваться в меру построения социалистического общества, в меру развертывания социалистического наступления, в меру вытеснения и уничтожения капиталистических элементов и переделки самого мелко-крестьянского товарного хозяйства, т.-е. уничтожения глубочайшей основы развития капитализма. Этим самым будет уничтожено и действие капиталистического закона народонаселения, одной из основных форм проявления которого является аграрное перенаселение. Следовательно, темп и время изжития и ликвидации безработицы и аграрного перенаселения целиком и полностью определяются темпом социалистического строительства и социалистического наступления.

Этой непосредственной зависимости изжития и ликвидации безработицы и аграрного перенаселения от развития социалистического строитель-

ства, от темпов этого развития еще не понимают или не хотят понять кондратьевцы и правые оппортунисты. Последние, говоря о путях изжития аграрной перенаселенности, на первый план выдвигают поднятие уровня производительных сил сельского хозяйства «вообще», совершенно не понимая, что поднятие уровня производительных сил не само по себе, а лишь при социалистической форме организации производства действительно является средством изжития и ликвидации аграрного перенаселения и безработицы в целом. Проникновение капитализма в сельское хозяйство сопровождается также под'емом уровня производительных сил в нем, но в связи с этим не только не устраняется относительное перенаселение, в том числе и скрытое, так называемое аграрное, но наоборот, оно беспрерывно и резко увеличивается.

В этой связи следует отметить, что кондратьевцы, отрицая капиталистическую сущность аграрного перенаселения, отождествляя машину, как средство производства, с ее ролью, как капитала, как носителя общественного отношения капиталистического хозяйства, противопоставляют «капиталоинтенсификацию» сельского хозяйства, т.-е. внедрение в него машин, «трудоинтенсификации» его, т.-е. развитию в нем трудоемких культур, при чем «трудоинтенсификация» об'является главным «средством» изжития аграрной перенаселенности. Поэтому машинизацию и механизацию сельского хозяйства кондратьевцы считают выгодными лишь постольку, поскольку они, с их точки зрения, не ведут к уменьшению использования живой рабочей силы. Так, например, кондратьевец Н. Макаров заявляет, что

> «введение более сильных упряжек так же, как и введение машин в трудовом хозяйстве выгодно в том случае, если хозяйство сможет сэкономив на рабочих человеческих силах, использовать эти «сэкономленные силы» в той или другой области хозяйства», иначе «экономической выгоды может и не быть» [1])

Это положение кондратьевцев является прямым теоретическим отражением реакционных настроений мелкого буржуа, в первую очередь кулака, который видит в распространении машин в нашем сельском хозяйстве величайшую опасность для своего существования, так как в условиях диктатуры пролетариата машина является технической базой для социалистической переделки сельского хозяйства. Поэтому борьба кондратьевцев против внедрения машин в сельское хозяйство, «теоретическое» доказательство «невыгодности» машин в наших условиях является не чем иным, как формой проявления борьбы кулака против коллективизации сельского хозяйства.

Победа социалистического пути развития сельского хозяйства над капиталистическим, создание социалистического сельского хозяйства имеет решающее значение для ликвидации аграрной перенаселенности. И лишь при социалистической организации сельского хозяйства поднятие уровня производительности труда путем механизации и интенсификации земледелия становится фактором изживания и ликвидации аграрной перенаселенности.

Крупное коллективизированное сельское хозяйство открывает исключительные возможности для наиболее полного использования наличной рабочей силы, такие возможности, каких не имеет мелко-крестьянское хозяйство.

В частности, коллективизация открывает исключительные возможности для преодоления так называемой сезонности в сельскохозяйственных работах, которую капитализм в земледелии только уменьшает, но не уничтожает, и в связи с которой относительная перенаселенность получает резкие колебания. При этом следует отметить, что эти резкие сезонные колебания

[1]) Н. Макаров. «Организация сельского хозяйства», стр 440—441. Это же положение автор развивает в своей специальной работе—«Условия и пределы применения трактора в сельском хозяйстве», в которой он, по сути дела, выступает против внедрения трактора в наше сельское хозяйство.

в земледелии ни в коем случае нельзя рассматривать, во-первых, как доказательство, будто бы аграрное перенаселение определяется естественными особенностями земледелия, а не капиталистическими производственными отношениями. Еще в полемике с народниками Ленин указывал, что «совершенно неправильно ставить вопрос об освобождении зимнего времени земледельца, независимо от общего вопроса о капиталистическом перенаселении. Образование резервной армии безработных свойственно капитализму вообще, и особенности земледелия обусловливают лишь особые формы этого явления» [1]).

Во-вторых, сезонные колебания в использовании земледельческого труда не являются «природой данными» колебаниями, которые невозможно преодолеть. Эти колебания, их размер в решающей мере зависят от уровня производительных сил, от уровня техники земледельческого производства, с одной стороны, с другой — от общественной формы организации народного хозяйства: наибольшего размера сезонные колебания в использовании земледельческого хозяйства достигают в мелком, раздробленном крестьянском хозяйстве с его примитивной техникой. Размер этих колебаний, при всей условности всякого рода исчислений аграрного перенаселения (вследствие ошибочной методологии этих исчислений, обусловленной, в первую очередь, ошибочным определением его социальной сущности), можно иллюстрировать следующими данными: при среднегодовой «избыточности» рабочей силы в сельском хозяйстве в 15,8% от всех работников в рабочем возрасте по месяцам она колеблется между минимумом в 3,6% (август) и максимумом в 27% (февраль).

На преодоление сезонных колебаний в использовании труда в социалистическом сельском хозяйстве должно быть обращено особое внимание. Должен быть дан самый решительный отпор мнению, что «по самой природе сельского хозяйства добиться совершенно равномерного распределения работ за год невозможно» [2]). Необходимо на основе практики и теории найти такую форму организации производственного процесса как собственно самих сельскохозяйственных предприятий, так и перерабатывающих и подсобных (сельхозиндустрия), которые обеспечивали бы максимальное и в то же время равномерное использование всей наличной рабочей силы в течение всего года. Мелкое раздробленное хозяйство по своей природе обречено было на такие примитивные технологические формы процесса производства, которые сами по себе исключали оптимальное, наиболее рациональное использование наличной рабочей силы. Крупное хозяйство открывает почти неограниченные возможности для таких высоких технологических форм производственного процесса, которые дадут наиболее эффективное использование в нем на протяжении года наличной рабочей силы. Проблема преодоления сезонности входит составной частью в общую проблему организации труда в колхозах.

III. Вопросы планирования труда—важнейшая задача социалистического строительства.

Все большее повышение уровня производительных сил на основе быстрого роста социалистической промышленности и сплошной коллективизации сельского хозяйства вызывает иное распределение общественного труда между отдельными отраслями народного хозяйства. Особо значительные изменения предстоят в распределении общественного труда между сельским хозяйством и промышленностью.

Вследствие аграрного характера нашего народного хозяйства и общей его технико-экономической отсталости, сельским хозяйством у нас до сих

[1]) Ленин. Собр. соч, том III, 1-е изд., стр. 256.
[2]) Н. Макаров. «Организация сельского хозяйства», стр. 452.

пор заняты подавляющие массы населения, около 80%. На основе социалистического преобразования народного хозяйства наша страна все более становится индустриально-аграрной страной. Это должно дать резкую передвижку соотношения между сельскохозяйственным и промышленным населением. Наш боевой лозунг — «догнать и перегнать в технико-экономическом отношении передовые капиталистические страны». Наиболее передовой страной в этом отношении является Северная Америка, которая, будучи страной индустриально-аграрной, насчитывает 52% городского населения. Чтобы достичь такого распределения труда, которое является обязательным при высоком общем уровне производительных сил, нам необходимо несколько десятков миллионов сельскохозяйственного населения перевести из сельского хозяйства в промышленность. Только при таком перераспределении общественного труда между сельским хозяйством и промышленностью мы сможем догнать и перегнать передовые капиталистические страны по уровню производительных сил.

Это не значит, конечно, что мы пойдем по пути углубления пропасти между городом и деревней. Наоборот, социалистический характер нашего развития, индустриализация сельского хозяйства ведут к устранению этого разрыва. Но все это не только не противоречит, но предполагает резкое увеличение доли общественного труда, занятого в промышленности.

В товарно-капиталистическом хозяйстве перераспределение общественного труда в связи с изменением и ростом уровня производительных сил происходит стихийно, при посредстве действия механизма цен. С развитием нашего социалистического хозяйства действие этого механизма цен все больше ограничивается, все больше вытесняется и заменяется действием социалистического плана.

Роль социалистического плана особо возросла и далее будет возрастать в связи с развертыванием сплошной коллективизации и ликвидацией кулачества как класса, с развитием социалистического сектора в сельском хозяйстве. Рост социализма в нашей стране вносит коренные изменения в формы распределения и перераспределения общественного труда. Рыночные формы этого распределения и перераспределения все более ограничиваются и поэтому должны все более заменяться плановыми формами.

Что рыночные формы распределения и перераспределения общественного труда уже утеряли свое прежнее значение, видно, в частности, из следующего: с момента развернутого социалистического наступления спрос на труд все более и более превышает его предложение. Так, в 1927/28 г. в среднем в год на 100 предложений труда по всем профессиям приходилось 125,2 мест, в 1928/29 — 171,3 места, за 1 полугодие 1929/30 г. — 174,7 мест [1]).

Сопоставление данных показателей о спросе и предложении труда достаточно убедительно свидетельствует, во-первых, об изжитии безработицы в нашей стране на основе развернутого социалистического наступления.

Во-вторых, о начале «отмирания» на основе построения социалистического хозяйства, рыночных форм распределения и перераспределения рабочей силы. Поэтому «существующая организация рабочей силы как внутри производства, так и на рынке труда в настоящее время резко отстает от требований, предъявляемых народному хозяйству» [2]).

Это несоответствие особенно резко выявляется с момента мощного развития сплошной коллективизации сельского хозяйства. Общеизвестно, что сре-

[1]) Справочник «Вопросы труда в цифрах», стр. 49, изд. 1930 г.
[2]) Постановление ЦК партии «О росте кадров рабочего класса, о состоянии безработицы и о мероприятиях к ее ослаблению». «Правда», 9/XII—1929 г. Разрядка моя.—А. П.

ди наших безработных большое место, примерно около 1/3, занимали лица, приходящие из деревень, из сельских местностей. В этом обычно очень многие видят доказательство «аграрной перенаселенности» нашей страны, не понимая, что прилив рабочей силы из деревни, из крестьянства в промышленность не всегда и не только имеет своим источником так называемую «аграрную перенаселенность» нашей страны. Значительная часть этого прилива рабочей силы из сельского хозяйства в промышленность являлась неорганизованным перераспределением рабочей силы между отраслями народного хозяйства, возникающим вследствие изменения уровня производительных сил. И в нашем переходном хозяйстве, поскольку в нем сохранялось и еще сохраняется мелко-крестьянское хозяйство и в соответствии с этим общая товарная форма хозяйства, это перераспределение рабочей силы в значительной степени совершалось стихийно, в виде потока рабочей силы из деревни. Но этот поток не сводился просто к так наз. «аграрной перенаселенности».

Что это так, резко обнаружилось при начале развития сплошной коллективизации, которая, создавая новые производственные отношения в деревне, ограничила рыночную стихийную форму прилива рабочей силы в промышленность. Общеизвестно, как весной текущего года многие отрасли народного хозяйства начали испытывать затруднения в рабочей силе, хотя в нашей стране запасы рабочей силы исключительно большие. Причины этого — не только в отдельных ошибках ряда местных организаций и в стремлении отдельных колхозов задержать у себя рабочего, что, конечно, имело существенное значение, но все же не решающее.

Главное заключается в том, что складывающиеся новые социалистические производственные отношения в деревне сокращают и вытесняют действие старых рыночных форм распределения рабочей силы. И в этой области «самотек», свойственный анархическому хозяйству, теряет свое значение и должен быть целиком заменен социалистическим планом. Это не было своевременно учтено многими нашими хозяйственными и профессиональными организациями, в особенности органами Наркомтруда, вследствие чего произошло отставание в переходе к социалистическому, плановому регулированию распределения рабочей силы в нашей стране [1].

Выкорчевывание кондратьевско-громановских и правооппортунистических взглядов на безработицу и аграрное перенаселение является важнейшим условием быстрого и успешного перехода к новым методам снабжения наших социалистических предприятий рабочей силой, к новым, социалистическим методам ее подготовки и распределения. Гигантские задачи развернутого социалистического строительства требуют быстрейшего и решительного преодоления правого оппортунизма в деле снабжения рабочей силой наших предприятий, решительной борьбы с установкой на «самотек» в этой области. Необходимо покончить с растерянностью в этой области, которая, в первую очередь, создалась среди тех, которые целиком и полностью полагались на «самотек» в снабжении рабочей силой, среди тех, которые в этом «самотеке» видели неисчерпаемый источник снабжения рабочей силой.

В настоящее время, в связи с недостатком рабочих рук для отдельных предприятий и районов, кое-где начинают вестись разговоры о «безрабочии», вместо безработицы, в нашей стране. В особенности широкое распространение имеют разговоры о том, что если до коллективизации сельского хозяйства мы

[1] См. постановление ЦК ВКП(б) от 20/X—1930 г.: «О мероприятиях по плановому обеспечению народного хозяйства рабочей силой и борьбе с текучестью». «Правда» 22/X 1930 г.

имели «избыточное» сельское население, то теперь, в связи с коллективизацией, мы имеем «недостаток» его. Даже в наших газетах попадаются такого рода сообщения, что, мол, в колхозе «работа идет очень дружно, все работают энергично. Один недостаток — это нехватка рабочей силы» [1].

Разговоры о нехватке рабочих рук в колхозах являются не чем иным, как прикрытием, с одной стороны, неумения организовать рабочую силу в колхозе так, чтобы своевременно и полностью выполнить все работы; с другой стороны, они прикрывают неумение организовать снабжение предприятий рабочей силой новыми методами, не «самотеком», а активной вербовкой. Поэтому все эти разговоры, как пытающиеся «об'ективными» причинами, дескать, во всей стране «безрабочье», оправдать прорывы в колхозах и в рабочей силе в предприятиях, являются крайне вредными в политическом и хозяйственном отношениях.

Они дают неправильную хозяйственно-политическую ориентировку, они прикрывают правооппортунистическую установку на «самотек» в области труда — поэтому они должны встретить самый решительный отпор.

Все эти разговоры не имеют никаких производственно-экономических оснований, ибо в настоящее время на практике на тысячах примеров показано и доказано, что даже в колхозе, основанном на простом сложении существующих крестьянских средств производства вследствие их кооперирования и кооперирования труда, следовательно,—наличный запас рабочих сил может выполнить в несколько раз большую по об'ему массу работы. Все дело заключается в умении достичь действительного кооперирования труда, в умении практически использовать его преимущества по сравнению с распыленным трудом индивидуального хозяйства. При этом условии колхоз не только не будет испытывать недостатка в рабочей силе, но сможет выделить большее количество рабочей силы для социалистической промышленности, нежели выделяло индивидуальное хозяйство. Что это так, подтверждается обследованием колхозов накануне XVI с'езда партии, которое установило, что во многих колхозах используется всего лишь примерно половина наличной рабочей силы.

Коллективизация сельского хозяйства сопровождается и развивается на основе машинизации сельского хозяйства. Внедрение машин и трактора в сельское хозяйство в связи с коллективизацией происходит гигантскими темпами. Это резко повышает уровень техники сельского хозяйства и, следовательно, производительность земледельческого труда. Это обстоятельство уже на сегодняшний день должно дать и дает резкое уменьшение необходимых трудовых затрат в сельском хозяйстве. Вся задача заключается лишь в том, чтобы практически уловить это уменьшение вследствие роста уровня техники трудовых затрат, не допустить непроизводительного распыления высвободившихся рабочих сил.

В этом направлении особое значение имеет порядок распределения колхозных доходов среди колхозников, так как при распределении дохода по труду в понятной для каждого колхозника форме будет выявляться избыточность рабочей силы в колхозе. В то же время каждый колхозник будет материально заинтересован и в выявлении этой избыточности рабочих рук, ибо ее наличие будет снижать трудовые затраты каждого отдельного колхозника, следовательно, будет снижать уровень дохода каждого колхозника. Поэтому он будет заинтересован в отпуске рабочей силы из колхоза.

Эту зависимость уровня дохода каждого отдельного колхозника от избыточности рабочих рук необходимо показать в каждом колхозе, каждому колхознику и тем самым добиться резкого перелома отношения колхозников к отпуску рабочей силы из колхоза. В настоящее время, когда испытывается

[1] «Голос текстилей», 16/X—1930 г.

недостаток в рабочих руках для многих важнейших отраслей хозяйства, это особенно необходимо сделать, последовательно проводя распределение доходов по труду. Распределение колхозных доходов должно быть связано не только со стимулированием под'ема производительности труда, но и со стимулированием выделения излишнего труда внутри колхоза, так необходимого для других отраслей хозяйства.

Социалистическая реконструкция народного хозяйства, переводящая все народное хозяйство на новый, более высокий, технический уровень, требует иной, более высокой по качеству рабочей силы. Потребность в новой по качеству рабочей силе велика в настоящее время не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в связи с его социалистической переделкой. Для социалистического сельского хозяйства, как крупного хозяйства, требуется иная по качеству рабочая сила, нежели в мелком, раздробленном крестьянском хозяйстве.

Социалистический метод распределения и перераспределения рабочей силы необходимо предполагает плановую ее подготовку в соответствии с теми потребностями, которые пред'являются нашим социалистически развивающимся хозяйством. Рассчитывать и здесь на «самотек» значит тянуть наше хозяйство назад, ставить наш социалистический сектор хозяйства в зависимость от частного сектора, в особенности от мелко-крестьянского. ЦК партии еще в своем постановлении от 5/XII—1929 г. дал развернутую программу по подготовке рабочей силы, возложив ее выполнение на соответствующие организации, а также указал на необходимость «принять реальные меры к улучшению планирования рабочей силы» [1]).

Право-«левый» блок, клеветнически обвиняя партию в забвении интересов рабочего класса, в ухудшении материального благосостояния трудящихся, умышленно замалчивает факт изживания у нас безработицы. Как и всегда это бывало, оппортунистические «защитники» рабочего класса от партии не замечают решающего факта ликвидации безработицы, который резким образом поднимает уровень жизни рабочего, его семьи и т. д.

В настоящее время, в связи с фактической ликвидацией безработицы и с переходом к социалистическому планированию рабочей силы, начата перестройка бирж труда в управление кадров. В задачи управления кадров, кроме подготовки рабочей силы и планового ее распределения, входит наблюдение за рациональным использованием труда в производстве, за продвижением рабочих на более квалифицированную работу, борьба с прогулами и простоями рабочей силы.

Необходимо добиться на деле, чтобы органы труда, в особенности вновь создаваемое управление кадров, начали активно участвовать в организации труда не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, в колхозах и совхозах. Подготовка рабочей силы, требующейся для социалистического земледелия, является сейчас важнейшей задачей. В то же время борьба за лучшую организацию труда в колхозах является обязательным условием к выделению из них рабочей силы для других отраслей хозяйства. Необходимо на деле добиться организованного выделения колхозами рабочей силы для промышленности и, связывая это с лучшей организацией труда в колхозах, показать прямую заинтересованность в этом самих колхозников.

Переход к социалистическому планированию и подготовке рабочей силы будет иметь свои трудности. Этот переход будет происходить в условиях обостренной классовой борьбы. Мелкобуржуазная стихия будет бешено сопротивляться социалистическому планированию и подготовке рабочей силы, всячески будет ее срывать. Летуны, рвачи, как конкретные носители этой

[1]) «Правда», 9/XII—1929 г.

мелкобуржуазной стихии, как выразители мелкобуржуазных настроений, всячески поддерживаемых и разжигаемых кулацко-капиталистическими элементами, будут бороться с новыми методами организации труда. Их союзником будет являться и бюрократ, который попытается внести элементы бюрократизма в социалистическое планирование и подготовку рабочей силы, восстанавливая тем самым рабочих против новых методов организации труда. Их союзником будет и правый оппортунист, который будет или уклоняться от последовательного проведения новых методов организации труда, или прямо их срывать.

Борьба за социалистическое планирование и подготовку рабочей силы является одной из форм классовой борьбы, в которой можно победить лишь при условии решительного наступления на мелкобуржуазную стихию, при условии решительного отпора летунам и рвачам и их союзникам, правым оппортунистам и бюрократам. Подавляющая масса рабочих начала и ведет борьбу за социалистическую организацию труда. Переход к социалистическому планированию и подготовке рабочей силы поднимает эту борьбу на новую, более высокую ступень. Рабочая масса поддержит этот переход. Необходимо лишь четкое большевистское руководство в борьбе за новые, социалистические формы труда.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ.

Против „новейшей“ ревизии марксизма-ленинизма.

Фриц Штернберг „*Империализм и кризисы*“ (*Доклад и прения в Институте мирового хозяйства и мировой политики, изд. Комакадемии, 19.0 г.*)

Изданный отдельной книгой доклад Ф. Штернберга и дискуссия, имевшая место в И. М. Х. в 1929 году, посвящены проблемам империализма, заработной платы, резервной армии и кризисам.

Марксистско-ленинская разработка этих более чем актуальных проблем, увязанная с изучением конкретных явлений периода общего кризиса капитализма, несомненно, является задачей громадной важности.

Рецензируемая книга, однако, вызывает интерес не положительной трактовкой этих проблем. Напротив, с докладом интересно познакомиться, как с одной из современных, «новейших» попыток ревизии основных положений теории Маркса-Ленина,—попыток, беспощадная критика и разоблачение которых является необходимым условием положительной разработки затрагиваемых проблем.

Фриц Штернберг как в основных своих работах [1]), так и в этом докладе пытается обосновать «свою теорию» империализма и кризисов, зарплаты и резервной армии. В предисловии к книге Штернберг, по большому недоразумению, оценивается редакцией, как экономист, который «далеко не является последовательным марксистом»,—по большому недоразумению, так как Штернберг вообще марксистом не является. Более того, все основные положения его «теории» направлены против марксовой теории воспроизводства и насквозь враждебны ленинизму. Штенберг сам, однако, считает себя марксистом. Свою главную работу он в предисловии называет «марксистской книгой» и даже... «продолжением «Капитала», а главные «принципы Маркса также ее принципами».

Не имея возможности разобрать здесь хоть сколько-нибудь подробно всю систему взглядов Штернберга, посмотрим все же, как он «развивает» главные принципы Маркса и как он «продолжает «Капитал» в некоторых решающих и основных вопросах.

Одним из главных методологических принципов Маркса является исследование основных внутренних противоречий буржуазного способа производства, абстрагируясь при этом от внешних осложняющих условий, т.-е. от докапиталистических укладов, от так называемых «третьих лиц» и т. д. Эту абстракцию Маркс применяет и при исследовании проблемы воспроизводства общественного капитала.

Штернберг не согласен с этим. Он считает, что у Маркса, при изучении проблемы воспроизводства, «абстракция, изучающая капитализм, как чистый капитализм, идет слишком далеко» [2]). Он считает, повидимому, что без «третьих лиц» невозможен анализ воспроизводства.

Спрашивается, для чего Штернбергу понадобилось сделать это «скромное» замечание по поводу одного из важнейших методологических принципов Маркса? Причина, как увидим, достаточно серьезна. Штернбергу нужно доказать, что без некапиталистической среды немыслим процесс расширенного воспроизводства, невозможна реализация продукта и неизбежен «перманентный» кризис перепроизводства. На этом он строит свою теорию империализма.

Как же обосновывает Штернберг свое далеко не новое в экономической науке утверждение о теоретической немыслимости реализации при «чистом капитализме»?

Он рассуждает довольно просто. Маркс, как известно, для облегчения анализа при построении схем воспроизводства абстрагируется от ряда условий, в том числе и от изменений органического состава капитала, нормы эксплоатации и т. д.

---

[1]) Главной его работой является изданная в 1926 году в Берлине толстая книга «Der Imperialismus», основные мысли которой он повторяет в ответе критикам «Der Imperialismus und seine Kritiker».

[2]) F. Sternberg. Der Imperialismus und siene Kritiker, S. 64—65.

Штернберг здесь-то и «хватает быка за рога»!

Ведь «накопление капитала зависит от конкуренции (!),—говорит он,—а конкуренция увеличивает долю мертвого инвентаря и уменьшает долю живой рабочей силы» (стр. 19), а это, как известно, ведет к повышению органического состава капитала. Если иметь в виду повышение органического состава капитала, то по мнению Штернберга, мы неизбежно придем к перманентному кризису при «чистом капитализме» и тем самым мы вынуждены будем принять целиком его теорию империализма.

Штернберг даже не пытается при этом выяснить, почему же Маркс, открывший органический состав капитала и закон его повышения, абстрагируется от этого в схемах. Он считает, вероятно, это простым «упущением», дающим возможность Штернбергу «поправить» Маркса законом, который открыт не кем иным, как Марксом. Он не видит, что основные закономерности и противоречия капитализма Маркс мог показать и показал наглядно на схемах, даже отвлекаясь в целях упрощения анализа от изменений органического состава капитала, норм накопления, норм эксплоатации, уровня зарплаты и т. д. Как же доказывает Штернберг неизбежность «перманентного кризиса» при чистом капитализме, при допущении повышения органического состава капитала в схемах расширенного воспроизводства?

Известно, что в марксовых схемах воспроизводства, как простого, так и расширенного, совокупное общественное производство и его продукт делятся на два основных подразделения:

I — отрасль производства средств производства,

II — отрасль производства предметов потребления.

Капитал каждого из этих подразделений должен быть воспроизведен как по стоимости, так и в натуральном виде, т.-е. должны быть вновь созданы орудия и средства производства и средства существования для рабочих. Кроме того, ежегодно должны быть произведены предметы личного потребления (и роскоши) для класса капиталистов обоих подразделений.

Но капитал I подразделения воспроизводится в товарах, представляющих исключительно средства производства, а II—в предметах личного потребления. Но так как I подразделению, кроме средств производства, нужны предметы потребления, которых он не производит, а II—средства производства, также не производимые им, то между этими подразделениями существует взаимный обмен. I подразделение получает для личного потребления рабочих и капиталистов товары из II подразделения, последнее, в свою очередь, получает в обмен за это нужные ему для возмещения и увеличения постоянного капитала средства производства.

Но чтобы иметь такой «нормальный» ход расширенного воспроизводства, чтобы не оказалось лишних и не находящих сбыта товаров, необходима известная пропорция в росте обоих подразделений.

Постоянный капитал II подразделения может возрастать лишь в размере, равном по стоимости тому количеству предметов потребления, которое требуется I подразделению т.-е. должны равняться возросшему переменному капиталу I и той части прибавочной стоимости, которая потребляется капиталистами I подразделения в качестве дохода.

В схемах расширенного воспроизводства Маркс и показывает эту связь и зависимость между двумя подразделениями. Но здесь-то Штернберг и «возвышает голос», опираясь на «открытие» о росте органического состава капитала.

Что означает повышение органического состава капитала в I подразделении? — Увеличение постоянного за счет переменного капитала. Значит, утверждает он, уже меньше нужно будет там средств потребления и больше средств производства. Следовательно, I подразделение меньше будет брать предметов потребления и, в свою очередь, все меньше давать в обмен на них I подразделению средств производства.

В каком положении очутятся капиталисты II подразделения?—Они поневоле должны понизить свое накопление, так как, во-первых, будут меньше получать средств производства для постоянного капитала, во-вторых, меньше могут реализовать предметов потребления.

«Получается, таким образом, полнейшая нелепость. Для того, чтобы при повышающемся органическом составе капитала был возможен обмен между обоими подразделениями, капиталисты подразделения II в соответствии с тенденцией ко все более высокому органическому составу капитала должны меньше накоплять» [1]).

Эта выводимая Штернбергом «полнейшая нелепость» является, по собственному его заявлению, «центральным пунктом» его рассуждений.

---

[1]) F. Sternberg. Der Imperialismus, S. 97.

Необходимо отметить, что у Штернберга существуют два варианта и сей нелепости. При первом варианте он просто повышает органический состав капитала в I подразделении, сохраняя одинаковые нормы накопления для обоих подразделений, и таким путем выводит неизбежность «принципиально нереализуемого остатка» во II подразделении. При втором варианте он «соглашается» с фактом неравномерности норм накопления, но все же утверждает, что достаточно органическому составу капитала I подразделения подняться, как неизбежно понизится норма накопления во II подразделении.

Что касается первого варианта, то секрет его довольно простой.

Что значит повысить органический состав общественного капитала и одновременно требовать сохранения одинаковых норм накопления в обоих подразделениях?

Это значит заранее допустить «полнейшую нелепость», чтобы потом «выводить» ее уже из схем. Ибо ясно, что рост органического состава общественного капитала означает также более быстрое расширение рынка реализации для средств производства, чем для предметов потребления, а одинаковая норма накопления или расширенного воспроизводства при прочих равных условиях означает, что продукция обеих отраслей растет одинаково быстро.

Ясно, что если заранее предположить одинаковый рост продукции и различную возможность реализации для обеих отраслей, то не нужно много мудрости для того, чтобы доказать, что во II подразделении, возможность реализации которой отстает от роста продукции, должен образоваться «принципиально нереализуемый остаток». Но все дело в том, что неравномерность накопления в различных отраслях не только возможна, но и неизбежна.

Не лучше обстоит у Штернберга дело и со вторым вариантом «полнейшей нелепости». Здесь он готов «согласиться» с фактом неравномерности норм накопления в различных подразделениях, но не отказывается от основного своего тезиса и продолжает утверждать, что

> «при повышении органического состава I подразделения должна была бы понизиться норма накопления во II подразделении, потребление в нем должно было бы увеличиваться, чтобы опять стал возможным стопроцентный обмен» (стр. 163, подч. мной. — **М. Е.**).

Но, спрашивается, почему в результате роста органического состава капитала в I подразделении обязательно «должна была бы» понизиться норма накопления во II?

Правильно, что постоянный капитал II подразделения может возрасти, а норма накопления повыситься, если I подразделение будет нуждаться в возросшем (в известной пропорции) количестве продуктов потребления по сравнению с прошлым годом

Но разве рост органического состава капитала в I подразделении делает это абсолютно невозможным?

Во-первых, переменный капитал I подразделения, уменьшаясь относительно по сравнению с постоянным капиталом, тем не менее может возрасти и возрастает в своих абсолютных размерах, благодаря вовлечению в процесс производства новых рабочих, что уже дает II подразделению возможность реализовать возросшую продукцию предметов потребления и увеличить свой постоянный капитал. Выводить из роста органического состава капитала абсолютное уменьшение переменного капитала можно только, извращая теорию абсолютного обнищания и отдавая дань туган-барановщине.

Во-вторых, Штернберг, «развивая принципы Маркса», забыл, что рост органического состава капитала ведет к повышению нормы эксплоатации, что дает возможность капиталистам подразделения. даже при росте нормы накопления, повысить (в известных пределах) абсолютные размеры личного потребления, а это, как известно, также повышает спрос на предметы потребления и роскоши из II подразделения, создавая дополнительные возможности реализации и накопления в нем.

Таким образом, норма накопления во II подразделении, при повышении органического состава капитала в I подразделении, не только не обязательно должна снизиться, но может также расти, правда, значительно отставая от соответствующих темпов роста в I подразделении. При этом, разумеется, и рост органического состава капитала, и рост эксплоатации будет не одинаков в обеих отраслях. Но это обстоятельство не только не является «полнейшей нелепостью», но нелепостью было бы как раз обратное,—если производство средств производства (I подразделение) не обгоняло бы, а отставало от производства предметов потребления (II подразделение).

Для того, чтобы в связи с повышением органического состава капитала оправдался вывод Штернберга, остается одна «возможность». Но эта возможность уменьшения нормы накопления во II подразделении, однако, может быть достигнута, если «повысить» органический состав капитала, оставив неизменной величину самого капитала, если при этом вдобавок «забыть», что повышение органического состава капитала связано с ростом эксплоатации.

Тогда, действительно, мы будем иметь не только относительное, но и абсолютное уменьшение суммы доходов I подразделения, и сбудутся все пророчества Штернберга на счет II подразделения.

Однако такое «повышение» органического состава капитала, оторванное от роста материального производства и реального накопления, может произойти только в формуле, притом только в формуле, родившейся в голове, «полной чистого разума» и непроветренной еще от наследства Оппенгеймера.

Но так как реальный рост органического состава капитала в действительности не имеет ничего общего с формалистическим и метафизическим представлением Штернберга, так как капиталисты повышают органический состав капитала не ради формулы Штернберга, а для повышения нормы эксплоатации, так как, наконец, капиталисты все же не намерены абсолютно уменьшать свое личное потребление, то выводы Штернберга во втором его варианте оказываются также основанными на произвольных предположениях. Таким образом, «полнейшая нелепость», выводимая Штернбергом, есть результат целого ряда «полнейших нелепостей», которые он сам предварительно допускает.

Это не означает, разумеется, что повышение органического состава общественного капитала может происходить гладко и не обостряет значительно противоречий, неизбежно приводящих к кризису.

Это означает лишь, что кризис при «чистом капитализме», как и при конкретном—даже при повышающемся органическом составе капитала, происходит не «перманентно», как думает Штернберг, а периодически разражается, как стихийное и насильственное проявление нарастающих противоречий.

Штернберг, рассуждая о кризисах, не понимает сущности кризисов и сущности основного противоречия капитализма. Его рассуждения совпадают с рассуждениями П. Нежданова, о котором Ленин писал:

> «г. П. Нежданов думает, что «раз действительно существует противоречие между производством и потреблением—это противоречие должно систематически давать избыточный продукт». Это совершенно произвольное и, по-моему, совершенно неправильное толкование».
>
> «Мы вполне можем представить себе,—пишет далее Ленин (рассуждая чисто теоретически об идеальном капиталистическом обществе)—реализацию всего продукта в капиталистическом обществе без всякого избыточного продукта, но мы не можем представить себе капитализма без несоответствия между производством и потреблением. Выражается это несоответствие (как ясно показано Марксом в его схемах) в том, что производство средств производства может и должно обогнать производство предметов потребления»[1]).

Теоретическая возможность полной реализации продукта при повышающемся органическом составе капитала нисколько не означает возможности бескризисного развития капитализма. Напротив, именно потому, что эта реализация возможна только при условии различной быстроты роста органического состава капитала, более быстрого развития производства средств производства, и еще большего отставания производства предметов потребления—при различных нормах эксплоатации и накопления и различных темпах роста этих норм—растет основное противоречие капитализма, делающее неизбежным периодическое (а не перманентное, как думает Штернберг) бурное и разрушительное проявление этого противоречия, т.-е. кризисы.

Здесь, однако, необходимо со всей ясностью подчеркнуть, что когда это противоречие уже получило свое проявление, когда кризис уже наступил, выражением чего является перепроизводство не только во II, но и в I подразделении было бы, разумеется, грубейшей ошибкой рассуждать о возможности безболезненной реализации продукта путем «переливания капиталов», «образования товарных запасов» или одновременного использования известного рода товаров в обоих подразделениях марксовых схем.

Эта аргументация, выдвинутая Бауэром против Розы Люксембург, в корне неверна и по существу представляет апологетическую проповедь возможности

---

[1]) Ленин, т. II, изд. 2-е, стр. 442.

бескризисного развития капитализма. Такая «защита» Маркса, хотя и направленная против скептиков, должна быть отброшена, как худшая ревизия марксизма.

Приходится удивляться, что некоторые из критиков Штернберга иногда с теми или иными оговорками считают для себя возможным повторять бауэровскую аргументацию [1]). Они придумывают различные аргументы для того, чтобы доказать «больше» того, чем хотел доказать сам Маркс,—хотят доказать возможность безболезненного рассасывания общего перепроизводства уже после того, как это перепроизводство обнаружилось, т.-е. при кризисах.

Вернемся, однако, к Штернбергу и подведем некоторые итоги.

Штернберг, делая исходным пунктом своего об'яснения кризисов реализацию продукта, сведя проблему кризисов к «принципиально нереализуемому остатку» предметов потребления, не видя основное внутреннее противоречие капиталистического производства,—лишен возможности понять диалектику нарастания кризисов и их периодичность, понять капиталистический цикл, как имманентное возникновение и развитие противоречий, и вынужден искать причину во внешнем толчке, во взаимодействии капитализма со «средой», как источник этой периодичности.

В проблеме воспроизводства Штернберг ревизует все основные положения марксовой теории воспроизводства, проявляет непонимание существа противоречий капитализма, игнорирует примат производства. Рассуждая о росте органического состава капитала, он отрывает этот рост от содержания материального производства и реального накопления, давая образцы полнейшего игнорирования основных положений материалистической диалектики.

* * *

Методологически ошибочный антимарксистский исходный пункт штернберговской теории империализма неизбежно приводит его к ошибочной ревизионистской системе взглядов при трактовке проблем империализма и общего кризиса капитализма.

Для всякого претендующего на близость к марксизму и рассуждающего об империализме обязателен прямой ответ на отношение к ленинской теории империализма. Хотя теория Штернберга во всех узловых пунктах противоречит взглядам Ленина, он пытается, однако, в предисловии к своему «продолжению «Капитала» увильнуть от прямого ответа.

«По отношению к человеку такого калибра, как Ленин,—говорит он,—можно занять позицию только после ознакомления со всеми его сочинениями, а не на основании одной брошюры».

Под «брошюрой» Штернберг подразумевает не что иное, как «Империализм» Ленина!

Не правда ли, очень «скромно» ведет себя Штернберг «по отношению к человеку такого калибра, как Ленин», не рискуя «занимать позицию», не ознакомившись со всеми его сочинениями? Не трудно, однако, видеть всю лицемерность этих слов, ибо Штернберг просто не хочет сказать прямо, что занятая и упорно отстаиваемая им «позиция» во всех основных пунктах расходится и противоречит взглядам Ленина, изложенным в его классической работе, той самой, которую Штернберг развязно называет «брошюрой». Более того, он даже пытается в вопросе об определении самой сущности империализма противопоставить Ленину... Маркса. Цитируя то место из Маркса, где говорится о зависимости нормы прибыли от степени капиталистического развития страны, он продолжает:

«Если на место неразвитой страны поставить некапиталистические территории, т.-е. страны, которые еще нужно втянуть в орбиту капитализма, то тогда из марксовых предпосылок получится вывод об империализме. Империализм означает вторжение в некапиталистические страны» [2]).

Странно, очень странно «продолжает» «Капитал» Фриц Штернберг!

Помимо грубо ошибочного допущения нормы прибыли в некапиталистических территориях, Штернберг здесь, по существу, пытается доказать, что опре-

[1]) Образцом такого перепевания бауэровской аргументации является статья Гольденберга «Против путаницы в теории империализма» («Большевик» 1927 г., № 3—4), содержащая, кроме того, насквозь механистическое, в духе бухаринской теории равновесия, понимание сущности кризисов. Подобные рассуждения имеются и в книге Герценштейна «Теория капиталистического рынка».

[2]) F. Sternberg. Der Imperialismus, S. 71 (подчеркнуто мной.—М. Е.).

деление империализма, как «вторжения» или как политики, т.-е. определения Штернберга и Каутского, направленные против ленинского, «вытекает из марксовых предпосылок».

Правда, в ответе критикам Штернберг «соглашается» назвать империализм не политикой, а этапом капитализма, но от этого он ни на шаг не приближается к Ленину, ибо этим «этапом» он считает вообще период, «когда капитализируются некапиталистические территории» [1]), специально оговаривая в дальнейшем, что «само собой разумеется исторический империализм не вполне совпадает с монополистическим капитализмом» [2]).

Поистине замечательно это «не вполне совпадение», когда «капитализация некапиталистических территорий» в штернберговском понимании началась задолго до периода монополистического капитализма.

Ленин монополии считал «самой глубокой основой империализма». Штернберг прямо отрицает это в своих работах. Для него монополии лишь внешним образом, и то не «вполне», могут совпасть исторически с империализмом.

Вопрос о природе финансового капитала, проблема сращивания промышленного капитала с банковским также не находят места в «теории» Штернберга. У него «империализм» по существу без финансового капитала.

Как обстоит дело с другой характерной чертой империализма—экспортом капитала?

Для Штернберга экспорт капитала, по существу, совпадает с экспортом товаров, он сводится к простой реализации «принципиально нереализуемого» остатка предметов потребления, с той разницей, что «некапиталистические территории (!?) получают возможность за товары из подразделения II вовсе не платить товарами, либо платить ими в незначительной мере» (стр. 23).

Надо ли говорить, что такое понимание прямо противоречит ленинскому, во-первых, потому, что для экспорта капиталов необходима известная ступень развития капитализма, а не «некапиталистические территории», во-вторых, потому, что здесь вообще «дыбом» изображается самое существо экспорта капитала...

Непонимание природы экспорта капитала, неверное понимание сущности империализма приводят Штернберга, по существу, к отрицанию паразитизма и загнивания, как одной из характерных черт империализма, как выражение обострения всех противоречий капитализма на его последнем этапе. Более того, его понимание империализма неизбежно должно было привести и приводит его к убеждению о смягчении противоречий капитализма при империализме. Специальной схемой (которые так любит применять Штернберг), доказывается, что в империалистических странах все рабочие, а не только рабочая аристократия, получают часть прибавочной стоимости. Для этого специально ревизуется марксова теория прибавочной стоимости, и между необходимым и прибавочным трудом с легкостью, обычной для Штернберга, втискивается отрезок времени, так называемое «защищенное время» (Schonzeit).

За ограниченностью места мы лишены возможности остановиться здесь на множестве других грубейших извращений марксизма Штернбергом в проблеме зарплаты, резервной армии, в теории обнищания и т. д., требующих специального разбора. В частности, упорное подчеркивание улучшения общего благосостояния всего рабочего класса в странах, имеющих колонии, заслуживает специальной критики под углом зрения того об'ективного политического смысла, который имеет пропаганда этой теории в странах побежденных. Иначе как к ослаблению революционного под'ема рабочих этих стран, иначе как к попытке связать интересы пролетариата с империалистическим «напором» (Vorstoss),—тем самым об'ективно прививать рабочим реваншистские идеи буржуазии побежденных стран,—ни к чему иному эта пропаганда привести не может.

С такой антимарксистской общей концепцией империализма Штернберг пытается подойти к проблеме кризисов при империализме и рассуждать о периоде общего кризиса капитализма. Разумеется, при таких исходных положениях наивно было бы ожидать от Штернберга правильных и ясных выводов об этих важнейших проблемах современного капитализма.

Штернберг констатирует факт изменения характера и обострение кризисов в послевоенном периоде империализма. Это бесспорно. Но как об'ясняет он этот бесспорный факт и какие делает отсюда выводы?

Верный своему антидиалектическому методу Штернберг об'ясняет это обострение кризисов не из внутренних структурных изменений послевоенного капитализма, а только из затруднений реализации товаров в «некапиталистических территориях». Общий кризис капитализма представляется ему при этом той гранью, дальше которой некуда будет реализовать «остатков» и нечего будет

[1]) F. Sternberg. Der Imperialismus und seine Kritiker, S. 37.

[2]) F. Sternberg. Там же, стр. 186—187.

«капитализировать». Но ведь это означает, что общий кризис в штернберговском понимании в сущности еще не наступил, ибо ведь есть еще не вполне «капитализированные» уголки и территории на земном шаре. Такое понимание, проглядывающее у Штернберга иногда за очень «левыми» фразами, тем не менее неизбежно вытекает из его теории. Важнейшей чертой общего кризиса послевоенного капитализма является то, что:

> «капитализм уже не представляет единственной и всеохватывающей системы мирового хозяйства, что на ряду с капиталистической системой хозяйства существует социалистическая система, которая растет, которая преуспевает, которая противостоит капиталистической системе и которая самым фактом своего существования демонстрирует гнилость капитализма, расшатывает его основы» (Сталин, Политотчет ЦК к XVI с'езду ВКП(б).

Штернберг, выпустивший свои книги на 9-м году существования пролетарской диктатуры в СССР, не видит этого показателя общего кризиса капитализма. Он не видит его также на 13-м году нашей революции, делая доклад в самой столице страны строящегося социализма.

Можно ли что-либо понять в периоде общего кризиса капитализма без учета, без серьезнейшего изучения этого факта? Разумеется нет. Штернберг и не может понять этого. И это его непонимание также не случайно и вытекает из его понимания империализма.

Штернберговская концепция империализма несовместима с ленинским законом неравномерного развития при империализме, а игнорирование этого закона неизбежно приводит как к игнорированию значения социалистической системы при анализе общего кризиса капитализма, так и к прямому отрицанию возможности построения социализма в одной стране. В своем главном труде Штернберг прямо отрицает эту возможность, при чем его рассуждения не только в исходном пункте (игнорирование закона неравномерного развития), но и в оценке движущих сил революции, вполне совпадает с троцкистско-меньшевистской концепцией этого вопроса. Он видит лишь противоречия и борьбу между пролетариатом и крестьянством, не различает кулака от середняка и бедняка, он не хочет видеть прочного союза между двумя основными классами в нашем государстве, руководящей роли пролетариата.

Он рассуждает постоянно о «борьбе за власть» между городом и деревней и вслед за Троцким и Отто Бауэром считает, что вопрос решится лишь на арене мировой революции. Мировую же революцию пролетариата Штернберг связывает исключительно с империалистической войной, что, конечно, также ничего общего не имеет с марксизмом и ленинизмом.

Невозможно остановиться здесь на ряде других ошибочных антимарксистских положений, развиваемых Штернбергом в связи с проблемой общего кризиса капитализма. Но сказанного уже достаточно, чтобы убедиться в том, что Штернберга нельзя считать марксистом, а его взгляды—марксистскими.

Через всю концепцию Штернберга как в «центральном пункте», о реализации, так и во всей его «теории» империализма красной нитью проходит антидиалектический и формалистический неокантианского порядка метод исследования важнейших узловых проблем.

Во всех узловых пунктах затрагиваемых им вопросов он занимает ошибочные антимарксистские, антиленинские позиции. Из его концепции могут вытекать лишь ошибочные, оппортунистические, политически вредные выводы.

Книги Штернберга могут быть рекомендованы, как образец путаницы и грубого извращения марксизма, как новая попытка ревизии и противопоставления этой ревизионистской путаницы основным положениям ленинской теории империализма.

Отказывается ли Штернберг от своей антимарксистской системы взглядов в настоящем докладе? Делает ли он действительные шаги приближения к марксизму?

По существу — нет!

Изменяя кое-где словесные формулировки, вводя кое-где поправочки, отказавшись от кое-каких явно несуразных и нелепых положений,—Штернберг, по существу, не отказался от основных своих позиций, направленных против марксистско-ленинской теории воспроизводства, кризисов и империализма. Поэтому надо считать неправильным и слишком поспешным и другое утверждение предисловия, что у Штернберга, хотя бы даже под ударами критики, «совершается» путь преодоления враждебных марксизму учений», что он «от Оппенгеймера лишь постепенно через Розу Люксембург подвигается к Марксу». Не говоря о том, что не правильно изображать движение Штернберга через Розу Люксембург к Марксу, надо сказать, что заключительное слово Штернберга пока-что не дает оснований для такого вывода.

* *
*

Общей слабостью имевшей место по докладу Штернберга дискуссии является недостаточная развернутость и углубленность критики. Однако, большинство выступавших в основном правильно указывали антимарксистскую сущность различных сторон концепции Штернберга. Подробный разбор имевших место выступлений не представляется возможным. Ограничимся поэтому несколькими краткими замечаниями.

Выступивший первым т. Герценштейн характеризует идейные корни концепции Штернберга и устанавливает связь его с Розой Люксембург, Сисмонди и др. Однако, когда он пытается дать положительное разрешение проблемы цикла и кризисов, то здесь у него дело обстоит менее благополучно. Он постоянно говорит о противоречии между производством и потреблением, которое «вызревает в производственно-потребительскую диспропорцию», забывая при этом, что у Маркса и Ленина, именно в противовес Сисмонди и др., постоянно подчеркивается противоречие не просто между производством и потреблением, а противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения.

Довольно странно представляет себе тов. Герценштейн и отношение между диалектическим противоречием и развитием. Так, например, он говорит:

> «Противоречие не исключает развития, но, вызревая периодически в массовую производственно-потребительскую диспропорцию, делает это развитие кризисообразным, а не плавным и гармоничным. Ведь противоречивое развитие также (?) есть развитие» (стр. 60, подчеркнуто мной. — **М. Е.**).

Выходит, что есть «также» и непротиворечивое развитие. К положительным моментам выступления т. Герценштейна надо отнести критику попыток доказать возможность бескризисного изживания уже обнаружившегося перепроизводства. В частности положительным является признание им своей собственной ошибки в книге «Теория капиталистического рынка», где он сам также развивал подобную аргументацию.

Критику неверных взглядов Штернберга в проблеме зарплаты и резервной армии дает в прениях тов. Ф. Кюн, правильно вскрывший оппортунистическую сущность и вредность штернберговской теории «защищенного времени» и политически четко поставивший вопрос об абсолютном обнищании.

Ошибочность и антиленинская сущность общей концепции империализма у Штернберга вскрывается т. Мадьяром, который совершенно правильно показывает всю пропасть, которая отделяет штернберговское понимание империализма от ленинского.

Тов. Гольдштейн, затрагивая проблему монополии, загнивания и паразитизма при империализме, правильно вскрывает всю несостоятельность штернберговского понимания этих важнейших черт империализма.

Тов. Рудаш дает критику методологических корней концепции Штернберга.

Тов. Рагольский правильно в целом критикует взгляды Штернберга, однако, ошибается, считая возможным частично применить аргументацию Бауэра против Розы Люксембург, хотя и указывает на неприемлемость его рассуждений в целом.

В выступлении Е. Горфинкеля необходимо отметить, помимо общей запутанности его рассуждений, явно ошибочное положение. Он считает, что Штернберг «сделал один шаг вперед в деле понимания марксовых схем воспроизводства по сравнению с Люксембург» (стр. 129). Это—ошибочное и вредное прикрашивание теории Штернберга, напротив, как правильно подчеркивали другие, Штернберг в проблемах реализации является именно эпигоном люксембургианства, а о сравнении его взглядов в целом с взглядами великой революционерки, разумеется, не может быть и речи.

Тов. Найман совершенно правильно и политически четко критикует штернберговское понимание общего кризиса капитализма.

Несколько выделяется краткое, но достаточно путаное и ошибочное выступление тов. Никсдорфа, который хотя и считает критику «вполне заслуженной» Штернбергом, однако, пытается сгладить, по его мнению, слишком «односторонне заостренный» характер выступлений. Самое большое, что он считает возможным сказать, это то, что по его мнению:

«то решение, которое дает Штернберг в поставленной им проблеме империализма, резервной армии, заработной платы и кризиса страдает многими недостатками» (стр. 131).

Чем же вызвана такая мягкая, чтобы не сказать большего, оценка? Оказывается, что

«в немецкой марксистской литературе мы имеем в последние годы, во-первых, книгу Штернберга, во-вторых, книгу Гроссмана» (!),—заявляет тов. Никсдорф (стр. 130, подчеркнуто мною — М. Е.).

Итак, с легкой руки тов. Никсдорфа, не только Штернберг, но и Гроссман со своими теориями попадет в марксистскую литературу.

Тов. Никсдорф далее упрекает Штернберга в том,

«что он не подкрепляет свою теорию империализма достаточно убедительными конкретными данными численности резервной армии и высоты заработной платы. Будем надеяться,—продолжает он,—что в русском издании он восполнит этот пробел (стр. 132, подчеркнуто мной.—М. Е.).

Надежды тов. Никсдорфа, что Штернберг восполнит «этот пробел»—предоставим его оптимизму. Заметим только, что вся эта путанная, политически и теоретически нечеткая речь его не выдерживает никакой критики.

Как было указано, общим недостатком дискуссии надо считать недостаточную развернутость и углубленность критики. Взгляды Штернберга безусловно должны быть подвергнуты более систематической, развернутой и углубленной критике. Будем надеяться, что с выходом в свет русского издания книги Штернберга этот пробел будет восполнен.

М. ЕНГИБАРЯН.